

Российская Академия Наук

ТРУДЫ

Кольского научного центра РАН

4/2021 (12)

ГУМАНИТАРНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

выпуск 21

Апатиты
2021

0+

Российская Академия Наук

0+

4/2021(12)

издается с декабря 2010 г.

УДК 316.7 (985)
ISSN 2307-5252

ТРУДЫ

Кольского научного центра

ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

выпуск 21

Научно-информационный журнал

Основан в 2010 году
Выходит 11 раз в год

Учредитель — Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр «Кольский научный центр Российской академии наук»

Свидетельство о регистрации СМИ

ПИ № ФС77-58457 от 25.06.2014

выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Главный редактор, председатель Редакционного совета
С. В. Кривовичев, чл.-корр. РАН, д. г.-м. н., проф.

Заместитель главного редактора

В. К. Жиров, чл.-корр.

Редакционный совет:

академик Г. Г. Матишов,
чл.-корр. А. И. Николаев,
д. э. н. Ф. Д. Ларичкин
д. т. н. В. А. Путилов,
д. ф.-м. н. Е. Д. Терещенко,
к. т. н. А. С. Карпов (отв. секретарь)

Редколлегия серии

«Гуманитарные исследования»:

д. и. н. И. А. Разумова (отв. редактор);
д. и. н. И. Ю. Винокурова;
д. филол. н. Н. В. Дранникова;
к. филос. н. Н. Н. Измоленова;
д. г.-м. н. В. П. Петров;
к. и. н. Е. А. Пивнева;
д. э. н. Т. П. Скуфьина;
д. и. н. Ю. П. Шабаев;
к. и. н. О. В. Шабалина

Ответственный редактор выпуска:

к. и. н. К. С. Казакова

Научное издание

Редактор Ю. Н. Еремеева
Технический редактор В. Ю. Жиганов

Подписано в печать 09.11.2021.

Дата выхода в свет 10.12.2021.

Формат бумаги 70×108 1/16.

Усл. печ. л. 17,24. Заказ № 35. Тираж 500 экз.

Свободная цена

Адрес учредителя, издателя и типографии:

Федеральное государственное бюджетное

учреждение науки

Федеральный исследовательский центр

«Кольский научный центр РАН»

184209, г. Апатиты, Мурманская обл.,

ул. Ферсмана, 14

Тел.: (81555) 7-53-50; 79-5-95, факс: (81555) 76425

E-mail: ksc@ksc.ru. www.ksc.ru

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Разумова И. А., «Созидательное устройство совместной жизни»: путь семьи ученых-геологов..... Саморукова А. Г.	7
Шабалина О. В. Персональный фонд гидроэнергетика Казакова К. С. С. В. Григорьева Музея-архива истории изучения и освоения Европейского Севера ЦГП КНЦ РАН.....	28
Петровский М. Н. Н. В. Кудрявцев и геологические исследования Русской Лапландии Мурманской экспедицией в 1880 г.	37
Иванова Л. А. К 45-летию лаборатории декоративного цветоводства и озеленения ПАБСИ КНЦ РАН....	53
Ильина К. А. «Никто не может быть ... профессором, не имея степени доктора»: дискуссии о докторской диссертации Андрея Угянского.....	73
Жарова Е. Ю. Администраторы поневоле: профессора ботаники и зоологии российских университетов и создание лабораторий в 1860-70-е гг.	81
Калинина Е. А. Проблемы преподавания физической культуры и развития спорта в Карельском педагогическом институте в 1930-е гг.	94
Шахнович М. М. Валунные ямы Беломорья.....	104
Давыдова А. С. Воспроизведение сакрального ландшафта Териберки в контексте развития туризма в Мурманской области.....	126
Сулейманова О. А. Саамские веб-сообщества глазами модераторов (на примере социальной сети «ВКонтакте»).....	141
Травин И. А. Проблематика восприятия изображения отсканированного бумажного листа как аутентичного образа объекта.....	154

Аспирантские тетради

Доник К. В.	Н. И. Бахтин в Морском министерстве: к истории формирования чиновного окружения князя А. С. Меншикова во флоте в конце 1820-х – начале 1830 х гг.	162
Сушко Е. О.	Британские солдаты на станции Имандра в 1919 г.: исторический комментарий к одной фотографии.....	171

Научная жизнь

Шабалина О. В.	Мурманский художник Шевнин Анатолий Николаевич. К 70-летию со дня рождения.....	178
Бодрова О. А.	О Международной корейско-российской конференции «Традиции и актуальное состояние малочисленных народов Арктической зоны России» и современных праздниках кольских саамов.....	183
Казакова К. С.	О XLII Международной научной годичной конференции «Наука и техника в годы бурь и потрясений» (к юбилеям А. П. Карпинского и Л. С. Берга).....	190

Russian Academy of Sciences

0+

4/2021(12)
Published since 2010

UDC 316.7 (985)
ISSN 2307-5252

TRANSACTIONS

Kola Science Centre

Editor-in-Chief: S. V. Krivovichev,
Corr. Member of the RAS, Prof.

Deputy Editor-in-Chief:
V. K. Zhiron, Cor. Member of RAS

Editorial Council:

G. G. Matishov, Acad. of RAS,
A. I. Nikolaev, Cor. Member of RAS,
F. D. Larichkin, Dr. Sc. (Economics),
V. A. Putilov, Dr. Sc. (Engineering),
E. D. Tereshchenko, Dr. Sc.
(Physics and Mathematics),
A. S. Karpov PhD (Engineering) –
Executive Secretary

Editorial Council

of "Humanitarian studies" Series:

Prof. I. A. Razumova (Editor-in-Chief),
Prof. I. Ju. Vinokurova,
Prof. N. V. Drannikova,
PhD (Philosophy) N. N. Izmodenova,
Prof. V. P. Petrov,
PhD (History) E. A. Pivneva,
Prof. T. P. Skufina,
Prof. Ju. L. Shabaev,
PhD (History) O. V. Shabalina

Executive Editor:

K. S. Kazakova, PhD (History)

HUMANITARIAN STUDIES

Series 21

14, Fersman str., Apatity, Murmansk region, 184209, Russia
Tel.: (81555) 79380. Fax: (81555) 76425
E-mail: ksc@ksc.ru www.ksc.ru

© Barents Center of Humanities KSC RAS, 2021
© Federal Research Centre "Kola Science Centre
of the Russian Academy of Sciences", 2021

CONTENTS

	Pages
Razumova I. A., "Creating a joint life": life path of the family Samorukova A. G. of geologists.....	7
Shabalina O. V., Personal fund of hydropower engineer Kazakova K. S. S. V. Grigoriev of the Museum-archive of the BCH KSC RAS.....	28
Petrovskiy M. N. N. V. Kudryavtsev and geological researches of the Russian Lapland by the Murmansk expedition in 1880.....	37
Ivanova L. A. The history of development of the decorative floral growing and gardening laboratory of the N. A. Avrorin Polar-Alpine Botanical Garden-Institute of KSC RAS.....	53
Ilina K. A. "Nobody can be ... a professor without a doctorate": discussions about the doctoral dissertation of Andrey Ugyansky.....	73
Zharova E. Yu. Administrators despite their wish: the professors of botany and zoology of Russian universities and creation of laboratories in the 1860–70s.....	81
Kalinina E. A. Problems of physical culture teaching and sports development at the Karelian Pedagogical Institute in the 1930s.....	94
Shakhnovitch M. M. Boulder pits of the White Sea Region.....	104
Davydova A.S. Reproduction of the sacred landscape of Teriberka in the context of tourism development in the Murmansk region.....	126
Suleymanova O. A. The Saami webcommunities in the eyes of moderators (on the example of "VKontakte" social network).....	141

- Travin I. A. The problem of perception of the scanned paper sheet image as an authentic image of the object 154

Postgraduate Notebooks

- Donik K. V. Nikolai Bakhtin in the Naval ministry: on the history of the formation of the bureaucratic entourage of prince Alexander Menshikov in the navy in the late 1820s – early 1830s..... 162
- Sushko E. O. British soldiers at Imandra station in 1919: a historical commentary on one photo..... 171

Scientific Life

- Shabalina O. V. Murmansk painter Shevnin Anatoly Nikolaevich. To the 70th anniversary of his birth..... 178
- Bodrova O. A. Concerning the International Korean-Russian Conference “Traditions and Present of Ethnic Minorities in the Arctic Zone of Russia” and modern festivals of the Kola Sami..... 183
- Kazakova K. S. Concerning the International scientific conference “Science and Technology in the Years of Storm and Shock (to anniversaries of A. P. Karpinsky and L. S. Berg)” 190

Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 21. 2021. Т. 12, № 4. С. 7–27.

Transactions of the Kola Science Centre. Humanitarian studies. Series 21. 2021. Vol. 12, no. 4. P. 7–27.

Научная статья

УДК 301:572+5(470.21)

DOI: 10.37614/2307-5252.2021.4.21.001

«СОЗИДАТЕЛЬНОЕ УСТРОЙСТВО СОВМЕСТНОЙ ЖИЗНИ»: ПУТЬ СЕМЬИ УЧЕНЫХ-ГЕОЛОГОВ

Ирина Алексеевна Разумова¹, Антонина Григорьевна Саморукова²

^{1,2}Центр гуманитарных проблем Баренц региона ФИЦ КНЦ РАН, Апатиты, Россия

¹irinarazumova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5960-9772>

²antonina.samorukowa@yandex.ru

Аннотация

Автобиографическая повесть ученых-геологов супругов Негруца «Тропой любви» (2002) является информативным источником по истории российской геологии, повседневности полевых исследователей, социальной истории семьи. Основное значение книги состоит в том, что это ценное в социально-антропологическом отношении автописание супружеской семьи, принадлежащей к научной интеллигенции и к определенной профессиональной группе. Произведение способствует изучению и пониманию процессов формирования советских городских семей во второй половине XX в. Содержание книги рассматривается в контексте проблем брачного выбора, отношений супружества, организации расширенных родственных общностей, семейных кризисов и конфликтов, взаимосвязи профессиональных и семейных аспектов жизнедеятельности. Семья Негруца относилась к типу супружеских, единство которых основывается на личном взаимодействии мужа и жены и поддерживается имманентными ценностями. В то же время супружеская семья находится под влиянием традиций родительских семей, которые в рассматриваемом случае значительно различались по социально-культурным свойствам.

Ключевые слова:

супружеская семья, жизненный путь, история семьи, семейный конфликт, автобиография, геологи, В. З. и Т. Ф. Негруца, социальная антропология

Финансирование

Статья выполнена по теме госзадания ЦГП КНЦ РАН № 0226-2019-0066.

Для цитирования: Разумова И. А., Саморукова А. Г. «Созидательное устройство совместной жизни»: путь семьи ученых-геологов // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 21. 2021. Т. 12, № 4. С. 7–27. <http://dx.doi.org/10.37614/2307-5252.2021.4.21.001>.

Original article

“CREATING A JOINT LIFE”: LIFE PATH OF THE FAMILY OF GEOLOGISTS

Irina A. Razumova¹, Antonina G. Samorukova²

^{1,2}Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre of RAS, Apatity, Russia

¹irinarazumova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5960-9772>

²antonina.samorukowa@yandex.ru

Abstract

The autobiographical tale of geologists, the Negrutsa spouses, “The Path of Love” (2002) is an informative source on the history of Russian geology, the everyday life of field researchers, and the social history of the family. The main significance of the book is that it is a socio-anthropologically valuable autodescription of a married family belonging to the scientific intelligentsia and to a certain professional group. The work contributes to the study and understanding of the processes of the formation of Soviet urban families in the second half of the twentieth century. The content of the book is considered

in the context of the problems of marriage choice, matrimonial relations, the organization of extended kinship communities, family crises and conflicts, the relationship between professional and family aspects of life. The Negrutsa family belonged to the type of married families, whose unity is based on the personal interaction of husband and wife and is supported by immanent values. At the same time, the married family is influenced by the traditions of parental families, which in this case differed significantly in socio-cultural properties.

Keywords:

marital family, life path, family history, family conflict, autobiography, geologists, V. Z. and T. F. Negrutsa, social anthropology

Funding

The article was made on the topic of the state assignment of the Barents Centre of the Humanities of KSC RAS No. 0226-2019-0066.

For citation: Razumova I. A., Samorukova A. G. "Creating a joint life": life path of the family of geologists // Transactions of the Kola Science Centre. Humanitarian studies. Series 21. 2021. Vol. 12, no. 4. P. 7–27. <http://dx.doi.org/10.37614/2307-5252.2021.4.21.001>.

Введение

В 2002 г. скромным тиражом была опубликована книга Тамары и Владимира Негруца «Тропую любви (автобиографическая повесть)» [1]. Ее авторы — видные ученые-геологи, которые на определенном этапе профессиональной карьеры работали в Кольском научном центре РАН [2], [3]. Сведения о них содержат справочно-биографические издания и небольшие публикации, в основном некрологи¹. Среди них есть и парные биографические портреты, хотя супруги ушли из жизни с интервалом в 11 лет: Тамары Федоровны не стало 30 декабря 2000 г., Владимира Зиновьевича — 2 июля 2011 г.

Книга создавалась сразу после смерти Т. Ф. Негруца. Написанные ею 33 строчки автобиографии начинают вступительную часть («Вместо предисловия»), далее повествование продолжает В. З. Негруца. При этом книга публикуется и презентуется как соавторская. Фактический автор выступает от обоих лиц, поскольку супруги продумывали и обсуждали книгу ранее. Запись Тамары Федоровны о детстве и юности закончилась на словах «В Кузнецком Алатау встретила с Володей и ...» [1:3]². Владимир Зиновьевич поступает так же: после небольшого комментария излагает на одной странице свою «предысторию». И тоже ставит многоточие: «Так я попал в Кузнецкий Алатау, где встретил Тамару...» (с. 10). По вводной заметке «От авторов» можно заключить, что общий замысел, будучи осуществлен в скорбных обстоятельствах, изменился. Супруги предполагали описать опыт двух членов советского общества, которые «*детьми прошли сквозь трагедию самой страшной войны*» (причем по разные стороны фронта), «*были участниками воссоздания разрушенной войной социалистической основы нового общества трудящихся и соучастниками эфемерного пути создания в СССР коммунизма к 1980-му году <...>, сквозь ухабы идеологии "развитого социализма" и его естественного сползания в "рыночную экономику" <...>. Нам представлялось, что опыт семьи и ее вживания в так круто меняющиеся условия жизни может быть полезен тем, кто сочтет интересным разобраться в истории смены экономических формаций и социально-духовного развития человеческого индивидуума на современном уровне развития Человечества*» (с. 3). В исполнении В. З. Негруца произведение стало книгой, написанной в память о жене, и историей отдельно взятой семьи, которая формировалась и развивалась в предложенных ей обстоятельствах во многом за счет собственных ресурсов: социальных, культурных, материальных и пр.

Обращает на себя внимание (и это отмечают авторы биографических очерков-некрологов) личный, интимный характер рассказа о семейных отношениях и их переживании автором. Такое свойство автобиографического текста создает внутренний этический барьер для исследователя. Вместе с тем право на аналитический разбор и цитирование предоставляют не только сам факт публикации, но и авторское высказывание: *«И все, что легло на эти листы — нами в унисон произнесенные мысли, единой думой сформулированные отрывки самых важных для нас бусинок прожитой жизни. Я осмелился их разбросать, чтобы мог видеть каждый, кому они будут любопытны. Потому что скрывать что-либо, к великому счастью, нет нужды»* (с. 4).

Развитие сюжета «повести» начинается с главы «Встреча», за ней следуют «Знакомство», «Любовь», «Женитьба» и т. д. Из названий 20 глав только четыре не имеют прямой связи с семейным «жизненным циклом» и супружескими отношениями.

Организирующий смысл, содержание и значение книги определяются семейной темой, следовательно, это произведение логично рассматривать, прежде всего, в контексте проблем, связанных с формированием и функционированием семьи — как прошлого века, так и современной. Эти проблемы актуальны всегда, тем более в настоящее время, когда институт семьи ускоренно трансформируется; не только исследователи, но общественность, обыватели, масс-медиа активно обсуждают вопрос о его существовании как таковом. К дискуссионным и широко разрабатываемым на протяжении десятилетий в социологии семьи относятся проблемы типологии семейно-родственных общностей и брачных союзов, динамики семейных структур, гетероэтнических и транснациональных семей, брачного выбора, семейных кризисов и конфликтов и многие др. Эмпирические исследования, как правило, основываются на современных репрезентативных данных и методиках «строного» анализа. Методологический инструментарий значительно расширился благодаря стратегии качественного исследования и подходами «семейного развития» и «жизненного пути» [4], [5: 106–117]. Это позволило использовать специфические источники эмпирических данных, в том числе литературные мемуары и автобиографии. Они служат, во-первых, для изучения исторической динамики семейных форм, стратегий, коммуникаций и пр.; во-вторых, — для углубленного понимания отдельных семейных феноменов; в-третьих, — для выяснения интерпретаций всего, что связано с понятием «семья» и с семейной жизнью, с точки зрения разных семей и индивидов; в-четвертых, — для сопоставления опытов проживания, переживания и осмысления семейной жизни в контекстах времени, локальных обстоятельств, определенных социо- и этнокультур.

Цель статьи — показать значение автобиографической повести супругов Негруца для изучения и понимания процессов становления советской супружеской семьи, принадлежащей к научной интеллигенции и к определенной профессиональной группе, во второй половине XX в. Одна из задач — представить этот ценный источник специалистам-гуманитариям.

Мы используем принятую в социологии семьи терминологию, в том числе понятие супружеской семьи — для обозначения нуклеарной семьи (супружеская пара с детьми или без них) и понятие расширенной семьи — для обозначения совместно проживающих близких родственников и свойственников, например, трех поколений. В то же время вслед за С. И. Голодом рассматриваем супружескую

семью как основанную на особых отношениях («супружества»): личностном взаимодействии мужа и жены, которое регулируется моральными принципами и поддерживается имманентными ему ценностями. К имманентным ценностям исследователь отнес «адаптационный синдром», «интимность» и «автономию». В такой семье «стратегические отношения определяются не родством (как в «патриархальной»), а свойством. Муж и жена отказываются безоговорочно подчинять собственные интересы интересам детей; сексуальность не сводится к прокреации; супружеские отношения пронизывает эротизм, акцентируемый как важный элемент постмодернистской семьи» [6: 12–13]. Семья этого типа открывает широкие возможности для индивидуальной самореализации, но она порождает и свои проблемы.

С одной стороны, брак, заключенный по любви, и супружеская семья, основанная на партнерских отношениях, свободны от внешних, институциональных рамок. Отношения продолжаются до тех пор, пока они удовлетворяют членов семьи, то есть супругам необходимо все время поддерживать и укреплять эмоциональную коммуникацию, уровень интимности. Романтическую любовь сменяет «любовь-слияние», и большее значение имеет качество отношений, чем сам партнер и его личные качества [7]. В этой связи «любовь» как концепт и отношение, формирующее социальную общность, представляет большой интерес для социологов [8]. С другой стороны, нельзя игнорировать роль институтов, силу традиций, культурную детерминированность и укоренность брачных, семейных, гендерных норм и установок (см., напр.: [9], [10], [11]).

Именно такая семья, которая создавалась в процессе преодоления противоречий, находится в фокусе внимания автора книги «Тропой любви».

Встреча, узнавание, брак

Символической точкой отсчета совместной биографии супругов была «встреча на производственной практике в Кузнецком Алатау». При этом мемуарист уточняет, что будущую жену он увидел впервые в 1955 г. во ВСЕГЕИ (Всесоюзный научно-исследовательский геологический институт имени А. П. Карпинского), куда был направлен для прохождения практики из Кишиневского университета. «Встреча» знаменуется несколькими микрособытиями, которые важны и в символическом плане (иначе их бы не отметила память мемуариста), и с точки зрения психологии добрачных отношений, и в аспекте проблем брачного выбора (см., напр. [12], [13], [14]). В процессе общения потенциальных супругов поэтапно имеют большое значение первое впечатление, затем сопоставление ценностей и «примерка» семейных ролей [15].

Владимир обратил внимание на девушку, когда перед выездом в экспедицию покупали билеты в железнодорожных кассах. Она одна была в геологической форме, в такой же форме он ходил в Кишиневе.

У Владимира это была первая производственная практика, у Тамары — вторая. Добирались да места прохождения практики с остановкой в Москве, где все студенты сходили на выставку картин Дрезденской галереи. Несколько раз Владимир и Тамара останавливались вместе перед одними и теми же картинами, делились впечатлениями, которые почти все удивительно совпадали. В результате общения на пути к месту практики между молодыми людьми постепенно установились отношения сначала «хорошего знакомства», а затем и «дружбы»:

«В поезде на Абакан после завтрака мы с нею постояли у окна, что повторялось в течение пяти или шести дней езды до самого Копьева. За это время мы успели рассказать друг другу почти все о себе. Я узнал, что Тамара занимается художественной гимнастикой, любит танцы и чуть не поступила в ансамбль «Березка». Я рассказал ей о себе, о своем участии в художественной самодеятельности, комсомольской работе, об увлечении велогонками и боксом, футболом и другими доступными видами спорта. Нам нравилось общаться друг с другом и беседовать на самые разные темы. Поэтому пять суток в поезде показались нам совсем не длинными. В Копьево мы приехали уже хорошо знакомыми друзьями (с. 14–16). Мужественное поведение Тамары во время опасных переходов вызвало уважение к девушке. Постепенно «интерес к ней перерос в симпатию, нежность и желание делать для нее только приятное. Тем самым я ее выделил среди других. Очевидным был и ее интерес ко мне. Мы пользовались всякой возможностью, чтобы чаще бывать рядом. С интересом обсуждали любые темы и были удивительно единодушны в оценках» (с. 22). Воссоздавая свое отношение к будущей жене, мемуарист утверждает: он находил в ней то, что считал главным в человеке: «не внешность, проникновенные словоизлияния или эффектные поступки, а просматриваемые во всем этом духовность, внутренний мир и индивидуальная мыслительная сущность» (с. 21).

Условия полевого быта способствовали развитию интимных отношений, причем вполне целомудренных в соответствии с воспитанием своего времени. В первом полевом лагере недоставало палаток, юноши и девушки размещались вместе. Володя попал в одну палатку с Тамарой и еще несколькими коллегами. О первых знаках физической нежности он пишет с удивительной для мужчин своего поколения искренностью: *«Я боялся шелохнуться и старался не дышать. Очень долго никто не засыпал. Я прислушался к дыханию Тамары, но не мог понять, уснула она или нет. Очень хотелось погладить ее. И когда мне показалось, что все уснули и Тамара тоже, я осторожно, — чтобы никаких шорохов! — вытащил правую руку и как бы во сне, нечаянно, положил ее на спальный мешок Тамары <...>. Так мы обменялись первыми сигналами нежности. Так мы бессловесно “обвенчались”. Так начиналось наше единение, которое шло по возрастающей все 45 лет и 45 дней до того, когда моя незабвенная Томочка ушла в свою последнюю командировку, оставив мне свою душу и память о совместно пройденном пути к главному нашему слиянию» (с. 22–23).*

Решение о женитьбе было принято в конце полевого сезона, но реализоваться оно могло только при достижении согласия о месте жительства и учебы. Приоритетной оказалась позиция Тамары, которая не хотела покинуть мать (они жили вдвоем) и учебу в Ленинградском университете. Переезд жениха из Кишинева в Ленинград создавал целый ряд понятных, особенно для советского времени, коллизий. Они были связаны, во-первых, с конкретными административными условиями (необходимостью прописки, требованиями учреждений высшего образования), во-вторых, с закономерными для «брачной ситуации» проблемами, которые возникают из-за реорганизации системы семейно-родственных отношений, столкновения представлений о семейных статусах и ролях, различий в ценностных ориентациях родительских семей.

Как вспоминает Владимир, в течение недели с момента приезда в Ленинград до дня подачи документов в ЗАГС его изучали будущая теща Агрипина Николаевна и ее родственники — два брата с семьями. У матери Тамары было, наверное, много

вопросов, которые беспокоили ее но она не решалась их задавать ни будущему зятю, ни дочери: *«Приехал “пустой”: — с чемоданом набитым книгами, в форменных шинельке и кепочке, беззаботный, без каких-либо планов и суждений о том, как и на что буду строить семью...»* (с. 31). Забегая вперед, отметим, что эти вопросы были в полной мере озвучены позже, когда молодые начали совместную жизнь. В любом случае, материально не обеспеченный приезжий студент «деревенского происхождения» неизбежно оказывался в статусе, который традиционно именовался «примаком» и мужчинами чаще воспринимался болезненно.

В итоге Агриппина Николаевна согласилась прописать Владимира, после чего и подали документы в ЗАГС. Расписались 17 ноября 1955 г. в ЗАГСе Ждановского района Ленинграда. Создание новой семьи получило официальное закрепление.

Родительские семьи

Владимир родился в молдавской крестьянской семье Хотинского уезда Бессарабии. До 1940 г. и в 1941–1944 гг. это была территория Румынского королевства; в последний предвоенный год и после освобождения она стала советской. В настоящее время это молдавско-украинское пограничье относится к Черновицкой области Украины. В годы крестьянского детства В. З. Негруца учился вначале в румынской, а затем в советской школе. Отличаясь общественной активностью, он был председателем Совета дружины школы, комсомольцем и секретарем комсомольской ячейки неполной средней школы своего села. С 8-го по 10-й класс — секретарем комсомольской организации Молдавской средней школы в городе Новоселица Черновицкой области, куда поступил после 7-го класса и окончил ее в 1952 г.

Володя у мамы был первым ребенком, и когда отца демобилизовали в армию, сын заменил ей все. Объяснялось это тем, что родные со стороны отца поначалу не приняли невестку совсем. По словам матери, первым движением ребенка, которое она запомнила, была попытка погладить ее лицо, успокоить, чтобы она не плакала. Она учила сына всему, что знала и умела сама. С ним делилась и советовалась, требовала от него посильного, но постоянного дела. За «вольные или невольные прегрешения» наказывала, иногда жестоко, но никогда не высказывала обиды, и тем более обидных слов. Любила без слов и жестов — делами, приучала детей быть добрыми, сердечными, но без «телячьих нежностей», доказывать свою любовь не словом, а своими постоянными делами и ненавязчивым вниманием. *«И все это в естественном, практическом выражении связывало маму со мной до первых классов учебы в школе постоянно, и днем и ночью. Мы всегда и всюду были вместе. И мы, конечно, так любили друг друга, как могут любить дитя и мать, когда дитя еще на руках матери, и мать продолжает кормить его грудью. Школа и моя последующая взрослая жизнь, как впрочем, и мамина, с возвращением папы и взрослением дочерей, лишила нас такого, только нашего единства, которым жизнь наградила меня и маму за трудности бедного безотцовствого для меня детства и одиночества молодой, растившей трех детей, совершенно лишенной какой-либо помощи извне и материальной основы, умнейшей из всех, кого я знал, и очень красивой женщины. Подаренной в раннем детстве любовью я пропитывал свои деяния всю свою жизнь. Во всем и всегда я искал одобрения, точнее, молчаливой поддержки у мамы»* (с. 40–41).

Маме Владимира, когда он должен был родиться, пришлось заложить в аренду всю собственную землю. Делалось это для того, чтобы вылечить папу от тяжелой формы туберкулеза. После выздоровления его сразу же мобилизовали в румынскую армию, где он прослужил до 1940 г. Мама не смогла вернуть долги в положенный срок, и земля отошла в собственность арендатора. Так родители лишились земли и из вполне благополучной семьи стали безземельными нищими крестьянами — батраками. *«Моя мама неустанно культивировала в нас гордость за себя, за свою родню и необходимость для этого быть работящими, умелыми, честными, справедливыми, не бояться любого дела, остерегаться безделья, быть щедрыми, уметь все (пусть лучше не пригодится) и помнить: нищета — не бедность. Бедны те, у кого беден ум, кто беден знанием, беден опытом, беден умением»* (с. 157).

Тамара родилась и выросла в Ленинграде. Ее мама была практичной, умудренной опытом очень тяжелой жизни. Она родилась в большой крестьянской семье Лужского уезда Санкт-Петербургской губернии и была единственной старшей дочкой. Это накладывало на нее особую ответственность за младших братьев и дела в хозяйстве. Ее отец, Мошкин Николай, был из тех крестьян, которые уходили на заработки в город, где проводили большую часть своей жизни. Хозяйство вела жена с детьми, и Агриппине как старшей доставалось больше всего. Ей удалось окончить четыре класса приходской школы. К этому времени подросли братья, и отец забрал дочь в Петроград, пристроив служанкой в богатый дом, где она прослужила до замужества. Замуж отец выдал ее по собственной воле, не считаясь с ней. Муж Федор Андрианович Кондратьев в политику не ввязывался, всегда оставался далеким от любых политических движений. Он был портным, и семья по сравнению с другими жила в достатке (с. 48–49).

На момент встречи с Владимиром Тамара жила вдвоем с мамой, папа умер в 1941 г. перед самым началом войны. В первые дни войны Тамару эвакуировали на Урал, а мама, старший брат Володя, бабушка и многие другие родственники остались в Ленинграде. Агриппина Николаевна после снятия блокады работала в госпитале и на лесозаготовках. Когда Тамара после войны вернулась в Ленинград, то застала в живых только маму. Брат умер от воспаления легких во время блокады в 17 лет, в блокаду же умерла бабушка и многие дорогие ей близкие родственники. Мама, инвалид второй группы, вынуждена была работать гардеробщицей в Ленинградском академическом театре оперы и балета имени С. М. Кирова, иначе было не прожить. Она страдала от сердечных приступов, и Тамара не позволяла маме никакого тяжелого труда по дому, старалась все самое трудное делать сама.

Несмотря на то, что те и другие родители были выходцами из крестьян, в социальном плане они значительно различались, даже если не принимать во внимание этнокультурную принадлежность. Семья Негруца относилась к земледельцам. Вначале они владели землей, затем утратили ее, но не прервали с ней связи, как и с крестьянским образом жизни, и с традиционной культурой. Семья Кондратьевых — горожане, занятые ремеслом или обслуживанием. У них другие модели поведения и во многом другие ценности. «Породнение» таких семей потенциально конфликтогенно, хотя и не обязательно влечет за собой реальные социальные или этнические семейные конфликты. В целом, создание как нуклеарной семьи, так и расширенной общности родственников и свойственников, имеет немало структурных и функциональных оснований для проблемных ситуаций (переорганизация функций, перераспределение ролей,

отношений власти и т. д.). В рассматриваемом же случае при сходном «социальном происхождении» родительские семьи будущих супругов имели значительные социально-культурные различия. При этом у них было и много общего: материальная незащищенность, трудовое воспитание детей, исключительная привязанность ребенка и матери, наличие родственной сети поддержки и ряд других свойств.

Свадьбы

Сразу после заключения брака в ленинградской квартире Тамары состоялась свадьба. На домашнее празднование пришли все родственники, соседи, однокурсники, а также те, кто были с молодыми в экспедиции. *«Свадьба была веселой, и конечно радостной. Много пелось студенческих песен, произносилось тостов, читалось стихов. Конечно, танцевали, хотя необходимого простора для этого не было. Это была наша свадьба, соединившая нас на всю жизнь!»* (с. 32). Теща выделила деньги, и свадьба, «по возможностям того времени, была, как она говорила, “не хуже, чем у других порядочных людей”» (с. 50).

Между тем ритуально-праздничное оформление бракосочетания было неполным и незавершенным, поскольку в нем не участвовала вторая сторона — родные жениха. Предстояло посещение родины Владимира. Это было «свадебное путешествие» в общепринятом и расширенном смыслах: с одной стороны, принятая по обычаю послесвадебная поездка, с другой стороны, завершение брачного обрядового сценария.

Для поездки в свадебное путешествие молодым необходимо было закончить семестр, сдать зимнюю сессию и найти необходимые средства для поездки. После того, как зимняя сессия была сдана на «отлично», с началом каникул отправились в свадебное путешествие в молдавское село. Поездку в один конец оплатила Тамарина мама, деньги на обратный путь предстояло добыть у Володиных родителей.

Ехали через Киев в общем вагоне пассажирского поезда, медленно, но неудобств не замечали. В. З. Негруца вспоминал, что тревожился из-за предстоящей встречи. Как встретят? Примет ли Тамара сельский быт? Найдет ли она общий язык с сестрами Владимира, с его мамой, которая почти не говорила по-русски? Отчасти его опасения были связаны с тем, что новобрачная не соответствовала принятым в молдавском селе представлениям о красоте. Вставая на позиции земляков, Владимир критически оценивал внешность Тамары, и не находил в ней ничего примечательного для своих родных: не статная, не пышная, не розовощекая, — все обычно, пожалуй, даже излишне изящная. *«Сколько в селе более красивых девушек! Что я усмотрел в ней такого? Как объяснить людям, что в ней есть такое, что важнее эффектной “красоты”?»* (с. 38).

Когда поезд остановился, Тамара попала в объятия Володиных сестер, которые приехали встречать гостей вместе с отцом. Домой отправились на повозке, запряженной двумя красивыми наряженными жеребцами.

Началось со встречи с мамой — Соломией Филипповной Негруца. *«Мамукэ устроила встречу с невестой по обычаям наших предков. С порога дома до ворот был постелен ковер. Мама и две близкие ей женщины с кувшинами полными прозрачной жидкости в левой руке и с полными рюмками в правой руке, ждали у ворот. Когда Тамара спустилась с повозки, и сестренки подвели*

ее под руки к воротам, мама начала с того, что подала Тамаре рюмку, а сама и две ее помощницы начали петь и слегка пританцовывать, говоря слова «угощения» (с. 38). Тамаре подсказали, что надо пригубить из рюмки, где оказался чистейший первач-самогон. Из глаз покатались слезы, она первый раз встретила с самогоном. «На маму это произвело такое впечатление, что она сразу прониклась к Тамаре нежностью, которой я не замечал в ней раньше ни к кому. Мама не только приняла, но полюбила Тамару так, как любят малых грудных родных детей их мамы. И эту свою нежную любовь к Тамаре она сохранила навсегда» (с. 39).

В молдавском селе свадьбы играли по традиционному, хотя и сокращенному в советском варианте, образцу. «Славно прошла и свадьба с шафером и прочим. Со всадниками — рассыльными и дружками, приглашавшими особо желанных гостей на свадьбу. Это была настоящая молдавская свадьба, но по минимальному сценарию: без гуляния в доме невесты, без посещения сватов, и пр., и, конечно, без попа. Такие свадьбы тогда назывались комсомольскими» (с. 46). С городским ленинградским свадебным торжеством ее сближало стремление сделать застолье по возможности изобильным, а также собрать больше участников: родственников, друзей, соседей, соучеников и т. д. В сельском варианте значительным было представительство сельского сообщества, включая местное руководство. Мемуарист отмечает, что на их молдавской свадьбе много было комсомольцев, почти все члены организаций, в которых Володя был секретарем с седьмого по десятый класс. Присутствовали все виднейшие люди и коммунисты села, включая председателя колхоза, начальник пограничной заставы, все соседи, дальние и близкие родственники и просто приятели. В изобилии питья и кушанья, но пьяных и даже выпивших — ни одного. Музыка и танцы — во дворе. Много пели попеременно молдавско-румынские, украинские, русские, еврейские песни. Как принято в тех краях, присутствующие дарили деньги, кто сколько мог. Отдельно родителям на расходы по застолью и отдельно на подарки невесте и жениху. Надарили много подарков. Среди них был гектар земли с виноградом, выделенный молодоженам по решению правления колхоза, с оформленным по всем правилам сертификатом на землю и строительство дома. «Свадьба запомнилась как яркое, знаковое застолье в честь прибавления семейства Негруца» (с. 47).

Очень важным результатом этой поездки стало первое приобщение Тамары к другой культуре, которая должна была стать для нее «своей». Без преодоления культурных барьеров новая семья не могла бы состояться: «Она полюбила мои места детства, с нежностью и благодарностью, как полюбила всех моих многочисленных родных и друзей. Правда, и много неприятностей испытала она, познавая быт и обычаи моей родины» (с. 38). «Главное же состояло в том, что Томочка почувствовала сам дух, в котором я вырос, вошла в него сама и стала своей во всех смыслах» (с. 47). В. З. Негруца уточнил в примечании, что по молдавским обычаям родители каждого из молодоженов становятся для них обоих одинаково родными, поэтому маму Тамары он сразу воспринял как свою. В тексте повести, чтобы было ясно, о которой из матерей идет речь, свою маму автор пишет с прописной буквы, а маму Тамары — с заглавной (с. 31).

Организация новой жизни в преддверии рождения детей

В обустройстве жизни одним из главных испытаний для молодой семьи стали финансовые трудности. Своих денег у молодоженов не было, всю стипендию отдавали Тамириной маме, которая ежедневно выдавала необходимый минимум для проезда в университет и питания в столовой. Владимир часто вспоминал учебу в Кишиневском государственном университете, во время которой он привык полностью распоряжаться своей стипендией и обходиться без какой-либо помощи из дома. К тому же можно было подработать на железной дороге, разгружая и загружая вагоны, а также на посадках деревьев, рытье канав и др.

С переездом в Ленинград и женитьбой началось совсем непредвиденное. Прежде всего, стипендия оставалась под вопросом, так как для ее получения необходимо было ликвидировать задолженность, возникшую из-за разницы в программах ЛГУ и КГУ. *«Я оказался в полной материальной зависимости от скудного бюджета жены и тещи. Ясно, что меня это так удручало, что из уверенного в себе юноши я превратился в подавленное, испуганное, абсолютно зависимое существо. Не менее меня переживала Мама: как это можно было осмелиться на женитьбу и переезд к жене не только без единого рубля в кармане, но и без какой-либо гарантии, что какие-либо деньги удастся заработать вообще»* (с. 33).

Перевод на новое место учебы тоже был сопряжен с трудностями адаптации. Тамара приняла на себя немалые хлопоты по включению мужа в университетскую среду. Для допуска к зимней сессии требовалось сдать ряд экзаменов и зачетов. Владимир успешно справился и был зачислен студентом 4-го курса кафедры петрографии со стипендией. *«Тамара радовалась даже больше, чем я. Она очень эмоционально объясняла не то мне, не то себе, что это значит, что я просто молодец, и таких на факультете больше нет: ведь я, еще даже не зная в совершенстве русский язык, сделал то, что ни один из известных ей русских студентов не смог бы сделать. Ну а далее я влился в поток. Тамара водила меня по кафедрам университета, в библиотеку, в спортзалы, в столовую, в буфеты и знакомила с университетом уже как своего. Меня запоминали, как новенького — мужа Тамары Кондратьевой, всюду хорошо известной, благодаря чему я стал пользоваться “большой популярностью” на факультете»* (с. 37). Помимо того, успехи в университете оттеснили на второй план финансовые и семейно-бытовые неурядицы.

Тем временем положение осложнилось в связи с радостным и важным событием — ожиданием первого ребенка. Известие о том, что дочь ждет ребенка, расстроила маму Тамары едва ли не до сердечного приступа. Намерение молодых обзавестись ребенком, не окончив учебу в университете и не располагая ничем, кроме скудной стипендии, ее испугало. Она всеми силами старалась заставить подождать с ребенком, пока не семья не станет более обеспеченной материально. Агриппина Николаевна была уверена, что Тамара никогда не пойдет против ее воли. *«Но в данном случае Тамара восстала и полностью приняла мою позицию. Мы не могли пойти на это — на убийство первого плода нашей любви»* (с. 50).

Видя твердость Тамары и ее небывалое непослушание, Агриппина Николаевна все свое раздражение направила на Володю. Аргументов у нее было множество, и все они очевидные или трудно опровергаемые: *«приехал с чемоданом книг, без копейки в кармане, даже венчальное кольцо не удостоился купить; живу на полном иждивении, а еще два года учиться»* (с. 51). Страдали и Володя, и особенно Тамара. Напряженная обстановка сохранялась до того времени, когда стало ясно, что аборт исключен и ребенок будет.

Неизбежность предстоящего события изменила отношения матери и дочери, мама стала поддерживать Тамару как могла, лучше кормить, давать витамины. Тамара полностью могла заняться учебой, ей предстояли госэкзамены и защита дипломной работы. После занятий молодожены увлеченно работали каждый на своей кафедре обычно до десяти-одиннадцати часов вечера. *«Из университета домой на Колпинскую улицу Петроградской стороны иногда шли пешком. И нам вдвоем было очень хорошо»* (с. 51).

Со временем Агриппина Николаевна не только смирилась с будущим ребенком, но заранее горячо его полюбила и утверждала, что первый ребенок — это ее ребенок. Важным моментом всегда является выбор имени. В случае, когда у членов семьи разная этническая принадлежность, этот вопрос требует особого обсуждения. Будущая бабушка заявила, что сама выберет имя внуку, и он уж будет только русским: *«Вот потом уж, если еще будут дети, делайте из них молдаван»* (с. 52). Владимир занимал исключительно толерантную позицию, считая, что выбор имени нужно предоставить жене и теще: *«Меня национальность не волновала. Я любил Тамару и вместе с ней все русское»* (с. 52). Тамаре же пришла идея подобрать будущему ребенку такое имя, которое бы удовлетворяло интересам всех сторон и было «нейтральным» — одинаково привычным как для русских, так и для молдаван. В результате девочку решили назвать Аленушкой, по-молдавски — Ленуца, как и называли ее дома (по крайней мере, отец).

Вторая дочь родилась в 1960 г. В этот раз Тамара попросила Владимира подобрать имя. Назвали Аурикой. Ожидание второго ребенка было не менее волнующим. Путем логических умозаключений пытались выяснить, кто будет: мальчик или девочка. *«Сестра, считала Тамара, и я соглашался с ней, всегда предпочтительнее любой подруги. Я же, кроме того, полагал, что если будет вторая дочка, то у меня будет моральное право добиваться продолжить увеличение семьи, чтобы у нас был и мальчик. А я хотел много детей. В молодости трудности не пугают, они теоретически легко преодолимы, а дети — какая это трудность? Я еще оставался в душе крестьянином, для которого дитя никогда не помеха, а желанное благо»* (с. 83).

Супружеская и расширенная семья: контакты и конфликты

Постепенно формировалась новая расширенная родственная общность в процессе налаживания контактов и переживания конфликтов.

Первая встреча родителей двух сторон состоялась перед рождением первой дочери. Молодая семья и семьи их родителей обстоятельно обсуждали вопрос о том, чтобы декретный отпуск Тамара провела у Володиных родителей. Удалось убедить и Агриппину Николаевну. *«Мама решила ехать вместе с Тамарой, хотя очень беспокоилась за то, что это так далеко (далее города Луги она никогда до этого не ездила) и как она будет общаться с тамошними молдаванами?! То, что молдаване — не цыгане, которых мама почему-то опасалась, Тамаре, кажется, удалось ей доказать»* (с. 53). Агриппине Николаевне понравилось у новых родственников, и сама она, по заверению мемуариста, понравилась всем. Принимали ее как дорогую гостью, для нее и Тамары в колхозе брали повозку и возили их по полям, к родственникам и друзьям в соседние села.

Родители Володи считали, что Тамаре рожать лучше у них и письмах постоянно просили об этом. Соблазняли любыми овощами и фруктами в неограниченном количестве, обилием солнца и воды — реки Прут. Тамара с благодарностью это принимала. Однако ее мама настояла, чтобы дочь рожала

в Ленинграде под наблюдением опытных врачей. Установка матери понятна, но у будущего отца она вызвала неприятие. Он явно переживал из-за социального неравенства, связанного с «деревенским» и «нетитульным» этническим происхождением, тем более что теща была склонна воспроизводить соответствующие стереотипы. Ее убеждение, что в Ленинграде рожать безопаснее, чем в молдавском селе, Владимира «несколько обидело, будто у нас рождают в неприемлемых условиях. Я был тогда легко раним во всем, что касалось противопоставления сел и городов, и тем более национальностей» (с. 57).

Известие о рождении дочери Владимир получил в экспедиции. Ребенка он увидел по возвращении в Ленинград, и первая же встреча была омрачена из-за очередной обиды: «Дома все смешалось в единый клубок восторга и огорчений. Алёнушка меня поразила своей хрупкостью, нежностью, и как мне показалось, смышленностью. Мне сразу захотелось взять ее на руки, но мама была начеку и отстранила меня. Я обиделся до слез» (с. 58).

Вскоре после рождения внучки познакомиться с ней приехали родители Володи. С обидой он вспоминает, что Агриппина Николаевна не проявила радости, но все устроилось хорошо. Гостей знакомили с новыми родственниками, организовали «культурную программу». «Мама с папой привезли много разных гостинцев: домашнее (точнее колхозное) вино, грецкие орехи, груши, яблоки фасоль и многое другое. Созвали дядю Сеню и Коко с женами, соседей, познакомили их с моими родителями. Их самих водили по гостям. Сводили в Эрмитаж, Мариинский театр, Русский музей, поводили по Невскому проспекту» (с. 60).

Однако и здесь не обошлось без семейных стычек. По существу, все они были связаны с неопределенностью статуса молодого мужа в доме тещи. Владимир не мог рассчитывать на роль хозяина дома, принимающего гостей, более того — самых близких родственников, и одновременно не мог не руководствоваться представлениями о гостеприимстве, усвоенными в той культуре, в которой воспитывался. Маме же Тамары приходилось жить в режиме строгой экономии, а Тамара боялась расстроить свою маму, позволив мужу известную «расточительность». Она оказывалась в сложной буферной ситуации, вполне типичной для случаев, когда молодые супруги живут вместе с родителем (родителями). При любых разногласиях одному из них приходится «разрывать», и легко сдают нервы. Визит отчасти был испорчен разногласиями супругов. Жизнь молодой семьи входила в критическую фазу: «К несчастью, неприятности накапливались и понемногу глушили главное — веру и нежность, которые питали нашу любовь» (с. 61).

Полная материальная зависимость и постоянные напоминания о ней утверждали Владимира в стремлении добиться самостоятельности. Другим важным фактором конфликтов стало воспитание детей. Молодой отец не воспринимал обращения Агриппины Николаевны с внучкой, которое она властно практиковала и которому следовала Тамара. Бабушка полагалась только на свое чувство любви, считая, что ребенок в любом случае будет таким, каким родился. Владимир же придавал основное значение воспитанию и индивидуальному подходу к нему. Он считал, что, потакая всем потребностям, можно вырастить лишь капризного, избалованного и неуравновешенного ребенка. «Весь свой пыл аргументации я направлял на Томочку. Она понять мои доводы старалась и даже соглашалась с ними, но как ей быть на практике, не знала: идти против маминых устоев не могла, обидеть меня невосприятием моих убеждений боялась и, как я понял много позже, не считала справедливым, ибо и здесь мы во многом сходились во мнениях» (с. 62).

В разногласиях по поводу воспитания дочери Владимир использовал аргументы, основанные на опыте родительской семьи. Его мама была в селе непререкаемым авторитетом. Она знала, как воспитывать детей, как и чем их лечить, к ней часто приходили за советом и помощью. Имел он и собственный опыт, поэтому считал, что имеет право высказывать и применять свои воспитательские принципы: *«Обращаться с младенцами я был приучен, кажется, с пеленок: с трех лет нянчил Лиду, потом Зину, а уже в десятилетнем возрасте практически сам растил Аницу, потому что мама была настолько больна, что могла только подсказывать, что и когда и как сделать, чтобы все было вовремя и хорошо. А тут к родному дитя не подпускают»* (с. 58). Ответные доводы сводились к тому, что заниматься детьми — не мужское дело: *«Где видано, чтобы мужчина, да какой мужчина?! — юноша — учил двух женщин, как растить ребенка?!»; «Вот еще. Будешь ты меня учить. Растить детей — бабье дело. Мужчина должен приносит в дом, что поест, чем обуть, во что одеваться»* (с. 59–60).

Вопросы воспитания обсуждали часто, но единое понимание находили редко. *«Я думаю, что воспитательное значение в формировании жизни будущего самостоятельного человека, воспринималось Тамарой как второстепенное до конца. Я же считал и считаю это основополагающим. Это разногласие сводится, в сущности, к фундаментальному вопросу о закономерности и случайности явлений. И мы так и не сумели его преодолеть: пожалуй, единственное, что разделяло нас»* (с. 102).

Проблемы воспитания дочерей волновали супружескую семью Негруца и позже, вплоть до того времени, когда дочери обзавелись своими детьми и самостоятельно стали строить свою жизнь.

В таких условиях было сложно планировать будущее. Тамара уже работала, Владимир готовился к защите дипломной работы. Его успокаивала только одна мысль: распределиться после окончания университета в другое место (он мечтал о Колыме), уехать вместе с Тамарой и дочерью и начать жить самостоятельно, в любви и полном взаимопонимании. Правда, Тамару эти проекты расстраивали: *«Я маму никогда не смогу оставить»*.

Все решилось по-другому. Владимира как успешного студента решили привлечь к поискам урана и распределили в Северную экспедицию Первого Главного геологического управления Министерства геологии и охраны недр СССР. Экспедиция базировалась в Ленинграде. Это очень огорчило Владимира. По собственному признанию, Ленинград его вообще тяготил, помимо домашних неурядиц. Для Тамары же остаться в городе детства было большой радостью. Агриппина Николаевна также восприняла эту весть с удовлетворением. Однако сложившиеся отношения не могли измениться быстро.

С особой обидой Владимир вспоминал высказывания тещи о том, что она могла бы выдать замуж Тамару за достойного мужчину, если бы та ее послушала: *«В золоте бы купалась, да шампанским бы обливалась», — как-то обронила она, и мое самолюбие сохранило это в памяти как самый тяжелый удар на всю жизнь»* (с. 64). Большие разногласия спровоцировала встреча Нового 1957 года в компании жильцов соседней квартиры. Его поразила «не виденная до того роскошь городского стола с самыми дорогими коньяками и другими винами», особенно резко контрастировавшая с жизнью в молдавском селе. Но самое главное заключалось в том, что среди присутствующих был несостоявшийся жених Тамары, и она в этот вечер не проявляла никакого интереса к мужу.

В ролях отца, зятя и мужа Владимир иногда чувствовал себя отвергнутым, лишним, даже мешающим. И однажды на прогулке Тамара в ответ на его сетования, как ему показалось, спокойно и равнодушно ответила: «*Мы не сошлись характерами, и нам лучше разойтись*». Эти слова были как удар молнии, и я упал прямо на грязный тротуар. <...>. Я принял высказывание Тамары, как приговор, обдуманый и не подлежащий отмене». Не сдерживая слез, он говорил, что любит дочь и жену больше всего на свете. «*Тамара тоже заплакала и стала просить у меня прощение, дескать, просто так сказала, что она без меня не сможет жить, что никакого богатства ей не нужно, только бы мы были вместе*» (с. 64).

Это бурное объяснение стало началом медленного преодоления напряженности в семье. Владимир признает, что, если бы не было дочери, они не смогли бы справиться с неприятием мамы Тамары и, в целом, с кризисной ситуацией.

Семья и профессия

Вопрос о том, как соотносится профессиональная принадлежность супругов с семейной жизнью, является одним из проблемных как с научных позиций, так и на уровне практических знаний и опыта отдельных семей. Семья геологов — частный случай того типа семей (численность их по мере «глобализационных» изменений возрастает), образ жизни которых связан с достаточно продолжительными периодами территориального разъединения супругов с остальными членами семьи и друг с другом. «Геологическое поле» — неотъемлемая часть профессии, не только вид деятельности, но и символ причастности к ней. Полевая работа формирует статусы и репутации, влияет на конструирование жизненных траекторий и личностей исследователей [16].

У геологов, как и большинства полевиков, сезонный ритм работы. Он емко описан мемуаристом: «*Зима для геологов — домашний уют, сидячая, нередко утомительная и нередко малоприятная обработка накопленного летом исходного фактического материала, и ни с чем несравнимый восторг получения новых знаний. Весна — начало подготовки к работе в поле. А лето — это новые, незнакомые места, люди, впечатления, всегда обилие (точнее, на каждом шагу) новых фактических геологических данных, преодоление разного рода трудностей условий жизни. Это время романтики и самого жестокого естественного вхождения в понимание окружающей нас природы и среды обитания*» (с. 79).

Для супружеских пар с детьми такой образ жизни возможен почти исключительно при наличии близких родственников, которые принимают на себя временную, а то и постоянную попечительскую роль. Как правило, это бабушки. Семья Негруца могла положиться на маму Тамары Федоровны. Ей обеспечивали летний выезд с внуками из Ленинграда. Сами же супруги по мере возможности старались обеспечить себе совместное поле, что далеко не всегда удавалось.

Первый же полевой сезон 1957 г. после окончания университета Тамаре и Володе предстояло провести в разных экспедициях. Тамара должна была ехать в Туркмению, а Владимир — в Карелию. О том, что пара стремилась быть неразлучной, говорит интенсивность их переписки. В. З. Негруца свидетельствует, что от Тамары приходили интересные письма с описанием полевых будней и не только. Размышляя о супружеском единении, он отводил переписке очень важную роль: «*Как бы то ни было, мы и будучи так далеко друг от друга, не только регулярно общались, но спорили, шлифовывая свои взаимоотношения. Частота писем, летевших навстречу друг к другу — из Карелии в Туркмению и из Туркмении в Карелию — говорит о том,*

как мы нуждались во взаимном общении. И когда мы встретились после четырех месяцев разлуки, нам было трудно расставаться даже на рабочее дневное время. ... Так мы вращались своими чувствами и понятиями в такое неразделимое единство, которое с годами стало необходимой основой всех наших дел и поступков» (с. 67).

Начало совместной работе было положено в 1958 г., когда Владимир был направлен на работу в Карелию начальником отряда. В Северную экспедицию на должность геолога была переведена Тамара. Желание работать в одном полевом лагере противоречило нормам того времени: находиться под непосредственным руководством близкого родственника было не принято. *«И мы на долгие летние месяцы опять были разлучены»* (с. 69). Правда, участки, на которых работали отряды, располагались относительно недалеко друг от друга. Это позволило видеться несколько раз в течение лета. Встречи были связаны с какими-то праздниками на центральной базе, днями рождения и т. п. Во всех мероприятиях активно участвовала Тамара, нередко становясь центром притяжения в коллективе коллег, что не нравилось Владимиру, давало импульс его ревности, и в этом он искренне признается. *«Наша любовь протекала в сплошных, большей частью глупых испытаниях, но мы каждый раз чувствовали снова и снова, как мы нужны друг другу»* (с. 72).

Во время полевого сезона 1959 г. супруги работали в одной партии и вновь в Карелии. Оба расценивали это как награду. По представлению Владимира, в их профессиональных взаимоотношениях определяющим было поведение Тамары. Она никогда не вмешивалась в дела мужа, но в то же время активно ему помогала. Супруги советовались друг с другом, дополняли друг друга и вместе делали больше, чем порознь.

Первый же выезд в поле заставил задаться вопросом о том, с кем оставить детей. Как и предполагали, Агриппина Николаевна слышать не хотела о яслях, тогда как родителям предстояло уехать на три-четыре месяца. Было принято решение отправить бабушку с внучкой на лето и осень в Молдавию к новым родственникам. Оно, казалось, удовлетворяло потребности всех сторон: обеспечивало бабушке с внучкой летний отдых и оздоровление на юге, родителям Владимира — общение с внучкой, самим супругам — возможность заниматься любимым делом. Ситуация виделась самой благоприятной: *«Так и решили. Отныне надежда, вера и любовь — наши проводники в будущее. В сущности, так и было, конечно, но не без пульсаций»* (с. 65).

Началась переписка. Регулярно приходили вести друг от друга и Владимиру от сестер о том, как адаптируются бабушка и внучка. Сам он писал почти ежедневно. На расстоянии его мысли были о дочери, о взаимоотношениях его родителей и мамы Тамары. Он постоянно сравнивал Агриппину Николаевну со своими родителями. Сестры писали, что она хорошо освоилась, только ей бывает скучно — все занято на своих огородах, и ей не с кем даже посидеть на лавочке, побеседовать. Так она привыкла отдыхать под Лугой. Владимир же в соответствии со своими социальными установками воспринимал такое времяпрепровождение *«как “развратное” следствие городского этапа жизни Мамы (почему-то она и до этого и позже принимала за образец не свою юношескую и детскую жизнь, и не жизнь своих родителей, родичей, деревенских жителей, в среде которых она выросла и воспитывалась, а образ жизни и суждения барыни и мещанки царского пошиба, у которой она служила до замужества, и я не сочувствовал ей, а скорее наоборот, радовался тому, что она видит жизнь истинно трудовых крестьян таковой, какая она есть)»* (с. 66).

Вернувшись, родители нашли дочь уже «совсем разумной девочкой» и проводили с ней все свое свободное время, компенсируя месяцы расставания и продолжая полемику о воспитании: «<... > она часто капризничала, и я считал это дефектом воспитания. Мама ей почти ничего не запрещала и ничего не заставляла делать. Я взялся за устранение вредных, на мой взгляд, черт поведения дочери. Конечно, это не могло протекать без семейных трений. И нет-нет, да между нами возникали нелицеприятные объяснения. Тем не менее, мы в целом стали жить почти в полном ладу друг с другом» (с. 73).

С началом самостоятельной работы менялось многое. Прежде всего, улучшилось материальное положение, в семье появился некоторый достаток. Укрепилась общность профессиональных интересов, в том числе за счет одного места работы: «Главным было, конечно, то, что мы вместе ходили на работу, сидели и работали в одной комнате, вместе возвращались с работы, завтракали, обедали и ужинали вместе. У нас появилась потребность обсуждать друг с другом вопросы по работе, и конечно, все то, что нас волновало в воспитании дочурки, а также в других вопросах нашей семейной жизни» (с. 73).

Складывалась традиция перед очередным полевым сезоном отвозить Агриппину Николаевну и Алену к родителям на юг. Тем самым небольшой отдых устраивали себе и Володя с Тамарой. В 1959 г. он получился особенно приятным: «Папа нас обеспечивал транспортом: повозкой с ездовым и красавицами лошадаками, которыми особенно восторгалась Мама и Алёнушка, или грузовой машиной. Тамарина мама была в восторге, и это мне доставляло мне, пожалуй, наибольшее удовольствие. Мне очень хотелось, чтобы она полюбила моих родных, и ее тянуло бы к ним. Я мечтал, чтобы дочка впитала в себя дух моего места рождения, где, кроме всего прочего, с любой точки зрения лучше проводить время, когда мы с Тамарой находились на полевых работах» (с. 75).

Однако конфликт между свойственниками все-таки произошел и «не только перечеркнул достигнутое, но породил совершенно новую преграду на пути к благополучию наших семейных взаимоотношений» (с. 75). Перед началом нового сезона 1960 г. «определились две очень неприятные для нас новости. Первая состояла в том, что нас было решено направить на полевые работы в разные места. Вторая неожиданность заключалась в безоговорочном отказе мамы ехать на лето к моим родителям. Пришлось искать компромиссное решение» (с. 80). Лето в этот сезон и все последующие Агриппина Николаевна с внучкой проводила у родственников в области или в родной деревне под Лугой.

Поле 1960 г. было продолжительным. Разъехались супруги в конце мая, а встретились только в начале ноября. Вернулись с «дарами природы» Тамара — из Прибалтики, а Владимир — с Кольского полуострова. В этой экспедиции он заработал как никогда много денег, что сказалось и на благоустройстве дома, и на семейных взаимоотношениях. «Мы с Тамарой решили обновить мебель в наших комнатах. Устаревшие, совершенно неповторимые по своему оформлению и резьбе по дереву огромный буфет, огромное, до потолка венецианское зеркало, старинная кровать с медными спинками, тахта, даже настенные часы с боем, огромный медный самовар, медные уникальные подсвечники — не современно. Необходимость перемен молодости, и самое непостижимое для меня до сих пор — полное согласие на все это варварское обновление Мама» (с. 81).

Обновление быта сопутствовало очередному этапу жизненного пути семьи. Негруца ждали рождение второй дочери. Владимир столь подробно описывает ремонтные работы, что становится ясным значение переустройства жилого пространства как вехи в истории семьи. Несмотря на возражения Агриппины Николаевны, зять оплатил расходы самостоятельно. Это означало перераспределение семейных прав: *«деньги были заработаны мной, и она признала мое право распоряжаться ими, как мне заблагорассудится <...>. Жизнь приобрела для меня с Тамарой новый смысл: мы почувствовали, что теперь мы хозяева себе и только от нас зависит наше совместное будущее. Государственная политика того времени, с нашей точки зрения, служила тому несомненным гарантом»* (с. 82).

Профессиональная карьера пошла по восходящей линии, ей сопутствовал рост благосостояния. Привезенные с полевых работ материалы вызвали большой интерес и у непосредственного руководства, и у многих специалистов по геологии исследованных территорий. *«Меня премировали большой суммой денег, на которые я купил превосходную по тем временам радиолу, ковер молдавской работы, который служит до сих пор и, самое главное, шикарное платье Тамаре. Она тоже получила какую-то премию, хотя мой заработок из-за северных надбавок оказался намного внушительнее. Мне это было приятно. Прежде всего, точнее, только потому, что тем самым я заслужил новое, уважительное ко мне отношение со стороны Мамаы. Мне было 26 лет. Не мало, но еще и не так много»* (с. 82).

Полевой сезон 1961 г. принес очередное расставание, но по сугубо семейной причине: Тамара находилась в отпуске по уходу за ребенком. Бабушка категорически отказывалась ехать к родителям Володи, и хорошее место для летнего выезда ее и Тамары с детьми было найдено в частном доме, недалеко от Гатчины (по сути, еще один шаг по пути к независимости от других родственников, на этот раз со стороны Кондратьевых).

В совместном поле 1962 г. проводились интенсивные и широкие исследования по всей территории Карелии. Тамара, единственная женщина в отряде среди 12 мужчин, стойко одолевала огромные, часто заболоченные пространства с двух-трехнедельной поклажей за спиной. *«Конечно, мужчины не могли не восторгаться ее выдержкой и очень ее уважали, старались, как могли, облегчить поклажу, никогда не позволяли себе грубого слова при ней. Все это делало ее место в группе, где я был руководителем, совершенно особым, несомненно, выдающимся. Без нее тот климат взаимопонимания, уважения и дружбы, который царил в нашем коллективе, был невозможен»* (с. 88).

Ежегодно вновь и вновь приходилось заниматься устройством дочерей с бабушкой на лето. Внутренне Владимир так и не принял компромиссный вариант, против которого искал и находил рациональные доводы: *«Тяжело было оставлять детей с Мамой, которая страдала гипертонией. Тамара страдала из-за разлуки, я от того, что девочки лишены необходимой свободы в питании фруктами, овощами, а главное, как я думал, условий для воспитания, которые могли бы создать им мои родители. Постоянное нахождение девочек среди пожилых больных людей могло сказаться на них явно отрицательно. К сожалению, другого выхода не было»* (с. 96).

В прочерченной им семейной траектории В. З. Негруца особенно выделяет 1964 г. *«Оглядываясь назад в этот благополучный, весьма урожайный в плане накопления новых знаний и переломных изменений и на работе и дома год, пытаюсь восстановить наиболее приметные события того времени, трудно воздержаться*

от удовольствия, душевного восторга, от восторга тем, что нам довелось испытать. Мы как бы пожинали то, что посеяли за прошедшие девять лет совместной жизни: Ленуца пошла в школу; Аурика начала ходить в садик; Тамара сдала кандидатский минимум экстерном» (с. 110). Впереди были многолетняя совместная работа, геологические открытия, защиты кандидатских и докторских диссертаций, научные труды, конференции, творческое общение в кругу друзей и коллег, несколько лет интересной работы в Алжире, беспокойство за судьбу дочерей, рождение внуков и многое другое. Однако именно к этому моменту относится ощущение того, что семья состоялась как «единство» после успешно преодоленных испытаний и во многом — на основе общих профессиональных целей и ценностей: *«Во-первых, стало совершенно ясно, что намечавшийся вначале семейный разлад, а вместе с тем и угасание взаимной восторженности друг другом, не только счастливо преодолены, но навсегда исключена и их причинная суть. Во-вторых, мы оба поняли, что геология нас увлекла целиком и навсегда. Все это вместе и предопределило принципы и способы преодоления многотрудных преград, которым обставляла действительность предстоящий нам еще 36-летний совместный жизненный путь»* (с. 110).

Книга была написана сразу после смерти Тамары Федоровны, отсюда ее эмоциональность и искренность. Символично, что смерть Тамары Федоровны совпала с концом календарного века и тысячелетия и с исчезновением единой страны. Уход жены в ее «последнее поле» автор воспринимает как завершение их общего исторического и биографического времени и общей, а значит, и индивидуальной жизни: *«Мы всерьез обсуждали вариант переезда по достижении пенсии на Новосельщину. Я полагал, что после шестидесяти буду работать, находясь на пенсии, по «Истории своего села» и «Истории геологических идей» <...>. Все это меня всегда увлекало и не оставляет до сих пор, когда твердо знаю, что исполнить свои юношеские задумки теперь уже невозможно <...>. Были мама, папа, сестры, единая страна со свободой жизни в любой ее части по выбору. Сейчас, к сожалению, всего этого не стало, как не стало и Томочки ... Ее последнее геологическое поле — на Серафимовском кладбище. И теперь мое желание — быть откомандированным туда же»* (с. 92). Так геологическое «поле» становится метафорой не только жизни ученого, но и пребывания в «лучшем мире».

Заключение

Судя по автобиографической повести, семья Негруца относилась к тому типу малых групп, общность которых основывается на согласованности профессиональных и семейных интересов. Продуктивность профессионального сотрудничества поддерживалась супружеской привязанностью, препятствующей какому-либо соперничеству. Кроме того, автор повести признает, что в определенные периоды жизни жена была способна жить только его интересами, «до полной жертвенности», то есть принимала абсолютно традиционную роль. Такое поведение было органичным, так как оба супруга воспитывались в семьях, которые при всех социальных различиях имели традиционные гендерные установки. Подводя итоги очередного этапа «созидательного устройства совместной жизни в семье и на работе», В. З. Негруца подчеркивает, что «самым важным и трудным разделом» на всем протяжении времени оставалась для Тамары Федоровны семья, заботы о детях, муже и матери (с. 196). Своим сочинением он отдает Тамаре Федоровне дань любви и уважения.

Книга «Тропой любви» заслуживает внимания как отмеченное индивидуальностью автора произведение мемуарно-автобиографической литературы. Оно также является информативным источником по истории российской геологии, повседневности полевых исследователей, социальной истории советского послевоенного периода. В первую же очередь, это ценное с социально-антропологической точки зрения автоописание советской семьи. Оно сделано высокообразованным автором, который обладает особым эмоциональным складом, склонен к рефлексии, философским размышлениям, анализу социальных явлений. Ключевые понятия «единство» и «совместность» (в разных лексико-грамматических вариантах) в книге повторяются очень часто и определяют основной ее смысл и понимание брачного союза автором. «Созидание» семьи — это труд по преодолению испытаний, именно этот сюжет организует все повествование. В описанном случае ориентационные (родительские) семьи слишком различались по многим критериям: социальным, этническим, мировоззренческим, — поэтому труд был не легким. В целом, автобиографическая повесть о семье геологов Негруца — это многослойный источник для всестороннего осмысления.

Примечания

¹ Памяти Владимира Зиновьевича Негруца // Литосфера. 2011. № 5. С. 137–138; Кулинкович А. Е. Женщина-геолог как символ красоты Мироздания: памяти Тамары Федоровны Негруца (Кондратьевой). URL: https://www.ka2.ru/nauka/kulinkovich_7.html (дата обращения 15.07.2021); Памяти Владимира Зиновьевича и Тамары Федоровны Негруца // Стратиграфия. Геологическая корреляция. 2012. Т. 20, № 2. С. 125–128. URL: <http://naukarus.com/pamyati-vladimira-zinovievicha-i-tamary-fedorovny-negrutsa> (дата обращения: 15.07.2021); Словцова И. Молдавская мелодия на берегах Невы // Санкт Петербургский университет. 2001. № 9 (3564), 3 апр. URL: <http://old.journal.spbu.ru/2001/09/8.html> (дата обращения: 15.07.2021); Тропой любви. Памяти уважаемого ученого и друга // Дважды два. 2011. № 32. 12 авг.

² В дальнейшем ссылки с указанием страниц этого источника приводятся в тексте статьи после цитат в круглых скобках.

Список сокращений

ВСЕГЕИ — Всесоюзный научно-исследовательский геологический институт имени А. П. Карпинского

ВУЗ — высшее учебное заведение

ЗАГС — запись актов гражданского состояния

КГУ — Кишиневский государственный университет

ЛГУ — Ленинградский государственный университет

Список литературы

1. Негруца Т. Ф., Негруца В. З. Тропой любви (автобиографическая повесть). СПб.–Апатиты: ИК «Синтез», 2002. 230 с.
2. Негруца Владимир Зиновьевич (род. 07.02.1934) // Ученые Кольского научного центра 1930–2010. Апатиты: Изд. КНЦ РАН, 2010. С. 317–318.

3. Негруца Тамара Федоровна (03.03.1932–30.12.2000) // Ученые Кольского научного центра 1930–2010. Апатиты: Изд. КНЦ РАН, 2010. С. 318.
4. Блоссфельд Х.-П., Хьюинк И. Исследования жизненных путей в социальных науках // Журнал социологии и социальной антропологии. 2006. Т. IX, № 1 (34). С. 15–44.
5. Гурко Т. А. Теоретические подходы к изучению семьи. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Институт социологии РАН, 2016. 210 с.
6. Голод С. И. Социолого-демографический анализ состояния и эволюции семьи // Социологические исследования. 2008. № 1. С. 40–49.
7. Гидденс Э. Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. СПб.: Питер, 2004. 208 с.
8. Rusu M. S. Theorising love in sociological thought. Classical contributions to a sociology of love // Journal of classical sociology. London, 2017. Apr. 5. P. 1–18.
9. Jamieson L. Intimacy transformed? A critical look at the “pure relationship” // Sociology. London, 1999. Vol. 33. No 3. P. 477–494.
10. Sprecher S., Hatfield E. The importance of love as a basis of marriage. Revisiting Kephart (1967) // Journal of family issues. London, 2015. March 11. P. 1–24.
11. Hobbs M., Owen S., Gerber L. Liquid love? Dating apps, sex, relationships and the digital transformation of intimacy // J. of sociology. London, 2016. Vol. 53, no 2. P. 1–14.
12. Buss D. M., Shackelford, T. K.; Kirkpatrick L. A. and Larsen R. J. A Half Century of Mate Preferences: The Cultural Evolution of Values // Journal of Marriage and the Family. 2001. No 63(2). P. 491–503.
13. Zou James Y. Genetic and socioeconomic study of mate choice in Latinos reveals novel assortment patterns / J. Y. Zou, D. S. Park, E. G. Burchard, D. G. Torgerson, M. Pino-Yanes, Y. S. Song, S. Sankararaman, E. Halperin, N. Zaitlen // PNAS (Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America). 2015. Vol. 112, no. 44. P. 13621–13626.
14. Buss D. M., Goetz C., Duntley J. D., Asao K., Conroy-Beam D. The mate switching hypothesis. Personality and Individual Differences. 2017. Vol. 104. P. 143–149.
15. Murstein B. J. Stimulus-Value-Role: A Theory of Marital Choice // Journal of Marriage and the Family, 1970. No 32. P. 465–481.
16. Поле как жизнь. К 60-летию Северной экспедиции ИЭА РАН / отв. ред. и сост. Е. А. Пивнева. Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. М.; СПб: Нестор-История, 2017. 304 с.

References

1. Negruca T. F., Negruca V. Z. *Tropoyu lyubvi* (avtobiograficheskaya povest') [The path of love (autobiographical tale)]. S.-Petersburg; Apatity, “Sintez”, 2002, 230 p. (In Russ.).
2. Negruca Vladimir Zinov'evich (rod. 07.02.1934) [Negrutsa Vladimir Zinovievich (born 07.02.1934)]. *Uchenye Kol'skogo nauchnogo centra 1930–2010* [Scientists of the Kola Science Center 1930–2010]. Apatity, KSC RAN, 2010, pp. 317–318. (In Russ.).
3. Negruca Tamara Fedorovna (03.03.1932–30.12.2000) [Negrutsa Tamara Fedorovna (03.03.1932–30.12.2000)]. *Uchenye Kol'skogo nauchnogo centra 1930–2010* [Scientists of the Kola Science Center 1930–2010]. Apatity, KSC RAN, 2010, p. 318. (In Russ.).
4. Blossfel'd, H.-P., Huinink, I. Issledovaniya zhiznennyh putej v social'nyh naukah [Life Paths Studies in the Social Sciences]. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], 2006, vol. IX, no. 1 (34), pp. 15–44. (In Russ.).

5. Gurko T. A. *Teoreticheskie podhody k izucheniyu sem'I* [Theoretical approaches to the study of the family]. Moscow, Institut sociologii RAS, 2016, 210 p. (In Russ.).
6. Golod S. I. Sociologo-demograficheskij analiz sostoyaniya i evolyucii sem'i [Sociological and demographic analysis of the state and evolution of the family]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], 2008, no. 1., pp. 40–49. (In Russ.).
7. Giddens A. *Transformaciya intimnosti: Seksual'nost', lyubov' i erotizm v sovremennyh obshchestvah* [Transformation of intimacy: Sexuality, love and eroticism in modern societies]. S.-Petersburg, "Piter", 2004, 208 p. (In Russ.).
8. Rusu M. S. Theorising love in sociological thought: Classical contributions to a sociology of love. *Journal of classical sociology*. London, 2017, Apr. 5, pp. 1–18.
9. Jamieson L. Intimacy transformed? A critical look at the "pure relationship". *Sociology*. London, 1999, vol. 33, no. 3, pp. 477–494.
10. Sprecher S., Hatfield E. The importance of love as a basis of marriage: Revisiting Kephart (1967). *Journal of family issues*. London, 2015, March 11, pp. 1–24.
11. Hobbs M., Owen S., Gerber L. Liquid love? Dating apps, sex, relationships and the digital transformation of intimacy. *Journal of sociology*. London, 2016, vol. 53, no 2, p. 1–14.
12. Buss D. M., Shackelford T. K., Kirkpatrick L. A. and Larsen, R. J. A Half Century of Mate Preferences: The Cultural Evolution of Values. *Journal of Marriage and the Family*, 2001, no. 63(2), pp. 491–503.
13. Zou James Y. Genetic and socioeconomic study of mate choice in Latinos reveals novel assortment patterns / J. Y. Zou, D. S. Park, E. G. Burchard, D. G. Torgerson, M. Pino-Yanes, Y. S. Song, S. Sankararaman, E. Halperin, N. Zaitlen. *PNAS (Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America)*, 2015, vol. 112, no. 44, pp. 13621–13626.
14. Buss D. M., Goetz C., Duntley J. D., Asao K., Conroy-Beam D. The mate switching hypothesis. *Personality and Individual Differences*, 2017, vol. 104, pp. 143–149.
15. Murstein B. J. Stimulus-Value-Role: A Theory of Marital Choice. *Journal of Marriage and the Family*, 1970, no. 32, pp. 465–481.
16. *Pole kak zhizn': K 60-letiyu Severnoj ekspedicii IEA RAS* [Field as Life: To the 60th Anniversary of the Northern Expedition of the IEA RAS]. Moscow; S.-Petersburg, "Nestor-Istoriya", 2017., 304 p. (In Russ.).

Сведения об авторах

И. А. Разумова — доктор исторических наук, главный научный сотрудник ЦГП КНЦ РАН;
А. Г. Саморукова — научный сотрудник ЦГП КНЦ РАН.

Information about the authors

I. A. Razumova — Doctor of Science (History), Chief Research Fellow of the Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre of RAS;
A. G. Samorukova — Research Fellow of the Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre of RAS.

Статья поступила в редакцию 15.09.2021; одобрена после рецензирования 20.09.2021; принята к публикации 08.10.2021.
 The article was submitted 15.09.2021; approved after reviewing 20.09.2021; accepted for publication 08.10.2021.

Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 21. 2021. Т. 12, № 4. С. 28–36.

Transactions of the Kola Science Centre. Humanitarian studies. Series 21. 2021. Vol. 12, no. 4. P. 28–36.

Научная статья

УДК 910.4:069(98) (470.21)

DOI: 10.37614/2307-5252.2021.4.21.002

ПЕРСОНАЛЬНЫЙ ФОНД ГИДРОЭНЕРГЕТИКА С. В. ГРИГОРЬЕВА МУЗЕЯ-АРХИВА ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ И ОСВОЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА ЦГП КНЦ РАН

Ольга Вячеславовна Шабалина^{1✉}, Ксения Сергеевна Казакова²

^{1,2}*Центр гуманитарных проблем Баренц региона ФИЦ КНЦ РАН, Апатиты, Россия*

¹*o.shabalina@ksc.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-0711-1913>*

²*k.kazakova@ksc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5071-4947>*

Аннотация

В статье представлены материалы персонального фонда крупнейшего гидроэнергетика Северо-Запада СССР С. В. Григорьева, фонд принадлежит Музею-архиву истории изучения и освоения Европейского Севера ЦГП КНЦ РАН. Личные документы ученого и практика являются источниками биографических сведений, приведенных в статье, и потенциальными источниками для исследований в области истории научного изучения водных объектов и развития гидроэнергетики в Арктике.

Ключевые слова:

С. В. Григорьев, география Арктики, гидроэнергетика Арктики, источник личного происхождения, Кольский полуостров, Карелия

Финансирование

Работа выполнена в рамках выполнения гос. задания по теме НИР № 0226-2019-0066.

Для цитирования: Шабалина О. В., Казакова К. С. Персональный фонд гидроэнергетика С. В. Григорьева Музея-архива истории изучения и освоения Европейского Севера ЦГП КНЦ РАН // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 21. 2021. Т. 12, № 4. С. 28–36. <http://dx.doi.org/10.37614/2307-5252.2021.4.21.002>.

Original article

PERSONAL FUND OF HYDROPOWER ENGINEER S. V. GRIGORIEV OF THE MUSEUM-ARCHIVE OF THE BCH KSC RAS

Olga V. Shabalina^{1✉}, Ksenia S. Kazakova²

^{1,2}*Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre of RAS, Apatity, Russia*

¹*o.shabalina@ksc.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-0711-1913>*

²*k.kazakova@ksc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5071-4947>*

Abstract

The article presents materials from the personal fund of the largest hydropower engineer of the North-West of the USSR S. V. Grigoriev, belonging to the Museum-Archive of History of Studying and Exploration of the European North of the Barents Centre of Humanities of the KSC RAS. The personal documents of the scientist and the practitioner are sources of biographical information given in the article and potential sources for research in the field of the history of the scientific study of water bodies, rivers and the development of hydropower in the Arctic.

Keywords:

S. V. Grigoriev, geography of the Arctic, hydropower of the Arctic, personal source, Kola Peninsula, Karelia

Funding

The article was supported by the federal budget to carry out the state task of the FRC KSC RAS No. 0226-2019-0066.

For citation: Shabalina O. V., Kazakova K. S. Personal fund of hydropower engineer S. V. Grigoriev of the Museum-Archive of the BCH KSC RAS // Transactions of the Kola Science Centre. Humanitarian studies. Series 21. 2021. Vol. 12, no. 4. P. 28–26. <http://dx.doi.org/10.37614/2307-5252.2021.4.21.002>.

В феврале 1920 г. Государственная комиссия по электрификации России (ГОЭЛРО) начала разработку плана электрификации Советской России, который был утвержден в декабре 1921 г. IX Всероссийским съездом Советов. Приоритетное внимание в нем уделялось гидроэнергетике — в течение 10 лет намечалось строительство 10 гидроэлектростанций общей мощностью 650 МВт, а наиболее исследованным к этому времени в отношении водных ресурсов был Северо-Запад страны. Одним из тех, кто разрабатывал этот амбициозный план для Карело-Мурманского края и кому предстояло его реализовывать, был председатель правления Государственного северного водного бюро (1922) С. В. Григорьев¹ (рис. 1). [1: 8]

Музей-архив истории изучения и освоения Европейского Севера ЦГП КНЦ РАН хранит и экспонирует материалы персонального фонда крупнейшего исследователя гидроэнергетических ресурсов Карелии и Кольского полуострова, создателя научного направления «водное хозяйство» и научной школы карельских гидрологов, доктора географических наук Сергея Владимировича Григорьева (1888–1974), полученные от его коллег в середине 1970-х гг.

Сергей Владимирович Григорьев родился 9 июня 1888 г. в г. Ораниенбауме (с 1948 года — г. Ломоносов) в семье военнослужащего (военного фельдшера). В 1906 г. окончил Седьмую Санкт-Петербургскую гимназию с золотой медалью и поступил в Петербургский политехнический институт на электромеханическое отделение².

В бытность гимназистом Сергей Владимирович жил в Санкт-Петербурге недалеко от Воскресенской набережной р. Невы и любил ходить к Олонецкой пристани, где швартовались пароходы, прибывшие с Онежского озера. «Онежское озеро, Олонецкая губерния, Сунские водопады! Глухой Пудожский край былинных сказителей»³, — представлялся особенно заманчивым молодому человеку. Начав учебу в институте, он очень скоро осознал, что ошибся в выборе специальности: «Специальность инженера-электрика меня не пленяла»⁴. С. В. Григорьев мечтал принимать участие в инженерных изысканиях, работать на строительстве, которое было бы связано с использованием водных ресурсов.

Именно в это время в Политехническом институте началось чтение совсем нового курса в истории русской инженерной школы — «Утилизация водной энергии». Курс был необязательный. Но читал его очень увлекательно молодой талантливый преподаватель (впоследствии — посол Временного правительства России в США) Борис Александрович Бахметев (1880–1951), вернувшийся с учебы и стажировок в Швейцарии и США (рис.2). Он уже имел инженерный опыт, а его оригинальная диссертация создала ему славу выдающегося гидравлика.

Курс пользовался большим успехом, в числе его слушателей был и С. В. Григорьев. В 1908 г. в Политехническом институте было открыто инженерно-строительное отделение (факультет), и курс «Утилизации водной энергии» на нем стал обязательным. Тем самым было положено начало формированию русской (затем — советской) школы гидроэнергетиков — изыскателей, проектировщиков, строителей гидроэлектростанций. Слушателями этого курса были первые гидроэнергетики: будущие профессора Политехнического института А. А. Морозов, В. В. Болотов; Московского энергетического института И. И. Кандалов (строитель ДнепроГЭСа, Волховской, Нижнее-Свирской, Фархадской ГЭС) и др.⁵

Рис. 1. С.В. Григорьев. 1960-е гг. Музей-архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 156(1)

Рис. 2. Посол России Б. А. Бахметев в США. 1917. Фото из Архива Русской и Восточно-Европейской истории и культуры при Колумбийском университете. США. Нью-Йорк⁶

Еще до окончания института в марте 1913 г. с дипломом 1 степени инженера-электрика в гидроэнергетике Сергей Владимирович поступил на службу в Управление внутренних водных путей и шоссейных дорог Министерства путей сообщения и занимался изысканиями, проектированием водных путей и гидростанций на реках Западная Двина, Сухона, Малая Северная Двина⁷. В марте 1917 г., когда до отречения императора Николая II оставалось несколько дней, в министерском Бюро изысканий была сформирована Партия по исследованию водных сил Севера России под руководством инженера И. Д. Вовкушевского для проведения работ по определению количества водной энергии северных рек и степени возможности утилизации ее для технических целей. Помощником начальника партии был назначен инженер С. В. Григорьев — мечты его юности о далеком Севере становились реальностью. Партия по только что открытой для движения Мурманской железной дороге выехала в Карелию и на Кольский полуостров. За лето 1917 г. ее усилиями были обследованы наиболее интересные в энергетическом отношении порожистые участки рек Кеми, Ковды, Нивы, Колвицы, Колы, Туломы Сергей Владимирович руководил работами Кемского отряда⁸.

Строительство и начало работы Мурманской железной дороги и Мурманского порта привлекли интерес российских предпринимательских кругов к Кольскому полуострову, высоко оценивших перспективы развития Мурманска. Так, например, исследование рек Колы и Туломы проводились на средства, выделенные в порядке дотации неким московским предпринимателем Кузнецовым. Он предполагал построить на одной из этих рек гидростанцию для снабжения электроэнергией строительства и работу намечавшихся верфи и металлургического завода в Мурманске. Относительная близость норвежских железорудных разработок в Киркенесе и наличие большого обогатительного завода там же вселяло надежду на создание подобных же предприятий в районе Мурманска в ближайшем будущем. Октябрьская революция 1917 г. вмешалась в эти планы⁹.

В первой половине 1918 г. Управление по достройке Мурманской железной дороги стало серьезно обсуждать вопрос об электрификации тяги как средства коренного улучшения грузопропускной способности дороги. Партии по исследованию водных сил Севера было поручено разработать схематические проекты гидроустановок на реках Кольского полуострова: Туломе, Коле; трех ГЭС на реке Ниве и реках в Карелии: Ковде, Кеми, Нижнем Выге. Проекты Надвыгоцкой и Подужемской ГЭС были сделаны инженером В. Д. Никольским, а остальные проектировал С. В. Григорьев, кроме Верхнетуломской. Под его руководством это сделал инженер А. М. Естифеев¹⁰.

В 1918 г. С. В. Григорьев возглавил работу Партии исследования водных сил Севера России, неоднократно реорганизованной впоследствии. Сергей Владимирович сменил множество руководящих должностей: начиная с должности начальника Партии (1918), заканчивая должностью главного инженера Молотовского проектно-изыскательского управления (1942)¹¹.

В 1921 г. руководство разработкой плана ГОЭЛРО командировала С. В. Григорьева в Петрозаводск для выяснения технических вопросов, касающихся возобновления строительства, начатого в досоветское время, Кондопожской ГЭС и других источников гидроэнергии Карелии. Переработка проекта гидроэлектростанции, использовавшей бы сток реки Суны и озера Сандал, была осуществлена в 1921–1922 гг. коллективом инженеров-гидротехников под руководством Сергея Владимировича. В декабре 1922 г. он был вызван вместе с председателем Карельского ЦИКа А. В. Шотманом на заседание Малого Совнаркома РСФСР, которое проходило под председательством Л. Б. Каменева. На этом заседании было утверждено выделение 2 млн руб. для начала строительства Кондопожских ГЭС и бумажной фабрики. Заместителем главного инженера строительства ГЭС стал С. В. Григорьев¹².

В течение 1917–1935 гг. под руководством С. В. Григорьева были проведены изыскания и исследования на многих реках Севера (Тулома, Нива, Кола, Ковда, Кемь, Суна, Воронья, Выг Нижний и Верхний, Водла, Шуя, Мста, Онега), частично на реках Урала (Миасс), Прибайкалья, Нерчинского района, Донбасса и др. Организованы большие гидрологические сети Карело-Мурманского края, в Ленобласти, на Урале, Донбассе, Алтае и Восточной Сибири. Занимаясь, помимо инженерно-проектных работ, и научными исследованиями в Научно-исследовательском институте энергетики и электрификации, Государственном гидрологическом институте и Географо-экономическом научно-исследовательском институте Ленинградского государственного университета, Сергей Владимирович усовершенствовал методы полевых работ и обработки их материалов, создал новую методологию водно-энергетических исследований [2: 131]. Принимал участие в разработке и руководил некоторыми из проектов ряда построенных гидростанций в СССР (Нижнее-Туломская, Нива-I, III, Кондопожская ГЭС, Мотинские ГЭС, Уральские ГЭС на реке Туре).

С. В. Григорьев разработал новые концепции районных объединений проектируемых и строящихся гидростанций и целых каскадов гидростанций на отдельных реках, схемы их развития с учетом энерго-экономических водохозяйственных характеристик и экономической динамики районов их присутствия. Идея этих построений, названных водно-энергетические схемы и предложенных автором в 1933 г., была абсолютно новаторской и доведена до логического завершения в 1940 г. для Карело-Мурманского края¹³.

6 февраля 1940 г. состоялось заседание Кольской комиссии Президиума АН СССР по вопросам гидроэнергетики Кольского полуострова. Председательствовал на нем академик А. Е. Ферсман. В присутствии 18 человек был заслушан доклад инженера С. В. Григорьева «Вопросы гидроэнергетики Кольского полуострова и программа исследований гидроресурсов Кольского полуострова на 1941 год», в котором он дал краткую характеристику гидрологии и гидрографии Кольского полуострова. Докладчик представил существующие и возможные запасы электроэнергии, «сводку водохранилищ», распределение запасов и потребление электроэнергии по районам. С. В. Григорьев предложил также два варианта схемы расширения производства электроэнергии, где важная роль отводилась местным гидростанциям, а также соображения по капиталовложениям для каждого варианта. Отдельно он остановился на Енском районе. Описал возможности организации электростанций на морском побережье, которые должны работать на приливно-отливной гидроэнергии. В прениях по докладу приняли участие академик А. Е. Ферсман, Б. Е. Веденеев, профессор И. В. Егиязаров и др.

Комиссия выразила благодарность С. В. Григорьеву за интересный и актуальный доклад и посчитала необходимым проведение работ по изучению гидроресурсов бассейна реки Ены для чего попросила Кольскую базу АН СССР выделить С. В. Григорьеву 3 тыс. руб. для проведения указанных работ. Также Комиссия одобрила издание сборника по гидроресурсам и гидроэнергетике Кольского полуострова не позже конца 1941 г., на что было запрошено из сумм на экспедиционные работы Кольской базы АН СССР около 8 тыс. руб.¹⁴

В рамках договора, заключенного между Кольской базой имени С. М. Кирова АН СССР в лице директора академика А. Е. Ферсмана и С. В. Григорьевым на исполнение научной работы по теме «Гидроэнергетика Кольского полуострова» срок сдачи рукописи устанавливался не позднее 15 декабря 1941 г. (рис. 3, 4). 19 августа 1943 г. С. В. Григорьев написал, что работа по этой теме была начата и сделана в объеме 4 печатных листов, но не доведена до конца в связи с началом войны¹⁵.

Академик А. Е. Ферсман в течение двух десятилетий тесно соприкасался с деятельностью С. В. Григорьева «в связи с разрешением ряда проблем гидроэнергетики Северо-Западного края Союза». И в марте 1945 г. в своем отзыве он написал, что Сергей Владимирович проделал «исключительно большую и полезную работу в отношении исследования и изучения наших водных ресурсов и проектирования целого ряда гидроэлектростанций в новых северных условиях и во многих случаях проявил очень ценные качества». Назвав С. В. Григорьева «самым крупным знатоком» гидроэнергетических ресурсов Карело-Мурманского края, А. Е. Ферсман подчеркнул, что его заслуги в деле «создания энергетической основы всей промышленности Кольского полуострова не могут быть переоценены». Академик также отдал должное С. В. Григорьеву как ученому «с большим кругозором и с новаторскими идеями, представляющими большой интерес»¹⁶.

В Ленинградском государственном университете с 1944 по 1946 г. С. В. Григорьев руководил исследованиями по теме «Ладожское озеро и его географо-экономический комплекс». А осенью 1946 г. он возглавил Сектор гидрологии и водного хозяйства, организованный в составе Карело-Финской базы АН СССР, который впоследствии был преобразован в отдел. В 1947 г. С. В. Григорьеву была присуждена степень кандидата технических наук за работу «Потенциальные энергоресурсы малых рек СССР», а в 1948 г. за выдающиеся заслуги по изучению водных ресурсов Карелии — звание заслуженного деятеля

науки Карело-Финской ССР. За работу по составлению «Каталога рек Карелии» в 1954 г. он был отмечен премией АН СССР¹⁷. В 1961 г. С. В. Григорьев обобщил свой многолетний труд в монографии «Внутренние воды Карелии и их хозяйственное использование» и в этом же году получил за научные достижения степень доктора географических наук без защиты диссертации [2].

<u>ПЛАН ИСПОЛНЕНИЯ РАБОТЫ</u>			
	Начало работы - 15 июля 1941 г.	месяца	
1.	Составление рабочей программы и методики работы	-	июль
2.	Составление гл. 1 на 50 % в гл. II	-	июль
3.	"-" гл. 1 (остальные 50 %) и гл. II, гл. III - 50 %	-	август
4.	"-" гл. III (остальные 50 %), гл. IV	-	сентябрь
5.	"-" гл. V, гл. VI	-	октябрь
6.	"-" гл. VII, IX	-	ноябрь
7.	Окончание, исполнение	-	декабрь

"ЗАКАЗЧИК" *А. Е. Ферсман* (АКАДЕМИК ФЕРСМАН)
"ИСПОЛНИТЕЛЬ" *С. В. Григорьев* (С. ГРИГОРЬЕВ)

Рис. 3. План исполнения работ в рамках договора между директором Кольской базы АН СССР акад. А. Е. Ферсманом и С. В. Григорьевым. 1941. Музей-архив ЦГП КНЦ РАН. ОФ 43. Л. 2

<u>СМЕТЫ</u>			
на работу по теме "Гидроэнергетика Кольского полуострова: ресурсы, исследование, перспективы"			
1.	Зарплата руководителем темы (исполнителем) 500 р. х 3 мес.	-	4.000 руб.
2.	Зарплата консультанту - 500 р. х 6 мес.	-	1.200 руб.
3.	Составление графиков и начислательных работ	-	500 "
4.	Чертежные работы	-	500 "
5.	Пареплюма на машинке и проч. оформление	-	400 "
6.	Фото работы	-	800 "
7.	Непредвиденные расходы - 4,25 % от суммы расходов по п.п. 1-6, т.е. от 6.900 руб.	-	293 "
			Итого..... 7.243 руб.

"ЗАКАЗЧИК" *А. Е. Ферсман* (АКАДЕМИК ФЕРСМАН)
"ИСПОЛНИТЕЛЬ" *С. В. Григорьев* (С. ГРИГОРЬЕВ)

Рис. 4. Смета расходов на работу в рамках договора между директором Кольской базы АН СССР акад. А. Е. Ферсманом и С. В. Григорьевым. 1941. Музей-архив ЦГП КНЦ РАН. ОФ 43. Л. 3

В 1950 г. в Кольском филиале АН СССР был образован Отдел гидроэнергетики, занимавшийся изучением гидроэнергетических ресурсов региона, разработкой научно-технических рекомендаций и предложений для обоснования строительства новых ГЭС в условиях Заполярья [3: 157]. Сергей Владимирович Григорьев руководил отделом вплоть до 1957 г.¹⁸

С 1964 г. С. В. Григорьев продолжил изучать водные объекты Карелии в Институте озераведения АН СССР в Ленинграде, а с 1970 г. состоял при нем в должности научного консультанта.

В 1950–1970-х гг. С. В. Григорьев публикует ряд работ по истории науки, в том числе «Краткий обзор научных исследований по энергетике и гидроэнергетике Советской Карелии за 50 лет». Финальный труд его жизни «Биографический словарь. Естествознание и техника в Карелии» увидел свет в 1973 г. После тяжелой болезни 25 января 1974 г. С. В. Григорьев ушел из жизни.

Еще при жизни современники высоко оценивали заслуги Сергея Владимировича Григорьева. Его считали крупнейшим исследователем гидроэнергетических ресурсов Карелии и Кольского полуострова, создателем научного направления «водное хозяйство» и научной школы карельских гидрологов¹⁹ (рис. 5–8) В сферу его интересов входили инженерная геология, физическая география, история науки.

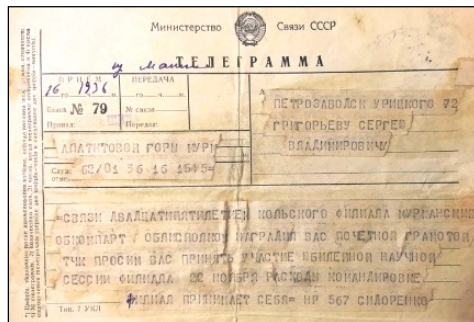

Рис. 5. Телеграмма председателя Президиума Кольского филиала АН СССР чл.-корр. А. В. Сидоренко с приглашением С. В. Григорьеву принять участие в юбилейной научной сессии в связи с 25-летием филиала. 1955. Музей-архив ЦГПИ КНЦ РАН. НВФ 138

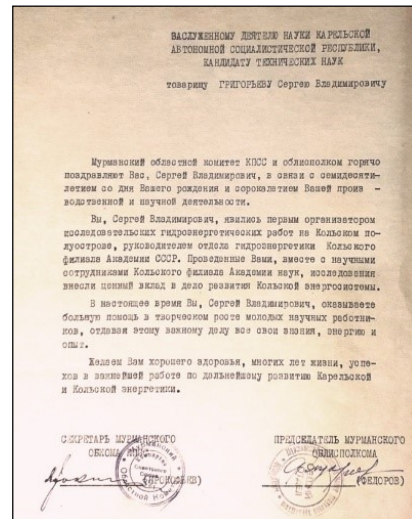

Рис. 6. Поздравительный адрес секретаря Мурманского обкома КПСС В. А. Прокофьева и председателя Мурманского облисполкома А. Д. Федорова на имя С. В. Григорьева в связи с 70-летием. 1958. Музей-архив ЦГПИ КНЦ РАН. НВФ 142

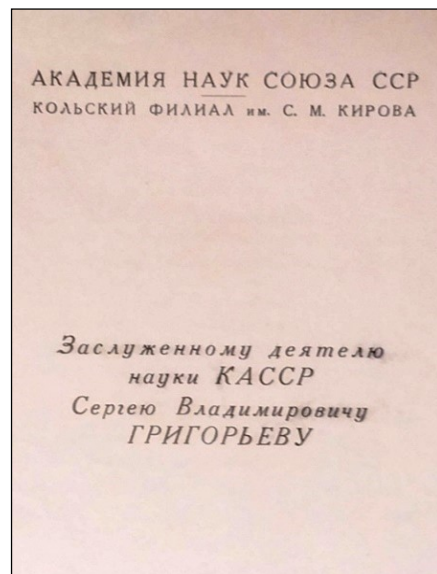

Рис. 7. Первый лист поздравительного адреса на имя С. В. Григорьева. 1958. Музей-архив ЦГПИ КНЦ РАН. НВФ 150 Л. 1

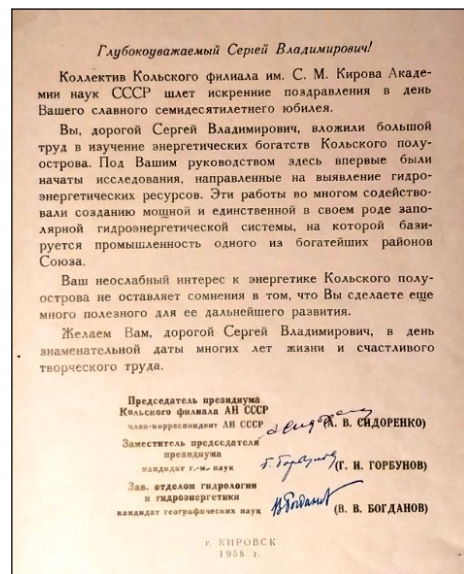

Рис. 8. Поздравительный адрес председателя Президиума Кольского филиала АН СССР чл.-корр. А. В. Сидоренко, зам. председателя Президиума КФАН СССР к.г.-м.н. Г. И. Горбунова и зав. отделом гидрологии и гидроэнергетики КФАН СССР канд. геогр. наук В. В. Богданова на имя С. В. Григорьева в связи с 70-летием. 1958. Музей-архив ЦГПИ КНЦ РАН. НВФ 150 Л. 2

Материалы личного архива доктора геогр. наук С. В. Григорьева, оставшиеся в Петрозаводске, изучила и описала сотрудница Карельского отделения Научно-исследовательского института озерного и речного рыбного хозяйства канд. геогр. наук Галина Лукьяновна Грицевская. Президиум и Музейный совет Северного филиала Географического общества (СФ ГО) СССР в лице председателя Президиума СФ ГО СССР канд. геогр. наук Б. И. Кошечкина в письме от 4 апреля 1974 г. выразили ей «глубокую благодарность» за помощь в организации фондов Музея истории изучения и освоения Европейского Севера²⁰. Материалы фонда привез в апреле 1974 г. заместитель ученого секретаря СФ ГО СССР Шатилов Валентин Васильевич²¹.

Персональный фонд С. В. Григорьева Музея-архива ЦГП КНЦ РАН содержит творческие материалы ученого, несколько эпистолярных документов, фотографии и документы личного происхождения. Среди рукописей сохранились воспоминания Сергея Владимировича о работе в Карелии в 1920-е гг., материалы «К истории использования гидроэнергии и гидроэнергетических исследований Кольского полуострова и севера Карелии», «Озера Кольского полуострова и Северной Карелии и их энергетическое значение», рукописи научных и научно-популярных статей в периодике, черновые записи к биографическому словарю «Естествознание и техника в Карелии» (1973)²². Этот корпус потенциальных исторических источников позволяет восстановить и проиллюстрировать научную биографию ученого-практика, может служить комплексным источником для исследований в области истории научного изучения водных объектов и развития гидроэнергетики в Арктике.

Примечания

¹ Музей-архив истории изучения и освоения Европейского Севера ЦГП КНЦ РАН (далее: Музей-архив ЦГП КНЦ РАН) Научно-вспомогательный фонд (далее: НВФ) 141. Л. 1 об.–2.

² Музей-архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 139. Л. 1–2.

³ Музей-архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 102. Л. 1.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Л. 1–2.

⁶ Будницкий О. 17-й год: кредиты для новой России // Ведомости. 6 октября 2017 г. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2017/10/06/736792-17-i-god> (дата обращения: 04.10.2021).

⁷ Музей-архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 139. Л. 1.

⁸ Музей-архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 137. Л. 1–2; НВФ 102, Л. 8–12.

⁹ Музей-архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 104. Л. 1–2.

¹⁰ Музей-архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 102. Л. 14; НВФ 104. Л. 3.

¹¹ Музей-архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 139. Л. 1.

¹² Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 102. Л. 19–21.

¹³ Музей-архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 139. Л. 1.

¹⁴ Музей-архив ЦГП КНЦ РАН. Основной фонд (далее: ОФ) 42. Л. 1–1об.

¹⁵ Музей-архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 139. Л. 2.

¹⁶ Музей-архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 130.

¹⁷ Музей-архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 126. Л. 2.

¹⁸ Музей-архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 121.

¹⁹ Музей-архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 138; НВФ 142; НВФ 150.

²⁰ Музей-архив ЦГП КНЦ РАН. Переписка, 1974, исходящий № 180.

²¹ Музей-архив ЦГП КНЦ РАН. Переписка, 1974, исходящий № 178.

²² Музей-архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 104; НВФ 105; НВФ 102.

Список литературы

1. История Ленгидропроекта 1917–2007 гг. / под ред. Ю. А. Григорьева и А. И. Ефименко. СПб.: «Гуманистика», 2007. 512 с., ил.
2. Филатов Н. Н., Собисевич А. В. Основатель отдела Водных проблем Карельского филиала АН СССР (к 130-летию со дня рождения Сергея Владимировича Григорьева) // Труды Карельского научного центра Российской академии наук. 2018. № 9. С. 130–133.
3. Ефимов Б. В., Баранник Б. Г., Данилин А. Н. и др. Энергетические исследования на Кольском полуострове // Вестник Кольского научного центра РАН. 2012. № 4. С. 157–165.

References

1. *Istoriya Lengidroproyekt 1917–2007 gg.* [History of Lenhydroproject 1917–2007]. Saint-Petersburg, Humanistika, 2007, 512 p. (In Russ.).
2. Filatov N. N., Sobisevich A. V. Osnovatel' otдела Vodnykh problem karel'skogo filiala AN SSSR (k 130-letiyu so dnya rozhdeniya Sergeya Vladimirovicha Grigor'yeva) [Founder of the Department of Water Problems of the Karelian Branch of the USSR Academy of Sciences (on the occasion of the 130th anniversary of the birth of Sergei Vladimirovich Grigoriev)]. *Trudy Karel'skogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk* [Proceedings of the Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2018, no. 9, pp. 130–133. (In Russ.).
3. Yefimov B. V., Barannik B. G., Danilin A. N. i dr. Energeticheskiye issledovaniya na Kol'skom poluostrove [Energy research on the Kola Peninsula]. *Vestnik Kol'skogo nauchnogo tsentra RAN* [Bulletin of the Kola Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2012, no. 4, pp. 157–165. (In Russ.).

Сведения об авторах

О. В. Шабалина — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник ЦГП КНЦ РАН;
К. С. Казакова — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ЦГП КНЦ РАН.

Information about the authors

O. V. Shabalina — PhD (History), Leading Research Fellow of the Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre of RAS;
K. S. Kazakova — PhD (History), Senior Research Fellow of the Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre of RAS.

Статья поступила в редакцию 05.10.2021; одобрена после рецензирования 07.10.2021; принята к публикации 08.10.2021.

The article was submitted 05.10.2021; approved after reviewing 07.10.2021; accepted for publication 08.10.2021.

Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 21. 2021. Т. 12, № 4. С. 37–52.

Transactions of the Kola Science Centre. Humanitarian studies. Series 21. 2021. Vol. 12, no. 4. P. 37–52.

Научная статья

УДК 92+94(910.4)(470.21)

DOI: 10.37614/2307-5252.2021.4.21.003

Н. В. КУДРЯВЦЕВ И ГЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ ЛАПЛАНДИИ МУРМАНСКОЙ ЭКСПЕДИЦИЕЙ В 1880 ГОДУ

Михаил Николаевич Петровский✉

Геологический институт ФИЦ «Кольский научный центр Российской академии наук», Апатиты, Россия

petrovskiy@geoksc.apatity.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-9103-1616>

Аннотация

Статья посвящена истории Мурманской экспедиции, изучавшей в 1880 г. по заданию Отделения зоологии и физиологии Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей фауну, флору и геологию Русской Лапландии. В ней рассматриваются: биография Николая Васильевича Кудрявцева (1855–1906), геолога и ботаника экспедиции, возглавившего ее сухопутный отряд, изучавший Кольский полуостров вдоль Почтового тракта; научные результаты, полученные Н. В. Кудрявцевым во время работы экспедиции.

Ключевые слова:

Н. В. Кудрявцев, Мурманская экспедиция, Русская Лапландия, геологические исследования

Для цитирования: Петровский М. Н. Н. В. Кудрявцев и геологические исследования Русской Лапландии Мурманской экспедицией в 1880 году // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 21. 2021. Т. 12, № 4. С. 37–52. <http://dx.doi.org/10.37614/2307-5252.2021.4.21.003>.

Original article

N. V. KUDRYAVTSEV AND GEOLOGICAL RESEARCHES OF THE RUSSIAN LAPLAND BY THE MURMANSK EXPEDITION IN 1880

Michail N. Petrovskiy✉

Geological Institute of the Kola Science Center of RAS, Apatity, Russia

petrovskiy@geoksc.apatity.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-9103-1616>

Abstract

The article is devoted to the history of the Murmansk expedition, which in 1880 studied the fauna, flora and geology of the Russian Lapland on assignment of the Department of Zoology and Physiology of the St. Petersburg Society of Naturalists. It examines: the biography of Nikolai Vasilyevich Kudryavtsev (1855–1906), a geologist and botanist of the expedition, who led its land detachment, who studied the Kola Peninsula along the Postal Route; scientific results obtained by N. V. Kudryavtsev during the expedition.

Keywords:

N. V. Kudryavtsev, Murmansk expedition, Russian Lapland, geological research

For citation: Petrovskiy M. N. N. V. Kudryavtsev and geological researches of the Russian Lapland by the Murmansk Expedition in 1880 // Transactions of the Kola Science Centre. Humanitarian studies. Series 21. 2021. Vol. 12, no. 4. P. 37–52. <http://dx.doi.org/10.37614/2307-5252.2021.4.21.003>.

В феврале 1868 г. по высочайшему разрешению Императора Александра II было создано Санкт-Петербургское общество естествоиспытателей, одной из главных целей, поставленных Обществу его уставом, была цель научного исследования Севера России: «...содействовать исследованию природы России, преимущественно в полосе ее, лежащей в бассейнах Балтийского и Белого морей и Ледовитого океана...»¹. И уже с самого первого года существования Общества его внимание было обращено на фаунистические исследования Русской Лапландии. В 1869–1872 гг. на средства Общества Белое море и Мурманский берег Баренцева моря посещает зоолог и гидробиолог Федор Фаддеевич Яржинский (1839–1908), открывший в 1869 г. у Мурманского берега северо-восточную ветвь Гольфстрима и положивший начало систематическим исследованиям беломорской и мурманской фауны [1]. С 1876 г. на средства Общества к систематическому изучению беломорской фауны приступают зоологи Николай Петрович Вагнер (1829–1907) и Константин Сергеевич Мережковский (1855–1921).

Следует отметить, что впервые годы своего существования Общество совершенно не уделяло внимания геологии Кольского края и делало акцент только на зоологические исследования. Все изменяется в 1880 г., когда Отделение зоологии и физиологии Санкт-Петербургского Общества естествоиспытателей на средства в 10 тыс. руб., специально ассигнованные Министерством государственных имуществ, снаряжает большую Мурманскую экспедицию, отправившуюся из Санкт-Петербурга на Кольский полуостров 29 мая (10 июня) 1880 г.²

Несмотря на то что, как и перед прежними исследователями, перед участниками Мурманской экспедиции Общество главными целями поставило «изучение морской фауны Русской Лапландии и выяснение вреда, причиняемого тресковому промыслу китоловством»³, в составе экспедиции был организован отряд для изучения сухопутной фауны и флоры. В состав этого отряда был включен в качестве геолога и коллектора по минералогии и ботанике — геолог, географ и ботаник Николай Васильевич Кудрявцев (1855–1906). Руководителем Мурманской экспедиции был назначен доцент кафедры зоологии Санкт-Петербургского университета, действительный член Общества Модест Николаевич Богданов (1841–1888). О составе экспедиции разные источники дают различные сведения. Согласно Фаусеку и Яценко, кроме М. Н. Богданова и Н. В. Кудрявцева, в состав экспедиции вошли: в качестве исследователя морской фауны — хранитель Зоологического музея Императорской Академии наук Соломон Маркович Герценштейн (1854–1894); в качестве орнитологов — студенты последнего курса естественного отделения физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета Александр Михайлович Никольский (1858–1942), Федор Дмитриевич Плеске (1858–1932), Владимир Алексеевич Хлебников (1857–1934), Василий Васильевич Лавров (1858–1835) и Иван Николаевич Пуцин (1857–?)⁴.

Практически все вышеперечисленные участники-зоологи экспедиции, кроме В. В. Лаврова и И. Н. Пуцина, в той или иной степени известны как ученые внесшие не малый вклад в научное изучение как фауны Кольского полуострова и окружающих его морей, так и фауны других районов Российской империи и бывшего СССР.

В воспоминаниях А. М. Никольского среди участников Мурманской экспедиции В. В. Лавров и И. Н. Пуцин вовсе не упоминаются. Александр Михайлович говорит, что в состав экспедиции, кроме него, входили М. Н. Богданов, С. М. Герценштейн, Н. В. Кудрявцев, Ф. Д. Плеске, В. А. Хлебников и «препаратор Михайловский» [2]. «Препаратором Михайловским»

был любитель-орнитолог Игнатий Михайловский, постоянный участник экспедиций М. Н. Богданова [3]. Известно, что в 1879 г. Модест Николаевич назвал в его честь кавказский подвид синицы-московки (*Periparus ater michalowskii* Bogdanov, 1879) [4].

В своей работе «Кольский полуостров. Физико-географический очерк» Н. В. Кудрявцев пишет о том, что в Кандалакшу он прибыл вместе с Плеске и Лавровым, чтобы совместно с ними пересечь Кольский полуостров и что сбором и гербаризацией растений в Кандалакше и ее окрестностях занимался Лавров⁵. Но в статье «Русская Лапландия» он указывает, что из Кандалакши по Кольскому почтовому тракту вышли только два «молодых естествоиспытателя» — он и Ф. Д. Плеске⁶.

Кудрявцев не говорит, почему В. В. Лавров, на начальном этапе входивший в состав сухопутного отряда экспедиции, не смог участвовать в дальнейшей его работе. Причина, почему Лавров не смог принять участие в переходе по «Почтовому тракту», указана в работе Ф. Д. Плеске «Исследования млекопитающих и птиц Кольского полуострова»: «В Кандалакше выяснилось, что продолжить путь вместе мы не можем, поскольку неподходящие транспортные средства создавали непреодолимые трудности для наших совместных перевозок. Это обстоятельство вынудило г-на Лаврова остаться в Кандалакше. Он очень охотно занялся исследованиями в ее окрестностях, где и проводил сборы до 25 августа, а затем отправился домой»⁷.

Инициатором создания сухопутного отряда был Модест Николаевич, который и предложил состав его участников⁸. Перед Н. В. Кудрявцевым и Ф. Д. Плеске была поставлена задача пересечь и исследовать Кольский полуостров вдоль Кольского почтового тракта от Кандалакши до Колы, то есть пройти тем же путем только в обратном направлении, которым прошел в 1840 г. А. Ф. Миддендорф [5], и получить «новые данные по млекопитающим и птицам, а также по геологии и ботанике для дополнения материалов уже имеющихся по внутренней части этой страны»⁹.

Исследовательская группа, вышедшая из Кандалакши 14 (26) июля 1880 г., состояла из «двух молодых естествоиспытателей, двух постоянных их работников и восьми человек носильщиков»¹⁰. Эту группу возглавил Н. В. Кудрявцев, он же отвечал за геологические, минералогические и ботанические, а Ф. Д. Плеске — за зоологические исследования. Выполнение всех этих обязанностей требовало от Николая Васильевича колоссальных затрат времени, и он осуществлял их добросовестно, насколько это было в его силах, видя главной своей целью физико-географическое изучение Кольского полуострова, при этом он также помогал Плеске в проведении его зоологических исследований, за что тот был ему очень благодарен: «Я чувствую себя не менее обязанным своим попутчикам. Господин В. Лавров с большим успехом работал в Кандалакше и любезно предоставил мне свои материалы; также геолог нашей экспедиции, господин кандидат Н. Кудрявцев любезно поддерживал мою работу и помогал мне при любой возможности»¹¹. Путь от Кандалакши до Колы молодые исследователи прошли за двадцать дней, прибыв в Колу 2 (14) августа. За время ожидания парохода Кудрявцев и Плеске совершили путешествие по реке Туломе и несколько экскурсий по окрестностям Колы. Из Колы в Архангельск путешественники выехали 28 августа (9 сентября) на рейсовом пароходе «Архангельск». В Петербург Н. В. Кудрявцев прибыл 10 (22) сентября и сразу же приступил к обработке своих наблюдений, и уже 19 (31) мая 1881 г. на общем Собрании Общества естествоиспытателей Н. В. Кудрявцев представляет предварительный отчет о главнейших результатах своих исследований, этот отчет

«Кольский полуостров. Физико-географический очерк» Общество публикует в своих Трудах в 1882 г.¹² (рис. 1). В 1883 г. в «Трудах Общества» выходит статья Н. В. Кудрявцева «Орографический характер Кольского полуострова» с окончательными результатами его исследований¹³ (рис. 1), а в 1884 г. в «Журнале Министерства народного просвещения» в мартовском¹⁴ и апрельском¹⁵ номерах выходят его статьи с описанием путешествия по Кольскому полуострову.

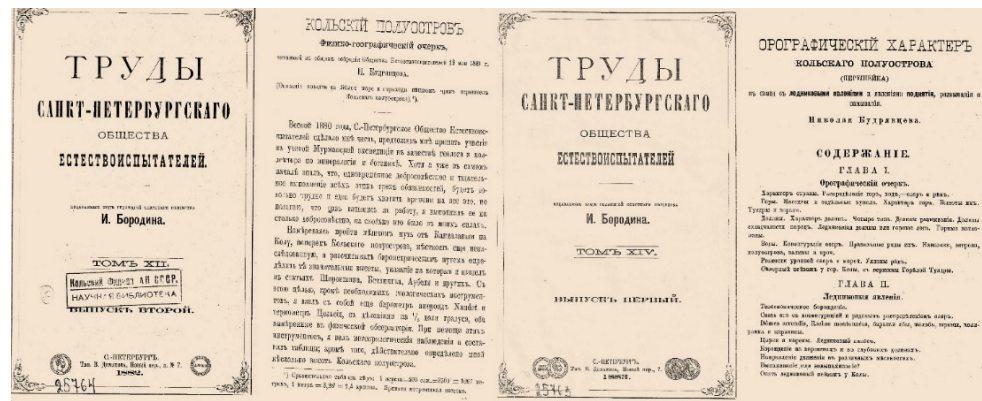

Рис. 1. Титульные листы журналов «Труды Санкт-Петербургского Общества естествоиспытателей», где были опубликованы статьи Н. В. Кудрявцева с результатами его исследований Кольского полуострова и первые страницы этих статей

Краткая биография Н. В. Кудрявцева

Николай Васильевич Кудрявцев родился в Санкт-Петербурге 7 (19) февраля 1855 г. в семье московского мещанина Василия Ананьевича Кудрявцева и его жены Елизаветы Тимофеевны Кудрявцевой. Василий Ананьевич Кудрявцев служил управляющим делами у принца Петра Георгиевича Ольденбургского (1812–1881).

Крещен Н. В. Кудрявцев был 3 (15) марта 1855 г. в Пантелеймоновской церкви Санкт-Петербурга. При крещении «Восприемниками были: Его Императорского Высочества Петра Георгиевича Ольденбургского дети: Николай и Екатерина Ольденбургские. Кроме сих семей при купели находились портового города Ейска 3-й гильдии купец Алексей Дмитриевич Елагин, жена Фридрихсгамского купца Василия Давыдовича Василькова — Агафья»¹⁶. Близость семьи Кудрявцевых к семье принца Ольденбургского играла важную роль в жизни Николая Васильевича. 14 (28) августа 1856 г. выходит Указ Правительствующему Сенату «Во внимание к заслугам оказанным Московским мещанином Василием Кудрявцевым, состоящим при делах Его Императорского Высочества Принца Ольденбургского Всемилостивейше пожелать его с семейством в звание Потомственного Почетного гражданства. Собственною Его Императорского Величества рукою написано Александр»¹⁷. Этот указ отнес семью Кудрявцевых к привилегированному городскому сословию и освободил ее от подушного оклада, воинской повинности и телесного наказания. В Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга хранится копия Свидетельства №4469 «Предъявитель сего Николай Васильевич Кудрявцев состоит в числе Потомственных Почетных граждан, не объясняющих капитала, в удостоверении чего, на основании 80^и-ст. XIV уложения о паспорте и дано ему для беспрепятственного жительства во всех городах и селениях Российской Империи, сие свидетельство Санкт-Петербургской Городской Распорядительной Думой мая 20 дня 1857 года»¹⁸.

Проживала семья Кудрявцевых на 11-ой линии Васильевского острова в знаменитом трехэтажном доме Паллизена (д. 16, кв. 20)¹⁹, что дополнительно указывает на высокий социальный статус Кудрявцевых.

В 1867 г. Николай Васильевич поступает в Санкт-Петербургскую Ларинскую гимназию, которую окончил 4 (16) июня 1875 г.²⁰ 9 (21) августа 1875 г. Кудрявцев подает прошение на имя ректора Санкт-Петербургского университета Петра Григорьевича Редкина (1808–1891) с просьбой разрешить ему окончить курс наук в университете по естественнонаучному отделению физико-математического факультета. Редкин просьбу Кудрявцева удовлетворяет и с 31 августа (12 сентября) его зачисляют в число студентов Университета²¹. Прослушав полный курс наук по естественному разряду физико-математического факультета, Николай Васильевич показал на испытаниях следующие познания: в анатомии человека, зоологии, минералогии, геологии, палеонтологии, ботанике, физике и французском языке — отличные, в химии и физической географии — хорошие, в богословии — достаточные. После завершения экзаменов Николай Васильевич представил диссертацию, за которую физико-математический факультет присудил ему ученую степень кандидата, которая была утверждена Советом университета 11 (23) февраля 1880 г. И согласно выданного диплома «представляются Кудрявцеву все права и преимущества, законами Российской Империи со степенью кандидата соединяемые»²².

Николай Васильевич был учеником Александра Александровича Иностранцева (1843–1919) профессора Санкт-Петербургского университета, создавшего в 1873 г. в университете первую в России кафедру геологии и до конца своих дней ее возглавлявшего. Н. В. Кудрявцева и А. А. Иностранцева связала тесная дружба, продлившаяся всю жизнь. Александр Александрович постоянно привлекал Николая Васильевича к геологическим исследованиям средней полосы и юга Европейской части России, проводимым Обществом естествоиспытателей и Геолкомом²³.

Будучи студентом университета, под руководством Иностранцева, Николай Васильевич занимается изучением геологического строения окрестностей Петербурга. Результаты этих исследований были представлены Кудрявцевым в кандидатской диссертации и первой его научной публикации, вышедшей в 1881 г. в «Трудах Общества естествоиспытателей»²⁴.

В 1880 г. при формировании Мурманской экспедиции А. А. Иностранцев предлагает ввести в ее состав геолога и рекомендует на эту должность Н. В. Кудрявцева, кроме того, Александр Александрович составляет и план геологических исследований экспедиции²⁵. По результатам этих исследований Николай Васильевич Кудрявцев не только опубликовал вышеупомянутые статьи, но и представил диссертацию на степень магистра минералогии и геогнозии, которую с успехом защитил 30 марта (11 апреля) 1882 г.²⁶

Весной 1881 г. А. А. Иностранцеву поступает приглашение от Кромского земства Орловской губернии выполнить геологические исследования Кромского уезда и 12 (24) июня 1881 г. Приказом № 5 Министра народного просвещения были командированы в Орловскую губернию «на три с половиной месяца с ученой целью по Императорскому Санкт-Петербургскому университету ординарный профессор Иностранцев, консерватор геологического кабинета Соколов и кандидат Кудрявцев»²⁷. Главной целью этих исследований было определить по результатам детального геологического изучения и картирования,

какие полезные ископаемые встречаются на территории Кромского уезда и сделать заключение о возможности их добычи. Результаты этих исследований были опубликованы Кудрявцевым и Соколов в 1883 г. в «Трудах Общества естествоиспытателей»²⁸. Главным достижением своей работы исследователи считали находку в Кромском уезде качественных, вполне пригодных для добычи, железных — сферосидеритовых руд, к тому же имеющих площадное развитие на территории уезда, что указывало на большие запасы руды и экономические перспективы ее добычи.

В 1881 г. Николай Васильевич по протекции принца Александра Петровича Ольденбургского (1844–1932), ставшего после смерти отца попечителем Императорского училища правоведения, был принят на службу в это училище с 12 (24) июня учителем естествознания²⁹. В Императорском училище правоведения учителем естествознания Кудрявцев прослужил до 15 (27) декабря 1892 г., когда был уволен с этой должности по личному прошению. В 1881 г. 1 (13) ноября Н. В. Кудрявцев становится действительным членом по отделению геологии и минералогии Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей³⁰.

Восемнадцатого (30) апреля 1882 г. Н. В. Кудрявцев сочетался браком с дочерью статского советника, девицей Верой Александровной Вастень, православного вероисповедания, 28 лет. Поручителями при бракосочетании были: со стороны жениха — коллежский асессор Николай Дмитриевич Колосов и академик Императорской Академии художеств Николай Александрович Бруни; со стороны невесты — класный художник 1 степени Иван Иванович Кудрин, Санкт-Петербургский купец Василий Васильевич Аурих и полковник Александр Иванович Тарасов. Таинство совершили Протоирей Иоанн Заркевич и диакон Иоанн Василевский. Об этом свидетельствует запись в книге брачных обысков церкви Рождества Иоанна Предтечи при 1-м военном Павловском училище³¹ (рис. 2).

Счетъ бракных.	Месяцъ и день.	Званіе, имя, отчество, фамиліа и вѣроисповѣданіе жениха, и которыхъ браконъ.	Лѣта жениха.	Званіе, имя, отчество, фамиліа и вѣроисповѣданіе невесты, и которыхъ браконъ.	Лѣта невесты.
11.	Апрѣль 18.	Кандидатъ Императорскаго Петербургскаго университета Николая Васильевича Кудрявцевъ, Православнаго вѣроисповѣданія, перемѣнъ браконъ.	27.	Дочь Статскаго Советника девица Вера Александровна Вастень, Православнаго вѣроисповѣданія, перемѣнъ браконъ.	28.
		Протоирей Иоанн Заркевич, Диаконъ Иоанн Василевскій.			

Рис. 2. Запись о бракосочетании Н. В. Кудрявцева и В. А. Вастень в книге брачных обысков церкви Рождества Иоанна Предтечи при 1-м военном Павловском училище (ЦГИА СПб. Ф. 875. Оп. 1. Д. 627. Л. 25)

В 1883 г. за физико-географические исследования Кольского полуострова, выполненные в Мурманской экспедиции, Отделение математической и физической географии Императорского Русского географического общества, награждает Николая Васильевича Малой серебряной медалью³², а действительным членом этого общества Н. В. Кудрявцев стал 6 (18) апреля 1888 г.³³ 13 (25) декабря 1883 г. Николай Васильевич был избран действительным членом Императорского Санкт-Петербургского минералогического общества³⁴.

Близость к семье Ольденбургских³⁵ помогла Николаю Васильевичу устроиться и на службу преподавателем в Санкт-Петербургское училище ордена Святой Екатерины, 5 (17) мая 1884 г. Ведомство императрицы Марии «определяет магистра Санкт-Петербургского университета Кудрявцева преподавателем естествознания»³⁶. Преподавателем естествознания, а также физики и химии в этом училище Николай Васильевич прослужил до 1900 г.

Занимаясь преподаванием естествознания, Николай Васильевич подготавливает и издает в 1886 г. курс лекций по ботанике, читаемых им в Училищах правоведения и Святой Екатерины³⁷. За безупречную службу и выслугу лет в 1890 г. магистру Н. В. Кудрявцеву присваивают первый его государственный чин и сразу же восьмого класса, чин коллежского асессора³⁸, и он начинает достаточно быстро продвигаться по «Табели о рангах», уже через год, получая чин надворного советника³⁹.

В тоже время, как отмечалось выше, деятельность Николая Васильевича не ограничивалась одним преподаванием, он по заданию Геолкома проводит геологическое изучение средней и южной частей Европейской России. В начале 1890-х гг. по результатам этих исследований Академия наук издает две его монографии⁴⁰ (рис. 3).

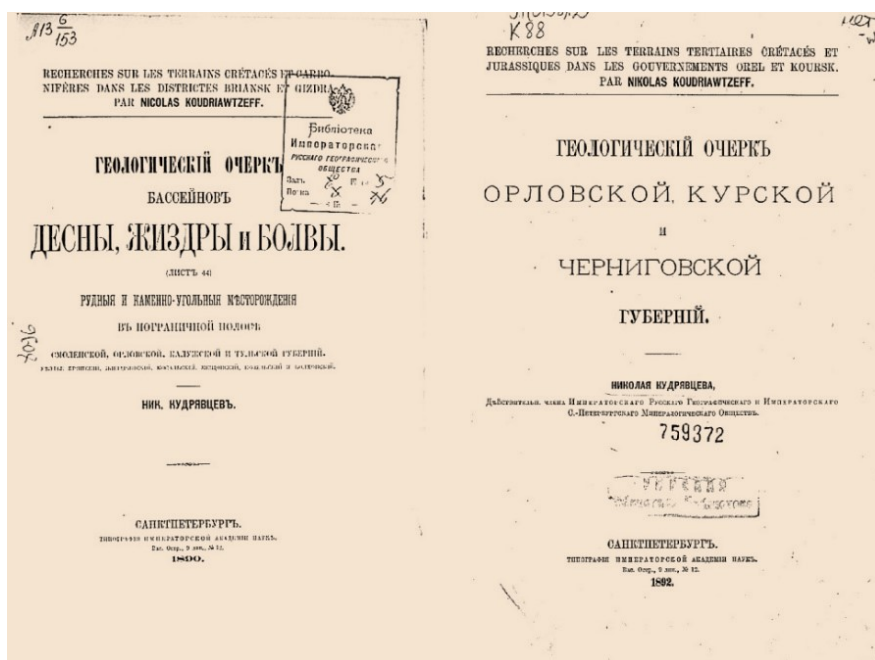

Рис. 3. Титульные листы монографий Н. В. Кудрявцева, посвященных геологии Средней и Южной России.

Кроме того, Кудрявцев как ученый-естествоиспытатель понимал, что здоровье населения является одним из важнейших показателей благосостояния государства. Во второй половине XIX в. губернии европейской части Российской империи значительно отставали от европейских государств в области здравоохранения — смертность в Российской империи была гораздо выше, чем смертность в других странах Европы. Поэтому он, занимаясь геологическими исследованиями, обращает внимание и на медицинские аспекты в жизни крестьян в изучаемых им губерниях. Кудрявцев собрал и проанализировал статистику рождаемости и смертности за 1882–1888 гг. по губерниям, где им проводились геологические исследования, и попытался увязать уровень демографических процессов с географическими факторами, а результаты этой работы он опубликовал в 1893 г.⁴¹

За выслугу лет Н. В. Кудрявцеву в 1895 г. был пожалован чин коллежского советника⁴², а в 1896 г. выходит последняя геологическая работа Николая Васильевича «Карта Подольской губернии, геологические данные»⁴³. В 1898 г. Николая Васильевича за научные достижения повышают в чине, он становится статским советником⁴⁴. В списке публикаций Кудрявцева значатся не только научные статьи и книги, он является автором 137 геолого-географических статей в «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона», последняя его статья в нем датируется 1899 г. Подробно со списком статей Николая Васильевича в словаре можно ознакомиться в Интернете на странице, посвященной этому словарю⁴⁵.

В 1900 г. из-за болезни Николай Васильевич уходит из Екатерининского училища («увольняется от службы согласно прошению, по болезни, преподаватель естествоведения Училища ордена Святой Екатерины, статский советник Кудрявцев. Утверждается преподавателем естествоведения Училища ордена Святой Екатерины коллежский асессор Страховский»⁴⁶). Из-за болезни Николай Васильевич больше не служил, а умер в сентябре 1906 г. в Санкт-Петербурге⁴⁷.

Результаты геологических исследований Кольского полуострова Н. В. Кудрявцева

Отправляясь в экспедицию на Кольский полуостров в качестве геолога, коллектора по минералогии и ботанике Николай Васильевич понимал всю трудность возложенных на него обязанностей: «Хотя я уже в самом начале знал, что одновременное добросовестное и тщательное выполнение всех этих трех обязанностей будет довольно трудно и едва будет хватать времени на все это, но полагаю, что, раз взявшись за работу, я выполнил ее на столько добросовестно, на сколько это было в моих силах»⁴⁸. Поэтому полученные в различных направлениях Кудрявцевым результаты исследований очень неравнозначны. Наиболее интересные результаты Николай Васильевич получил в геолого-геоморфологических и ботанических исследованиях, а минимальные — в петрографо-геологических исследованиях коренных горных пород Русской Лапландии.

Кудрявцев был первым исследователем, детально описавшим общие орографические особенности центральной части Кольского полуострова. Исходя из опубликованных Николаем Васильевичем работ о его исследованиях в Русской Лапландии, основное внимание в своих исследованиях он обратил на физико-географические особенности Кольского полуострова, чем на его геологическое строение. Почему так произошло? Отправляясь на Кольский полуостров, он представлял, что попадет в страну «низменных болотистых тундр»,

но по прибытии в Кандалакшу был поражен тем, что: «господствующий характер местному ландшафту придают высокие обнаженные скалы, местами только сближенные, местами — непрерывно тянущиеся, в виде плато, на протяжении 2–2,5 тысяч квадратных верст»⁴⁹.

Анализируя открывшийся перед ним пейзаж, он понимает, что Кольский полуостров не край заболоченных тундр, а горный кряж, являющийся «типично ледниковой местностью». Николай Васильевич был крайне удивлен сделанным им открытием: «Кому незнаком ледниковый ландшафт по книгам? Читая описания Агассица, Ляйеля, Гельмгольца, Тиндаля и др., невольно удивляешься сходству приводимых ими признаков для различных ледниковых областей. На эту общность типа-характера местности особенно указывает Кропоткин. Но, когда, вполне знакомый с этим ландшафтом по Финляндии, по рисункам и описаниям, я сам впервые увидел его на громадном протяжении, я был поражен»⁵⁰. Он приходит к выводу о повсеместности развития следов покровного оледенения в Русской Лапландии: «Вероятно нет другой такой местности, которая бы так полно и так грандиозно представляла нам следы ледникового периода, как Лапландия»⁵¹. После сделанного им открытия его главной целью становится доказательство тесной взаимосвязи современного рельефа Кольского полуострова с ледниковым выпахиванием. Эта идея проходит «красной нитью» через все его публикации о Кольском полуострове. Для понимания такой приверженности Н. В. Кудрявцева к ледниковой теории необходимо вернуться на несколько лет назад ко времени первых лет учебы Николая Васильевича в университете.

В 1876 г. в России выходит работа Петра Алексеевича Кропоткина (1842–1921) «Исследования о ледниковом периоде»⁵². Она является одним из самых примечательных трудов в истории географии и геологии России. Очень интересно сложилась ее судьба. Почти до 1912 г. мировая научная общественность мало обращала на нее внимания. В мире господствовала дрифтовая теория⁵³. Но в России эта работа сразу же получила быстрое признание и самую высокую оценку крупных отечественных ученых, заведующих кафедрами геологии: в Московском университете — Г. Е. Щуровского (1803–1884); в Санкт-Петербургском университете — А. А. Иностранцева. Поэтому к 1880 г. в России ледниковая теория получила широкое распространение и многочисленных сторонников. Как отмечалось выше, Кудрявцев был учеником Иностранцева, который сразу же включил ледниковую теорию Кропоткина в свой курс по геологии, в результате, Николай Васильевич также стал ее сторонником.

Во время своего путешествия Кудрявцев везде находит подтверждения материковому оледенению Кольского полуострова и его исключительно большой роли в формировании рельефа Лапландии: «Каждый наволок, сельга, остров, мыс, залив, форма горы, пахты с царапинами, формы логов, бараньи лбы, шрамы и борозды, морены и отдельные громадные валуны, одним словом все, а главное — общий характер местности, ландшафт и параллелизм очертаний, вот что всего скорее убеждает в присутствии здесь когда-то, на той же почве, которая под вашими ногами, — сплошного ледникового покрова»⁵⁴. В своих работах Кудрявцев тщательно разбирает «многообразные признаки существования в Лапландии ледниковой эпохи». Размышления Николая Васильевича над всеми «признаками» не потеряли своего значения до настоящего времени и согласуются с представлениями современных исследователей четвертичной геологии и геоморфологии Кольского полуострова.

Результаты петрографо-геологических исследований Кудрявцева из-за его концентрации на географических и ботанических исследованиях и, по-видимому, из-за отсутствия интереса к петрографическим исследованиям оказались гораздо скромнее. Николай Васильевич отмечает: «Что до коллектирования по петрографии, то результатами своими оно дало собрание образчиков с западного побережья Белого моря и с Кольского полуострова по пройденному мной пути»⁵⁵. Если исходить из описаний разновидностей горных пород, приведенных в статьях Кудрявцева, то это коллекция содержала не более 20 образцов. О том, что коллекция Кудрявцева очень маленькая и не интересная отмечал и хранитель Минералогического музея Горного института М. П. Мельников⁵⁶. Из работы «Кольский полуостров. Физико-географический очерк», в которой Николай Васильевич посвятил петрографо-геологическим данным одну страничку, мы узнаем, что все западное побережье Белого моря и Кольский полуостров по пройденному им пути сложен главным образом однообразными гранитами и гнейсами с преобладанием переходных их форм — гранито-гнейсами и гнейсо-гранитами; берег моря в районе Кандалакши сложен мелкозернистым черно-зеленым амфиболитом, а в районе Зашейка на Сырой тундре наблюдаются гранулиты⁵⁷. Находка гранулитов, крайне важная для геологии Русской Лапландии и разобранный мной в статье, посвященной экспедиции А.Ф. Гебеля [6], удивительным образом не была оценена Кудрявцевым по достоинству. И здесь, по-видимому, сказалось то, что Николай Васильевич знал об открытии немецких исследователей, участников экспедиции А.Ф. Гебеля и не увидел ничего нового в своем открытии: «Тут приходится, к крайнему моему сожалению, указать на только что вышедшую работу Штельцнера, в которой уже определено большинство пород, развитых в окрестностях Умбы и Порьей губы, так что можно предполагать, что большинство этих пород окажется имеющими соответствующие выходы по берегу озера Имандра, а следовательно и собранные мною породы уже теперь определены в Германии»⁵⁸. Здесь можно сделать вывод, что Николай Васильевич полагал, что вряд ли он найдет при петрографо-геологических исследованиях что-то новое, не увиденное ранее А. Ф. Миддендорфом и участниками экспедиции Гебеля. Из этих же соображений Кудрявцев не проводил геологических наблюдений в Карелии, где уже ранее работал Иностранцев: «Считая совершенно излишним останавливаться для исследований в местности, уже изученной многоуважаемым А. А. Иностранцевым, я ехал безостановочно до самых Сум»⁵⁹. Я предполагаю, что понимание Кудрявцевым невозможности найти что-то новое в минералогии и петрографии горных пород вдоль Почтового тракта было одним из тех важных моментов, чтобы принять решение сосредоточиться на изучении действительно нового для геологии Русской Лапландии аспекта — связи рельефа Кольского полуострова с ледниковыми явлениями.

Несколько больше петрографической информации Кудрявцев приводит в своей статье «Орографический характер Кольского полуострова»⁶⁰. Он указывает, что берега реки Туломы сложены мелкозернистым гранитом и гнейсом, а окрестности Колы — гранат-слюдяным гнейсом, что в принципе не сообщает ничего нового, чего не было бы уже известно из работ предыдущих исследователей В. Н. Бётлингка, А. Ф. Миддендорфа и К. Обеля⁶¹. При характеристике Хибин он пишет, что они сложены роговообманковым сиенитом с гнездами лучистого камня, состоящего из игловидной зеленой роговой обманки, и определяет в них нефелин как необычный ортоклаз: почему-то без спайности, со стекловидным изломом и серого цвета с жирным блеском. Такая характеристика хибинских пород удивительна для геолога последней четверти XIX в. и являлась шагом назад, ведь еще Миддендорф определил их как арфведсонит-содалитовые, сходные с нефелиновыми

сиенитами Гренландии [5], а Обель определил в них, наряду с арфведсонитом, лучистый эгирин [6]. Кроме того, в статье Кудрявцев приводит макроскопическое описание гранитов и гнейсов, встреченных им по западному берегу Белого моря, между селом Сумский Посад и островом Величаиха. Приведенные Кудрявцевым в статье лишь макроскопические, причем поверхностные описания горных пород, когда уже достаточно широко применялся микроскопический метод петрографических исследований, дополнительно подтверждают, насколько неинтересны были Кудрявцеву исследования коренных горных пород Русской Лапландии, так что он даже не стал обрабатывать собранный каменный материал.

Контрастом к петрографической коллекции выступает собранный Кудрявцевым гербарий, который получился «довольно значительным» и охватывающим 50 семейств местной флоры. При сборе растений Кудрявцев придерживался следующей системы: «Встречая какое-нибудь растение впервые, я брал его по 10 экземпляров, затем, если оно попадалось и в других значительно удаленных местностях, то я брал его вновь по 2–3 экз. для сравнения географических разностей»⁶². Следует отметить, что ботанические исследования у Кудрявцева и занимали основную часть времени: «Составление гербария занимало у меня всегда так много времени, что я по опыту могу сказать, что совмещение с этой работой других крайне затруднительно»⁶³. Полученные Николаем Васильевичем результаты ботанических исследований значительны и мало уступают по важности результатам его геолого-геоморфологическим исследованиям. Кудрявцев установил, что многие виды растений Петербургской губернии широко распространены и на Кольском полуострове. Он высказал совершенно новое, оригинальное для своего времени предположение, связывающее растительный мир и почвенно-геологические условия их произрастания. Он предположил, что географическое распространение растений в Русской Лапландии зависит не только от изменений климата, но во многом от почвы и состава материнских почвообразующих пород. Его он доказывал собранным гербарием: «Это особенно наглядно доказывается собранным мной гербарием. Масельга, Кица, и тощие берега Имандры представляют убогих представителей флоры. Тощие торфяники, голый гравий, каменистый ледниковый нанос, состоящий из кварца и не размельченных галек полевого шпата, вот причины истощения растений. Около Хибинских гор (где развиты роговообманковые сиениты), на Экострове (хлоритовый и тальковый сланцы), в Кузацкой губе (глинистый, роговообманковый и хлоритовый сланцы), в Керети растительность является в роскошных развитых представителях»⁶⁴. В настоящее время приуроченность растений к определенным горным почвообразующим породам является доказанной и широко применяется в ботанических исследованиях [7]. Здесь также стоит отметить, что Николай Васильевич получил совершенно новые данные о распространении лесной растительности в Русской Лапландии как по направлению с юга на север, так и вертикальной ее зональности в горах. Абсолютной новостью в отечественной науке было то, что северная граница леса идет значительно севернее Кандалакши и доходит не только до Колы, а и до прибрежной полосы Ледовитого океана⁶⁵.

В заключение хочется сказать, что Николай Васильевич Кудрявцев до сих пор остается малоизвестен и как человек, и как ученый, несмотря на то, что он был первым исследователем Русской Лапландии, давшим детальное географическое описание Кольского полуострова между Кандалакшей и Колой; а его труд о ледниковой деятельности на Кольском полуострове является второй крупной в Российской империи, после монографии Кропоткина, работой о ледниковом периоде в Европе.

Примечания

¹ Прозоровский-Голицын А. А. Возникновение, состав, Общие Собрания и экспедиции Общества // Обзор деятельности Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей за первое двадцатипятилетие его существования. 1868–1893. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1893. С. 1–17.

² Фаусек В. А. Яценко Л. А. Деятельность Отделения зоологии и физиологии // Обзор деятельности Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей за первое двадцатипятилетие его существования. 1868–1893. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1893. С. 17–26.

³ Протоколы заседаний зоологического отделения // Труды Санкт-Петербургского Общества естествоиспытателей. 1880. Т. XI. Вып. 2. С. 166.

⁴ См. Фаусек, Яценко. С. 22.

⁵ Кудрявцев Н. В. Кольский полуостров. Физико-географический очерк // Труды Санкт-Петербургского Общества естествоиспытателей. 1882. Т. XII. Вып. 2. С. 233–267.

⁶ Кудрявцев Н. В. Русская Лапландия (Ч. 1 и 2) // Журнал Министерства народного просвещения. 1884. № 3. С. 36–71.

⁷ Pleske Th. Übersicht des Säugethiere und Vögel der Kola-Halbinsel. Theil I. Säugethiere // Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches und der angrenzenden Länder Asiens. 1884. F. 2. Bd. 8. S. 2–3.

⁸ Там же. С. 1.

⁹ См. Фаусек, Яценко. С. 23.

¹⁰ См. Кудрявцев. Русская Лапландия (Ч. 1 и 2). С. 36.

¹¹ См. Pleske. S. 8.

¹² См. Кудрявцев. Кольский полуостров.

¹³ Кудрявцев Н. В. Орографический характер Кольского полуострова в связи с ледниковыми явлениями и явлениями поднятия, размывания и намывания // Труды Санкт-Петербургского Общества естествоиспытателей. 1883. Т. XIV. Вып. 1. С. 13–118.

¹⁴ См. Кудрявцев. Русская Лапландия (Ч. 1 и 2).

¹⁵ Кудрявцев Н. В. Русская Лапландия (Ч. 3) // Журнал Министерства народного просвещения. 1884. № 4. С. 210–242.

¹⁶ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 18519. Л. 8.

¹⁷ Там же. Л. 6.

¹⁸ Там же. Л. 10.

¹⁹ Там же. Л. 2.

²⁰ Там же. Л. 5.; Пятидесятилетие Санкт-Петербургской Ларинской гимназии 1836–1886. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1886. Приложение, С. 19.

²¹ Там же. Л. 1.

²² Там же. Л. 47.

²³ Геологический комитет России — первое государственное геологическое учреждение в Российской империи. Днем его создания считается 19 (31) января 1882 г., когда император Александр III подписал Положение о Комитете, утвердил его директора (академик Г. П. Гельмерсен) и состав Присутствия (академики Н. И. Кокшаров и Ф. Б. Шмидт, профессор Горного

института П. В. Еремеев, А. П. Карпинский, В. И. Меллер и профессор Санкт-Петербургского университета А. А. Иностранцев). Подробнее см.: Клеопов И. Л. Геологический комитет (1882–1929 гг.): История геологии в России. М.: Наука, 1964. 175 с.; Кагарманов А. Х. Роль Горного института и Геологического комитета в организации и становлении геологической службы России: история в лицах // Записки Горного института. 2003. Т. 153. С. 246–256.

²⁴ Кудрявцев Н. В. Лебедев И. М. Геологическое описание окрестностей Красного и Царского села // Труды Санкт-Петербургского Общества естествоиспытателей. 1881. Т. XII. Вып. 1. С. 1–74.

²⁵ Прозоровский-Голицын. С. 4–5.

²⁶ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 18519. Л. 22.

²⁷ Приказы Министра народного просвещения // Журнал Министерства народного просвещения. Официальная часть. 1881. № 9. С. 24–25.

²⁸ Кудрявцев Н. В. Соколов Н. А. Геологическое исследование Кромского уезда Орловской губернии, произведенное под руководством А. А. Иностранцева, профессора Санкт-Петербургского университета, Н. В. Кудрявцевым и Н. А. Соколовым // Труды Санкт-Петербургского Общества естествоиспытателей. 1883. Т. XIII. Вып. 2. С. 241–350.

²⁹ ЦГИА СПб. Ф. 355. Оп. 1. Д. 1685. Л. 1.

³⁰ Список членов Санкт-Петербургского Общества естествоиспытателей. Приложение II // Обзор деятельности Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей за первое двадцатипятилетие его существования. 1868–1893. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1893. С. XXI.

³¹ ЦГИА СПб. Ф. 875. Оп. 1. Д. 627. Л. 24–25.

³² Список лиц, удостоенных наград Императорского Русского географического общества со времени его основания по 1896 г. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1897. С. 16.

³³ Состав Императорского Русского географического общества по 1 сентября 1910 г. СПб.: Тип. жур. «Строитель», 1910. С. 49.

³⁴ Список членов Императорского Санкт-Петербургского минералогического общества со дня основания по 1902 г. СПб.: Тип. К. Биркенфельда, 1902. С. 31.

³⁵ Принц Петр Георгиевич Ольденбургский был главным начальником женских учебных заведений Ведомства императрицы Марии в ведении которого было Училище ордена Святой Екатерины.

³⁶ ЦГИА СПб. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2543. Л. 1–2.

³⁷ Кудрявцев Н. В. Лекции ботаники. Систематика растений. СПб.: Тип. А. Пожаровой, 1886. 67 с.

³⁸ Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи на 1890 г. Ч. I. Власти и места центрального управления и ведомства их. СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1890. С. 667.

³⁹ Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи на 1891 г. Ч. I. Власти и места центрального управления и ведомства их. СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1891. С. 671.

⁴⁰ Кудрявцев Н. В. Геологический очерк бассейнов Десны, Жиздры и Болтвы (лист 44). Рудные и каменноугольные месторождения в пограничной полосе Смоленской, Орловской, Калужской и Тульской губерний. Уезды: Брянский, Жиздринский, Мосальский, Мещовский, Козельский и Болховский. СПб.: Тип. Имп. АН, 1890. 204 с.; Кудрявцев Н. В. Геологический очерк Орловской, Курской и Черниговской губерний. СПб.: Тип. Имп. АН, 1892. 887 с.

⁴¹ Кудрявцев Н. В. Медико-топографические соотношения // Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины. 1893. Т. 20. Кн. 3. Отд. 2. С. 103–165.

⁴² Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи на 1895 г. Ч. I. Власти и места центрального управления и ведомства их. СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1895. С. 850.

⁴³ Кудрявцев Н. В. Карта Подольской губернии, геологические данные. Масштаб 35 верст в английском дюйме. Составил Кудрявцев Н. В. СПб.: Литограф. мастерская Д. М. Руднева, 1896.

⁴⁴ Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи на 1898 г. Ч. I. Власти и места центрального управления и ведомства их. СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1898. С. 961.

⁴⁵ https://ru.wikisource.org/wiki/Категория:Словарные_статьи_Николая_Васильевича_Кудрявцева (дата обращения: 24.03.2020).

⁴⁶ ЦГИА СПб. Ф. 3. Оп. 1. Д. 3412. Л. 3.

⁴⁷ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 45971. Л. 1.

⁴⁸ См. Кудрявцев. Кольский полуостров. С. 233.

⁴⁹ Кудрявцев. Орографический характер... С. 17.

⁵⁰ Там же. С. 24.

⁵¹ Там же. С. 35.

⁵² Кропоткин П. А. Исследования о ледниковом периоде // Записки Императорского Русского географического общества по общей географии. 1876. Т. VII. № 1. С. 1–717.

⁵³ Суть дрифтовой теории в том, что валуны в четвертичном периоде на равнинах Европы, Северной Азии и Северной Америки оставили плавающие морские льды, когда эти территории были низменностями, покрытыми водами северных морей. Теория была разработана в середине XIX в. Ч. Лайелем (1797–1875), Ч. Дарвином (1809–1882), Р. Мурчисоном (1792–1871) и А. А. Кейзерлингом (1815–1891).

⁵⁴ См. Кудрявцев. Орографический характер... С. 36.

⁵⁵ См. Кудрявцев. Кольский полуостров. С. 241.

⁵⁶ Мельников М. П. Материалы по геологии Кольского полуострова // Записки Имп. Санкт-Петербургского минералогического общества. 1893. Ч. XXX. Вып. 1. С. 116–117.

⁵⁷ См. Кудрявцев. Кольский полуостров. С. 241.

⁵⁸ Там же. С. 241.

⁵⁹ Там же. С. 242.

⁶⁰ См. Кудрявцев. Орографический характер... С. 97–99.

⁶¹ В другой статье [6] я писал, что русские геологи не были знакомы со статьей К. Обеля (Aubel K. Alte bergmannische Arbeiten an der Küste und den Inseln von Lappländische // Neues Jahrbuch für Mineralogie, Geologie und Palaeontologie. Jahrgang 1869. Stuttgart, 1869. S. 298–309) о его исследованиях Русской Лапландии, но Кудрявцев указывает, что он с ней знаком и читал. См. Кудрявцев Кольский полуостров. С. 233.

⁶² См. Кудрявцев. Кольский полуостров. С. 234.

⁶³ Там же. С. 234.

⁶⁴ Там же. С. 261.

⁶⁵ Там же. С. 235–236.

Список литературы

1. Гинецинская Т. А., Захарова М. А. Санкт-Петербургское Общество естествоиспытателей в изучении фауны Белого моря (к 100-летию Соловецкой биологической станции) // Вестник Ленинградского университета. 1983. № 21. Вып. 4. С. 100–105.
2. Из воспоминаний зоолога Александра Михайловича Никольского // Из истории биологических наук. М.–Л., Наука, 1966. Вып. 1. С. 79–103.
3. Баккал С. Н. Профессиональные орнитологи, натуралисты-любители и коллекции птиц Санкт-Петербургской губернии, представленные в Зоологическом музее Императорской Академии наук // Русский орнитологический журнал. 2021. Т. 30. Экспресс-выпуск 2075. С. 2523–2575.
4. Паевский В. А. Этимология названия птиц Палеарктики. М.-СПб.: КМК, 2018. С. 174.
5. Петровский М. Н. Первые научные геологические знания о Кольском полуострове в контексте естественнонаучного изучения Русской Лапландии в XVIII – первой половине XIX столетий (Ч. III) // История науки и техники. 2019. № 3. С. 3–8.
6. Петровский М. Н. Геологические исследования Русской Лапландии во второй половине XIX в.: экспедиции А. Ф. Гебеля (1868–1870) и Д. К. Киля (1872) — их вклад в геологические знания о Российской империи (Ч. III) // История науки и техники. 2021. № 10. С. 24–36.
7. Блинова И. Л., Петровский М. Н. К характеристике минеротрофных травяных болот в центральной части Мурманской области и необходимости их охраны // Вестник Кольского научного центра РАН. 2014. № 3. С. 38–55.

References

1. Ginetsinskaya T. A., Zakharova M. A. Sankt-Peterburgskoye Obshchestvo yestestvoispytateley v izuchenii fauny Belogo morya (k 100-letiyu Solovetskoy biologicheskoy stantsii) [St. Petersburg Society of Naturalists in the Study of the Fauna of the White Sea (to the 100th anniversary of the Solovetsky Biological Station)]. *Vestnik Leningradskogo universiteta* [Bulletin of the Leningrad University], 1983, no. 21, issue 4, pp. 100–105. (In Russ.).
2. Iz vospominaniy zoologa Aleksandra Mikhaylovicha Nikol'skogo [From the memoirs of the zoologist Alexander Mikhailovich Nikolsky]. *Iz istorii biologicheskikh nauk* [From the history of biological sciences]. M.-L., Nauka, 1966, issue 1, pp. 79–103. (In Russ.).
3. Bakkaal S. N. Professional'nyye ornitologi, naturalisty-lyubiteli i kollektzii ptits Sankt-Peterburgskoy gubernii, predstavlenyye v Zoologicheskom muzeye Imperatorskoy Akademii nauk [Professional ornithologists, amateur naturalists and bird collections of the St. Petersburg province, presented in the Zoological Museum of the Imperial Academy of Sciences]. *Russkiy ornitologicheskij zhurnal* [Russian Ornithological Journal], 2021, vol. 30. Express Edition 2075, pp. 2523–2575. (In Russ.).
4. Payevskiy V. A. *Etimologiya nazvaniya ptits Palearktiki* [Etymology of the name of the Palaearctic birds]. M.-SPb., KMK, 2018, p. 174. (In Russ.).
5. Petrovskiy M. N. Pervyye nauchnyye geologicheskiye znaniya o Kol'skom poluostrove v kontekste yestestvennonauchnogo izucheniya Russkoy Laplandii v XVIII – pervoy polovine XIX stoletiy (Ch. III) [The first scientific geological knowledge about the Kola Peninsula in the context of the natural science study of Russian Lapland in the 18th – first half of the 19th centuries (P. III)]. *Istoriya nauki i tekhniki* [History of Science and Technology], 2019, no. 3, pp. 3–8. (In Russ.).

6. Petrovskiy M. N. Geologicheskiye issledovaniya Russkoy Laplandii vo vtoroy polovine XIX v.: ekspeditsii A. F. Gebelya (1868–1870) i D. K. Kilya (1872) — ikh vklad v geologicheskiye znaniya o Rossiyskoy imperii (Ch. III) [Geological exploration of Russian Lapland in the second half of the 19th century: expeditions by A. F. Goebel (1868–1870) and D. K. Kiel (1872) – their contribution to geological knowledge about the Russian Empire (P. III)]. *Istoriya nauki i tekhniki* [History of Science and Technology], 2021, no. 10, pp. 24–36. (In Russ.).
7. Blinova I. L., Petrovskiy M. N. K kharakteristike minerotrofnykh travyanykh bolot v tsentral'noy chasti Murmanskoy oblasti i neobkhodimosti ikh okhrany [On the characteristics of minerotrophic grass bogs in the central part of the Murmansk region and the need for their protection]. *Vestnik Kol'skogo nauchnogo tsentra RAN* [Bulletin of the Kola Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2014, no. 3, pp. 38–55.

Сведения об авторе

М. Н. Петровский — кандидат геолого-минералогических наук, старший научный сотрудник Геологического института ФГБУН ФИЦ КНЦ РАН.

Information about the author

M. N. Petrovskiy — PhD (Geology and Mineralogy), Senior Researcher of Geological Institute of the Kola Science Center of RAS.

Статья поступила в редакцию 02.10.2021; одобрена после рецензирования 07.10.2021; принята к публикации 08.10.2021.

The article was submitted 02.10.2021; approved after reviewing 07.10.2021; accepted for publication 08.10.2021.

Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 21. 2021. Т. 12, № 4. С. 53–72.

Transactions of the Kola Science Centre. Humanitarian studies. Series 21. 2021. Vol. 12, no. 4. P. 53–72.

Научная статья

УДК 635

DOI: 10.37614/2307-5252.2021.4.21.004

К 45-ЛЕТИЮ ЛАБОРАТОРИИ ДЕКОРАТИВНОГО ЦВЕТОВОДСТВА И ОЗЕЛЕНЕНИЯ ПАБСИ КНЦ РАН

Любовь Андреевна Иванова✉

Полярно-альпийский ботанический сад-институт им. Н. А. Аврорина Кольского научного центра Российской академии наук, Апатиты, Россия

ivanova_la@inbox.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-7994-5431>

Аннотация

Цель статьи — кратко осветить историю становления и развития в ПАБСИ лаборатории декоративного цветоводства и озеленения, основные направления проводимых ею научных исследований. Представлены наиболее значимые результаты, достигнутые научным подразделением за почти полувековой период, которые являются чрезвычайно перспективными и востребованными в настоящее время.

Ключевые слова:

ПАБСИ КНЦ РАН, история, достижения, интродукция, цветоводство, озеленение, оранжереи, декоративно-цветочные растения, зональные ассортименты, агротехника, биотехнологии

Для цитирования: Иванова Л. А. К 45-летию лаборатории декоративного цветоводства и озеленения ПАБСИ КНЦ РАН // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 21. 2021. Т. 12, № 4. С. 53–72. <http://dx.doi.org/10.37614/2307-5252.2021.4.21.004>.

Original article

THE HISTORY OF DEVELOPMENT OF THE DECORATIVE FLORAL GROWING AND GARDENING LABORATORY OF THE N. A. AVRORIN POLAR-ALPINE BOTANICAL GARDEN-INSTITUTE OF KSC RAS

Lyubov' A. Ivanova✉

N. A. Avrorin Polar-Alpine Botanical Garden-Institute of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences, Apatity, Russia

ivanova_la@inbox.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-7994-5431>

Abstract

A brief history of the formation and development of the laboratory of decorative floriculture and gardening at PABSI, the main directions of its scientific research are presented. The most significant results achieved by the scientific department for almost half a century, which are extremely promising and in demand now, are noted.

Keywords:

history, achievements, introduction, floriculture, gardening, greenhouse, ornamental flowers, zonal assortments, agricultural technology, biotechnology

For citation: Ivanova L. A. The history of development of the decorative floral growing and gardening laboratory of the N. A. Avrorin Polar-Alpine Botanical Garden-Institute of KSC RAS // Transactions of the Kola Science Centre. Humanitarian studies. Series 21. 2021. Vol. 12, no. 4. P. 53–72. <http://dx.doi.org/10.37614/2307-5252.2021.4.21.004>.

В 2021 г. исполняется 90 лет со дня основания Полярно-альпийского ботанического сада-института имени Н. А. Аврорина Кольского научного центра РАН (ПАБСИ) — самого северного и единственного ботанического сада России, расположенного за полярным кругом. Одновременно с ним отметит свое 45-летие и одно из его подразделений — лаборатория декоративного цветоводства и озеленения (ДЦиО).

В специфических условиях Крайнего Севера озеленение является важнейшим фактором создания комфортной среды обитания. Декоративные растения оживляют городской пейзаж, восполняют отсутствие ярких красок в естественном северном ландшафте и оказывают благоприятное психологическое и физиологическое воздействие на человека.

Первые сведения об использовании декоративных растений на Кольском Севере относятся к концу XIX в., уже тогда населению было известно несколько десятков видов комнатных растений, завезенных в регион кольскими поморами. Значительно пополнились ассортименты декоративных растений в 1930-е гг. в связи с интенсивным развитием в Мурманской области горнопромышленного комплекса, металлургической, химической и других отраслей промышленности, а также сопутствующего им бурного строительства новых городов. Переселяясь на новое местожительство, люди везли с собой и свои любимые растения.

Начиная с 1931 г., в связи с созданием в Кировске Полярно-альпийского ботанического сада, проблема переселения растений на Крайний Север была поставлена на научную основу. В задачу исследований входило проведение широкой интродукции видов разного хозяйственного значения, создание зональных ассортиментов декоративных многолетних и однолетних растений для озеленения городов и поселков Мурманской области и сходных с ней районов Крайнего Севера. В это время цветочное оформление на объектах озеленения в регионе было представлено небольшими вкраплениями несоразмерно по площади, объему, цветовому решению и восприятию в целом (рис. 1). В 1941 г. выходит работа, в которую вошел первый разработанный ассортимент декоративных растений открытого грунта и практические рекомендации по их использованию [1]. С годами в соответствии с требованием времени и новым накопленным опытом он претерпевает изменения качественного и количественного порядка: к 1982 г. включает 75, в 2001 г. — 102, 2010 г. — 197, а в 2016 г. — 202 вида (из них 114 — многолетние, 88 — однолетние растения) [2–6]. Особое внимание в исследованиях в этот период уделяется разработке агротехники выращивания и методам практического использования декоративных растений [6–15]. Современный зональный ассортимент растений открытого грунта, как и прежде, представлен растениями природной флоры и переселенными из разных областей России, зарубежных стран. Все они прошли этапы первичной интродукции, отбора и размножения наиболее декоративных и стойких форм, а также последующие испытания в озеленительных посадках.

Точкой отсчета ведения оранжерейного хозяйства в ПАБСИ является 1933 г., когда под руководством садовода А. И. Калнина была построена первая теплица (рис. 2). Она представляла собой небольшую, полуподвальную блочную оранжерею, в которой в основном выращивался посадочный материал для открытого и защищенного грунта (рис. 3). Только в 1935–1936 гг. появилась специализированная оранжерея большей площади и объема, имевшая демонстрационное назначение.

Рис. 1. Городское озеленение, г. Кировск, 1930-е гг.

Рис. 2. Садовод А. И. Калнин на фоне первой блочной теплицы. 1933 г.

Рис. 3. Блочная теплица. 1934 г.

В 1955 г. впервые в план научных исследований Полярно-альпийского ботанического сада включается тема по комнатному цветоводству, связанная с интродукцией оранжерейных тропических и субтропических растений. С этого момента коллекция оранжерейных растений стала быстро расти, и в 1962 г. для внутреннего озеленения было рекомендовано 26 видов комнатных растений [16].

В 1970-е гг. с ростом городов на Кольском Севере все большей популярностью начинают пользоваться зимние сады, требующие разнообразного ассортимента растений для создания ландшафтно-художественных экспозиций. В связи с этим было уделено большое внимание цветоводству защищенного грунта, оранжерейное хозяйство в этот период увеличилось и состояло из 7 специализированных оранжерей. В 1976 г., благодаря усилиям к. б. н. Т. А. Козупеевой, в то время директора ПАБСИ, в его структуре была организована специализированная научная лаборатория

декоративного цветоводства и озеленения (ДЦиО). Ее количественный состав насчитывал 28 чел., а структура представлена 3 группами: гидропонного выращивания оранжерейно-срезочных растений, ландшафтного проектирования и озеленения, коллекцией тропических и субтропических растений. Основным направлением работы нового подразделения стала интродукция растений тропической и субтропической флоры, разработка научно обоснованных зональных ассортиментов декоративно-цветочных растений для зеленого строительства и любительского цветоводства на Крайнем Севере, а также рентабельных, ускоряющих их рост и развитие, повышающих биологическую продуктивность и качество технологий и методов выращивания. С этой целью исследования начинают проводиться не только в фондовых оранжереях и экспериментально-производственных теплицах Сада (рис. 4), но и в отдельных тепличных хозяйствах области, свободных подземных выработках Юкспорского и Кировского рудников, в специально отведенных под озеленение городских помещениях. Благодаря этому к 1979 г. в оранжерейной и комнатной культуре прошли первичное испытание более 1 тыс. видов тропических и субтропических растений, были разработаны приемы и агротехника выращивания для более 150 видов [17].

Рис. 4. М. н. с. Ж. Ф. Онохина и лаборант Л. А. Иванова. в экспериментальной гидропонной теплице. 1980 г.

Татьяна Алексеевна Козупеева — выдающийся специалист в области комнатного цветоводства и оранжерейного выращивания тропических и субтропических растений в Заполярье, на протяжении почти четверти века успешно руководила этим подразделением. В 1986 г. она переехала в Ленинград. Заведовать лабораторией стал к. с/х. н. Е. Е. Кислых, а в 1989 г. его сменила Иванова Любовь Андреевна (рис. 5–7).

Рис. 5. Т. А. Козупеева

Рис. 6. Е. Е. Кислых

Рис. 7. Л. А. Иванова

В 1990-е гг., несмотря на огромные трудности, связанные с тяжелейшим экономическим кризисом в стране, ПАБСИ удалось сохранить коллекцию тропических и субтропических растений и лабораторию ДЦиО. Однако ее структура, кадровый состав, и особенно тепличное хозяйство претерпели существенные изменения. Последняя модернизация и переоснащение его в современный тепличный комплекс, адаптированный для выращивания большого количества тропических и субтропических растений, была проведена в 2009–2012 гг. (рис. 8).

Рис. 8. Оранжерейный комплекс ПАБСИ. 2019 г.

В настоящее время живая коллекция растений данной флоры включает 788 образцов, относящихся к 616 видам 302 родов 113 семейств [18]. Среди них имеются эндеми отдельных районов тропиков и субтропиков, редкие в мире растения, пищевые, лекарственные, декоративные и другие полезные и интересные в биологическом, географическом и хозяйственном отношении виды, а также представители различных морфологических и экологических групп растений. Как и прежде она является центром первичной интродукции декоративных растений в Заполярье, служит богатейшим источником для разработки и обогащения зональных ассортиментов растений защищенного грунта, базой для проведения большой

научно-просветительской работы и популяризации ботанических знаний. Коллекционные растения размещены в двух отделениях оранжерейного комплекса: тропико-субтропическом (площадь 555 м²) и суккулентном (150 м²) (рис. 9, 10), теплицы оснащены специализированным оборудованием для содержания растений в заполярных условиях. Особое внимание уделено оптимизации системы дополнительного досвечивания растений с целью продления светового дня и увеличения уровня освещенности, что помогает растениям проходить все стадии жизненного цикла.

Рис. 9. Тропико-субтропическое отделение оранжерейного комплекса ПАБСИ. 2021 г.

Рис. 10. Суккулентное отделение оранжерейного комплекса ПАБСИ

Сегодня ДЦиО — это комплексная научно-исследовательская лаборатория ПАБСИ численностью 14 чел., тесно сотрудничающая с несколькими институтами ФИЦ КНЦ РАН (ИППЭС, ИХТРЭМС, ГоИ и др.). В ее структуре представлены 2 группы: интродукции и акклиматизации тропических и субтропических растений, ландшафтного проектирования и озеленения (рис. 11, 12).

Рис. 11. Сотрудники группы интродукции тропических и субтропических растений (Н. И. Шанина, Г. О. Сидак, Г. В. Сергеева, Л. А. Иванова)

Рис. 12. Сотрудники группы ландшафтного проектирования и озеленения (А. Г. Стреленко, В. Н. Шумилова, М. С. Уманец, Е. А. Святковская, Н. В. Салтан)

К всеобщему удивлению, несмотря на круговерть вхождения в рыночную экономику, северяне покупают цветов гораздо больше, чем прежде. Их увлечение любительским цветоводством приобретает массовый характер. Последнее, на наш взгляд, объясняется широким развитием в регионе садовых товариществ. Эстетический уровень жителей Заполярья, в частности познания в декоративном садоводстве, не те, что были прежде. На своих крошечных участках люди творят чудеса, «приручая» редкие для здешних мест виды растений. Прекрасно ориентируясь в том, что им нужно, они справедливо желают, чтобы их город, жилище и садовый участок, как бы далеко не находились от центра, были благоустроены наилучшим образом. Понимая, что современное озеленение должно быть экономичным, доступным для исполнения, отличаться функциональной целесообразностью и способствовать сохранению декоративности, коллектив лаборатории стремится отвечать на любые запросы наших соотечественников, продолжает вносить значительный вклад в обеспечение городов и поселков Мурманской области новыми высокодекоративными цветочными растениями.

В центре нашего внимания научно-исследовательские работы по приоритетным направлениям развития науки Российской Федерации. Это разработка научных основ:

- интродукции и акклиматизации тропических и субтропических растений из разных географических зон мира;
- развития северного цветоводства и зеленого строительства для оптимизации среды обитания человека на Крайнем Севере;

- создания высокоэффективного индустриального экологически безопасного северного гидропонного растениеводства с использованием местных почвозаменителей;
- сохранения, развития и комплексного использования хозяйственного, образовательно-реабилитационного и лечебного потенциалов коллекционных фондов и экспозиций ПАБСИ.

Начиная с 2004 г. еще одним из важных направлений научной деятельности лаборатории ДЦиО стала оптимизация техногенных ландшафтов, разработка и научно-методическое обоснование использования инновационных способов ремедиации водных и почвенных объектов для сохранения и восстановления биологического разнообразия в промышленно развитых районах Арктической зоны РФ. Это комплексные исследования, которые осуществляются в рамках тем НИР и хозяйственно-договорной деятельности по большей части совместно с сотрудниками нескольких подразделений ФИЦ КНЦ РАН [19]. Исследуется экологическое состояние древесной растительности [20, 21] и городских почв [22, 23] на урбанизированных территориях, подверженных разной техногенной нагрузке, изучаются физиологические особенности древесной растительности на примере оценки фотосинтетической активности как одного из элементов их адаптации к условиям Крайнего Севера [24, 25], проводится подбор устойчивых видов древесных растений для озеленения заполярных городов [26, 27], создаются и осуществляются в натуре многочисленные дизайн-проекты ландшафтного оформления северных городских территорий (рис. 13, 14).

Рис. 13. Озеленение городского парка в г. Кола

Рис. 14. Создание цветочной клумбы на территории Сада

Сотрудниками лаборатории разработана и проходит апробацию двухлетняя программа по гарденотерапии, предназначенная замещающим семьям, которые воспитывают детей дошкольного возраста, оставшихся без попечения родителей. Она включает 14 занятий (по 7 занятий в год), каждое из которых направлено на гармонизацию внутрисемейных отношений, совместной работы детей и приемных родителей, развитие моторики, познание природы, знакомство с разными группами растений (рис. 15).

Рис. 15. Научный сотрудник Е. А. Святковская проводит занятие по гарденотерапии

В общей сложности за почти полувековой период сотрудниками ДЦиО были созданы и рекомендованы населению для широкого использования зональные ассортименты из обладающих высокой адаптационной способностью, и ежегодно цветущих в специфических условиях Заполярья растений открытого (115 — многолетние, 88 — однолетние растения, 136 — древесные) [6, 14, 15, 20] и защищенного грунта (400 видов горшечных и 20 оранжерейно-срезочных растений) [18, 28]. Они способны обеспечить высокий уровень работ по созданию зимних садов, озеленению интерьеров жилых, общественных, производственных помещений, территорий городов, поселков и приусадебных участков на Кольском Севере, но, как и прежде, нуждаются в постоянном совершенствовании, главным образом, в пополнении новыми высокодекоративными и перспективными культурами и сортами [29]. Этот процесс бесконечен, он будет длиться до тех пор, пока жив интерес северян к зеленому растению.

Разработанные сотрудниками ДЦиО научно обоснованные агротехнологии выращивания декоративно-цветочных растений позволили облегчить их культивирование в условиях Арктики [28, 30], обеспечили круглогодичное получение в условиях Заполярья разнообразной высококачественной цветочной срезки, в том числе в дефицитный период (ноябрь–февраль) с наименьшими затратами на их производство [31–35].

В результате многолетних исследований было дано эколого-биологическое обоснование, апробирована и внедрена безотходная технология полного цикла использования ковдорского вермикулита для создания инновационных эффективных минеральных субстратов-почвозаменителей нового поколения (Патент № 55110) [36] (рис. 16), способных в зоне рискованного земледелия служить основой для организации экологически безопасного, высокопродуктивного и конкурентоспособного гидропонного производства растениеводческой продукции. Определены и экономически обоснованы с учетом регионального аспекта принципы его создания. Доказано, что вермикулитопоника — один из способов сохранения естественных природных комплексов путем возвращения в природную среду ранее изъятых ее фрагментов (минерала вермикулита) в нетоксичном состоянии [32].

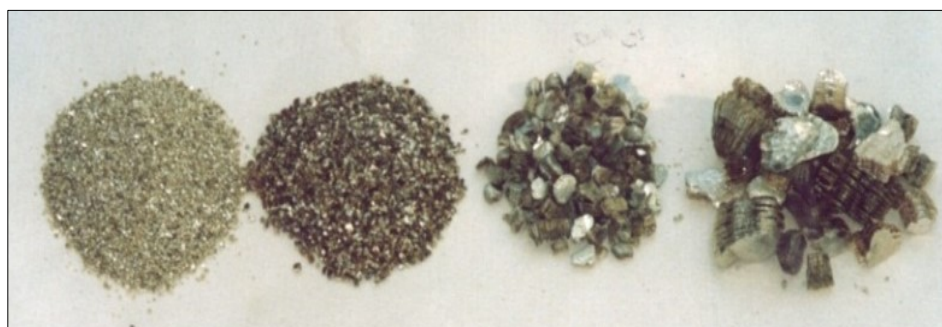

Рис. 16. Модификации вермикулитовых субстратов нового поколения марки Випон (слева направо: Випон-1, 2, 3, 4).

На основе использования разных видов влагоемких субстратов был разработан инновационный подход к ускоренному формированию высококачественных, устойчивых к антропогенному воздействию растительных сообществ (рис. 17–20) рядом запатентованных экспресс-способов (Патенты № № 2393665, 2484613, 2477947, 2477946, 2716986, №.:РСТ/RU2010/000001) [37–42] для оптимизации и оздоровления окружающей среды (ландшафтов) в условиях Крайнего Севера.

Рис. 17. Ковровая травяная дернина, выращенная по инновационной экспресс-технологии на вермикулитовом субстрате нового поколения

Рис. 18. Ковровая дернина, подготовленная к транспортировке на место озеленения

Рис. 19. Декоративный газон, созданный на АЗС (г. Мурманск) с помощью ковровой дернины

Рис. 20. Противоэрозионный растительный покров, сформированный на хвостохранилище АНОФ-2 с помощью ковровой дернины

На практике была подтверждена перспективность применения для ремедиации техногенных пустошей инновационного технологического решения, предусматривающего совместное использование гидропонных экспресс-биотехнологий и разных видов мелиорантов из местных горнопромышленных отходов (Патент № 2484613) [42, 43] (рис. 21, 22). Доказано, что подстилающий слой из отходов снижает концентрацию тяжелых металлов и повышает содержание питательных элементов Ca, Mg, P в техногенном грунте, способствует ускорению роста растений и восстановительной сукцессии на техногенных пустошах (разработки вошли в «Важнейшие результаты исследований РАН» в 2013 г. (т. 2, с. 382), в 2014 г. (пункт 18, с. 89) и отмечены Почетным дипломами за научные достижения.

Рис. 21. Растительный покров, созданный на техногенной пустоши с применением инновационных технологий

Рис. 22. Цветочная клумба, сформированная на техногенной пустоши с применением инновационных технологий

В 2012–2021 гг. совместно с ИППЭС была разработана и внедрена перспективная и малозатратная инновационная технология создания фитоочистной системы для доочистки сточных карьерных вод от соединений азота (нитрит-ионов, нитрат-ионов, ионов аммония) на действующих горнопромышленных предприятиях в Арктической зоне РФ, которая базируется на естественных механизмах преобразования техногенных прудов-отстойников

в полноценно функционирующую природоподобную болотную экосистему. В ее основе комплексное использование четырех инновационных фитомодулей, способствующих созданию оптимальных условий для интенсивного роста и развития более 20 видов аборигенных растений, обеспечивающих формирование разных типов стабильных во времени и аналогичных природному ландшафту фитоценозов (рис. 23), (Патенты № № 2560631, 1897959) [44–46].

Рис. 23. Фитоценоз на плавающих биоплатах, созданных на Кировогорском пруде-отстойнике (г. Оленегорск, Мурманская область, РФ) с помощью ковровой дернины

Сотрудники лаборатории ДЦиО усиленно готовились к своему 45-летнему юбилею, главные итоги научной деятельности коллектива были подведены в публикациях: «Каталог тропических и субтропических растений Полярно-альпийского ботанического сада» [18], «Пора озеленять Арктику. Инновационные газонные технологии для создания травяного покрова различного назначения в условиях Заполярья: методические рекомендации» [47]. А также работы, находящиеся в печати: «Северное цветоводство», «Путешествие по тропикам и субтропикам в Арктике», «Пора очищать Арктику. Создание фитоочистной системы для доочистки сточных вод горнорудных предприятий от соединений азота» [48] и др.

Не забывая прошлое, сохраняя настоящее, коллектив лаборатории декоративного цветоводства и озеленения ПАБСИ с уверенностью и оптимизмом смотрит в будущее.

В завершение хотелось бы поздравить с 45-летием всех сотрудников лаборатории декоративного садоводства и озеленения ПАБСИ КНЦ РАН, которые работали прежде и продолжают трудиться в настоящее время, выразить признание и благодарность за ваш слаженный и усердный труд, хорошую совместную работу, поддержку, отзывчивость и человечность, создающую особую дружественную обстановку и оптимистичный настрой в коллективе. Вы всегда являлись поддержкой и опорой подразделения, всем вам дальнейших успехов, каждодневной удачи и позитива, больших побед и великих планов! Впереди у нас сложная, но интересная, перспективная и нужная северянам работа. Главная ее цель — изменить жизнь наших соотечественников к лучшему.

Список литературы

1. Аврорин Н. А. Чем озеленять города и поселки Мурманской области и северные районы Карело-Финской ССР. Кировск, 1941. 126 с.
2. Аврорин Н. А., Горюнова Л. И., Качурина Л. И., Тамберг Т. Г. Основной ассортимент озеленительных растений для Мурманской области. Кировск, 1956. 43 с.
3. Озеленение городов и поселков Мурманской области. Практическое руководство. Мурманск: Кн. изд-во, 1982. С. 60–82.
4. Тростенюк Н. Н., Святковская Е. А. Декоративные многолетники для озеленения городов Крайнего Севера // Ботанические сады России: история, место и роль в развитии общества: тезисы докл. и сообщ. науч.-практ. конф., посвящ. 270-летию Соликам. ботан. сада Г. Демидова, 25–26 авг. 2001 г. Соликамск: Соликам. гос. пед. ин-т, 2001. С. 165–166.
5. Гонтарь О. Б., Жиров В. К., Казаков Л. А., Святковская Е. А., Тростенюк Н. Н. Зеленое строительство в городах Мурманской области. Апатиты: Изд. КНЦ РАН, 2010. 224 с.
6. Тростенюк Н. Н., Святковская Е. А., Гонтарь О. Б., Носатенко О. Ю. Интродукция декоративных многолетних травянистых растений на Кольский Север // Цветоводство: история, теория, практика: мат-лы VII Междунар. науч. конф. (Минск, Беларусь, 24–26 мая 2016г.). Минск: Конфидо, 2016. С. 214–217.
7. Тамберг Т. Г. Практическое руководство по озеленению городов и поселков Мурманской области. Мурманск, 1950. С. 36–62.
8. Тамберг Т. Г. Однолетние и двулетние декоративные растения в условиях Кольского полуострова // Декоративные растения для Крайнего Севера СССР. Москва; Ленинград, 1958. С. 104–181.
9. Аврорин Н. А. Многолетники для озеленения Крайнего Севера // Декоративные растения для Крайнего Севера СССР. Москва; Ленинград, 1958. С. 42–103.
10. Андреев Г. Н. Интродукция травянистых растений в Субарктику. Ленинград: Наука, 1975. 167 с.
11. Андреев Г. Н., Головкин Б. Н. Новые декоративные многолетники для Мурманской области // Декоративные растения и озеленение Крайнего Севера СССР. Москва; Ленинград, 1962. С. 79–85.
12. Головкин Б. Н. О некоторых трудностях создания ассортимента озеленительных растений для Крайнего Севера // Интродукция растений на Полярный Север. Ленинград: Наука, 1967. С. 115–121.
13. Головкин Б. Н. Переселение травянистых многолетников на Полярный Север. Ленинград: Наука, 1973. 266 с.
14. Святковская Е. А., Гонтарь О. Б., Тростенюк Н. Н. Там, на севере, в тумане... // Цветоводство. 2012. № 2. С. 22–24.
15. Тростенюк Н. Н., Святковская Е. А., Гонтарь О. Б., Носатенко О. Ю. Интродукция и введение в культуру новых перспективных видов травянистых растений на Кольском Севере // Интродукция, сохранение и использование биологического разнообразия мировой флоры: мат-лы Междунар. конф., посвященной 80-летию Центрального ботанического сада Национальной академии наук Беларуси (Минск, Беларусь 19–22 июня 2012 г.). Минск: ГНУ «Центральный ботанический сад Национальной академии наук Беларуси». С. 310–313.
16. Козупеева Т. А. Комнатные растения для Крайнего Севера // Декоративные растения и озеленение Крайнего Севера СССР. Москва; Ленинград, 1962. С. 60–74.
17. Козупеева Т. А., Лештаева А. А. Тропические и субтропические растения на Полярном Севере. Л.: Наука, 1979. 148 с.

18. Иванова Л. А., Виравчева Л. Л. Каталог тропических и субтропических растений Полярно-альпийского ботанического сада. Апатиты: ФИЦ КНЦ РАН, 2020. 95 с.
19. Кременецкая И. П., Иванова Л. А., Горбачева Т. Т., Алексеева С. А., Дрогобужская С. В., Лащук В. В., Терещенко С. В. Опыт сотрудничества институтов КНЦ РАН при разработке способов снижения техногенной нагрузки на природно-антропогенные ландшафты Мурманской области // Труды XIV Ферсмановской научной сессии ГИ КНЦ РАН (Апатиты, 3–4 апр. 2017 г.). Апатиты: Изд-во КНЦ РАН, 2017. С. 402–404.
20. Шлапак Е. П., Салтан Н. В., Святковская Е. А., Гонтарь О. Б., Жиров В. К. Устойчивость декоративно-цветущих кустарников в условиях урбанизированной среды Кольского Заполярья // Цветоводство: история, теория, практика: мат-лы VII Междунар. науч. конф. (Минск, 24–26 мая 2016 г.). Минск: Конфидо, 2016. С. 349–352.
21. Салтан Н. В., Шлапак Е. П., Святковская Е. А. Воздействие урбаноcреды на морфометрические параметры *Syringa josicaea* Jacq. fil. в условиях Кольского Севера // XII Междунар. науч.-технич. конф. «Актуальные проблемы развития лесного комплекса». Вологда: Изд-во Вологодского гос. ун-та, 2019. С. 104–108.
22. Салтан Н. В. Шлапак Е. П., Гонтарь О. Б., Святковская Е. А. Экологическая оценка состояния городских почв в зоне влияния горно-металлургических комбинатов (на примере г. Мончегорск и пгт. Никель Мурманской области) // Ботанические исследования Сибири и Казахстана. 2016. № 22. С. 100–103.
23. Sالتan N. V., Svatkovskaya E. A. Assessment of soil pollution with heavy metals in urban areas of the Kola Arctic // Springer Geography. Green Technologies and Infrastructure to Enhance Urban Ecosystem Services. Proceedings of the Smart and Sustainable Cities Conference, 2020. Pp. 12–17. DOI: 10.1007/978-3-030-16091-3_3.
24. Салтан Н. В., Шлапак Е. П., Жиров В. К., Святковская Е. А., Гонтарь О. Б., Тростенюк Н. Н. Изучение пластичности фотосинтетического аппарата листьев дендроинтродуцентов в условиях урбаноcреды Кольской Арктики // Известия Самарского научного центра РАН. 2017. Т. 19, № 2–3. С. 545–549.
25. Салтан Н. В., Святковская Е. А., Тростенюк Н. Н. Эколого-биологические особенности *Tilia cordata* Vill. в урбанизированной среде Кольского Севера (на примере г. Мурманск) // Известия Самарского научного центра РАН. 2019. Т. 21, № 2 (2). С. 180–184. DOI: 10.24411/1990-5378-2019-00032.
26. Салтан Н. В., Гонтарь О. Б., Святковская Е. А., Шлапак Е. П. Оценка накопления тяжелых металлов древесными интродуцентами в различных условиях урбаноcреды Кольского Севера // Российский журнал прикладной экологии. 2015. № 3. С. 36–41.
27. Салтан Н. В., Святковская Е. А., Шлапак Е. П., Тростенюк Н. Н., Гонтарь О. Б. Изменение фотосинтетической активности древесных растений в условиях угольного терминала // Прикладная и теоретическая экология. 2019. № 2. С. 68–74.
28. Иванова Л. А., Святковская Е. А., Тростенюк Н. Н. Северное цветоводство. Апатиты: Изд-во КНЦ РАН, 2003. 193 с.
29. Иванова Л. А., Кочмарева З. С. Особенности устройства зимних садов в условиях Крайнего Севера // Биологически активные соединения природного происхождения: фитотерапия, фармацевтический маркетинг, фармацевтическая технология, фармакология, ботаника: мат-лы междунар. науч.-практич. конф. (Белгород, 30 июня – 3 июля 2008 г.). Белгород: ПолитерраЮ, 2008. С. 147–151.
30. Иванова Л. А., Котельников В. А. Перспективы гидропонного выращивания растений в условиях Мурманской области. Апатиты: ПАБСИ, 2006. 106 с.

- 31.Иванова Л. А. Развитие цветоводства на Крайнем Севере // Междунар. науч. конф. «Актуальные проблемы сохранения биоразнообразия в экстремальных условиях северного климата». Апатиты: Изд-во КНЦ РАН, 2008. С. 31–34.
- 32.Иванова Л. А. Эколого-биологическое обоснование использования ковдорского вермикулита в гидропонном растениеводстве в условиях Крайнего Севера: автореф. дисс. докт. биол. наук. Апатиты, 2012. 40 с.
- 33.Иванова Л. А., Иноземцева Е. С. Выращиваем лилии в Заполярье // Цветоводство. 2011. № 1. С. 18–19.
- 34.Иванова Л. А., Катомина А. П. Кринум в Заполярье // Цветоводство. 2009. № 6. С. 2–3.
- 35.Иванова Л. А., Катомина А. П. Гиппеаструм в Заполярье // Цветоводство. 2009. № 1. С. 21–23.
- 36.Иванова Л. А., Котельников В. А. Полезная модель «Трубчатая наклонная печь для обжига вспучивающихся материалов»: пат. № 55110, заявка № 2006105085/22. Дата публикации: 27.07.2006.
- 37.Иванова Л. А. Способ создания экологически чистого покрытия и питательная среда для его выращивания: пат. № 2393665, заявка № 2007126884, зарегистрировано в Госреестре изобретений РФ 10 июля 2010 г.
- 38.Иванова Л. А., Кременецкая М. В., Иноземцева Е. С. Способ создания газонной дернины на органоминеральной основе: пат. № 2477947, заявка № 2011127457/13 от 04.07.2011. Зарегистрировано в Госреестре изобретений РФ 20 марта 2013 г.
- 39.Иванова Л. А., Иноземцева Е. С., Кременецкая М. В. Способ ускоренного формирования и ремонта газонов на основе использования многокомпонентной озеленительной (минерально-растительной) смеси: пат. № 2477946, заявка № 2011127455/13 от 04.07.2011. Зарегистрировано в Госреестре изобретений РФ 27 марта 2013 г.
- 40.Румянцева А. В., Орлова А. В., Кутузов М. Н., Иванова Л. А. Способ создания ковровой растительной дернины для озеленения и реабилитации техногенно нарушенных земель: пат. № 2716986, заявка № 2017129115. Зарегистрировано в Госреестре изобретений РФ 17 марта 2020 г.
- 41.Ivanova L. A. Method for biologically recultivating industrial wastelands. Pub. No.: WO/2011/084079. International Application No.:PCT/RU2010/000001. Publication Date: 14.07.2011. International Filing Date: 11.01.2010. IPC: A01B 79/02 (2006.01), A01G 1/00 (2006.01), A01G 31/00 (2006.01).
- 42.Иванова Л. А., Кременецкая М. В., Иноземцева Е. С., Горбачева Т. Т., Кoryтная О. П. Способ создания почвенно-растительного покрова при рекультивации нарушенных земель: пат. № 2484613, заявка № 2011127453/13 от 04.07.2011. Зарегистрировано в Госреестре изобретений РФ 20 июня 2013 г.
- 43.Иванова Л. А., Кременецкая И. П., Горбачева Т. Т., Слуковская М. В., Марковская Е. Ф., Дрогобужская С. В. Реабилитация антропогенно нарушенных территорий в условиях Арктики с применением гидропонной экспресс-технологии // Труды XIV Ферсмановской научной сессии ГИ КНЦ РАН (Апатиты, 3–4 апреля 2017 г.). Апатиты: Изд-во КНЦ РАН, 2017. С. 421–423.
- 44.Евдокимова Г. А., Иванова Л. А., Мязин В. А. Патент РФ на изобретение «Устройство для биологической очистки сточных карьерных вод», № 2560631. Приоритет от 30.05.2014. Б.И. №23, 2015б. Дата регистрации: 22.07. 2015.
- 45.Иванова Л. А., Мязин В. А., Корнейкова Е. В., Фокина Н. В., Редькина В. В., Евдокимова Г. А. Патент РФ на полезную модель «Модуль фитосистемы для биологической очистки промышленных сточных вод от минеральных загрязнителей», № 1897959, зарегистрированный в Государственном реестре 03 июня 2019 г., заявка № 2018133048.

46. Иванова Л. А., Мязин В. А., Корнейкова М. В., Фокина Н. В., Редькина В. В., Евдокимова Г. А. Разработка и оптимизация способа биологической очистки сточных карьерных вод от минеральных соединений азота в условиях Арктики // Теоретическая и прикладная экология, 2019. № 1. С. 82–87. DOI: 10.25750/1995-4301-2019-1-082-087.
47. Иванова Л. А., Слуковская М. В., Кременецкая И. П., Горбачева Т. Т. Пора озеленять Арктику. Инновационные газонные технологии для создания травяного покрова различного назначения в условиях Заполярья. Апатиты: Изд-во КНЦ РАН, 2020. 37 с.
48. Иванова Л. А., Мязин В. А., Корнейкова М. В., Фокина Н. В., Евдокимова Г. А., Редькина В. В. Пора очищать Арктику. Создание фитоочистной системы для доочистки сточных вод горнорудных предприятий от соединений азота. Апатиты: Изд-во КНЦ РАН, 2021. 88 с.

References

1. Avrorin N. A. *Chem ozelenyat' goroda i poselki Murmanskoy oblasti i severnye rajony Karelo-Finskoy SSR* [How to plant greenery in the cities and villages of the Murmansk region and the northern regions of the Karelo-Finnish SSR]. Kirovsk, 1941, 126 p. (In Russ.).
2. Avrorin N. A., Goryunova L. I., Kachurina L. I., Tamberg T. G. *Osnovnoj assortiment ozelenitel'nyh rastenij dlya Murmanskoy oblasti* [The main assortment of landscaping plants for the Murmansk region]. Kirovsk, 1956, 43 p. (In Russ.).
3. *Ozelenenie gorodov i poselkov Murmanskoy oblasti* [Greening of cities and towns of the Murmansk region]. Murmansk, 1982, pp. 60–82. (In Russ.).
4. Trostenyuk N. N., Svyatkovskaya E. A. Dekorativnye mnogoletniki dlya ozeleneniya gorodov Krajnego Severa [Decorative perennials for landscaping cities of the Far North]. *Botanicheskie sady Rossii: istoriya, mesto i rol' v razvitií obshchestva* [Botanical gardens of Russia: history, place and role in the development of society]. Solikamsk, 2001, pp. 165–166. (In Russ.).
5. Gontar' O. B., Zhиров V. K., Kazakov L. A., Svyatkovskaya E. A., Trostenyuk N. N. *Zelenoe stroitel'stvo v gorodah Murmanskoy oblasti* [Green building in the cities of the Murmansk region]. Apatity, 2010, 224 p. (In Russ.).
6. Trostenyuk N. N., Svyatkovskaya E. A., Gontar' O. B., Nosatenko O. Yu. *Introdukciya dekorativnyh mnogoletnih travyanistyh rastenij na Kol'skij Sever* [Introduction of decorative perennial herbaceous plants to the Kola North]. Minsk, 2016, pp. 214–217. (In Russ.).
7. Tamberg T. G. *Prakticheskoe rukovodstvo po ozeleneniyu gorodov i poselkov Murmanskoy oblasti* [A practical guide to greening cities and towns of the Murmansk region]. Murmansk, 1950, pp. 36–62. (In Russ.).
8. Tamberg T. G. *Oднолетние и двулетние декоративные растения в условиях Колского полуострова* [Annual and biennial ornamental plants in the Kola Peninsula]. *Dekorativnye rasteniya dlya Krajnego Severa SSSR* [Ornamental plants for the Far North of the USSR]. Moscow, Leningrad, 1958, pp. 104–181. (In Russ.).
9. Avrorin N. A. *Многолетники для озеленения Крайнего Севера* [Perennials for landscaping of the Far North]. *Dekorativnye rasteniya dlya Krajnego Severa SSSR* [Ornamental plants for the Far North of the USSR]. Moscow, Leningrad, 1958, pp. 42–103. (In Russ.).
10. Andreev G. N. *Introdukciya travyanistyh rastenij v Subarktiku* [Introduction of herbaceous plants to the Subarctic]. Leningrad, 1975, 167 p.

11. Andreev G. N., Golovkin B. N. Novye dekorativnye mnogoletniki dlya Murmanskoy oblasti [New decorative perennials for the Murmansk region]. *Dekorativnye rasteniya dlya Krajnego Severa SSSR* [Ornamental plants for the Far North of the USSR]. Moscow, Leningrad, 1962, pp. 79–85. (In Russ.).
12. Golovkin B. N. O nekotorykh trudnostyakh sozdaniya assortimenta ozelenitel'nykh rasteniy dlya Krajnego Severa [On some of the difficulties of creating an assortment of landscaping plants for the Far North]. *Introdukciya rasteniy na Polyarnyj Sever* [Plant introduction to the Polar North]. Leningrad, 1967, pp. 115–121. (In Russ.).
13. Golovkin B. N. *Pereselenie travyanistykh mnogoletnikov na Polyarnyj Sever* [Resettlement of herbaceous perennials to the Polar North]. Leningrad, 1973, 266 p. (In Russ.).
14. Svyatkovskaya E. A., Gontar' O. B., Trostenyuk N. N. Tam, na severe, v tumane... [There, in the North, in the fog ...]. *Cvetovodstvo* [Floriculture], 2012, no. 2, pp. 22–24. (In Russ.).
15. Trostenyuk N. N., Svyatkovskaya E. A., Gontar' O. B., Nosatenko O. Yu. Introdukciya i vvedenie v kul'turu novykh perspektivnykh vidov travyanistykh rasteniy Na Kol'skom Severe [Introduction and introduction into the culture of new promising species of herbaceous plants in the Kola North]. *Introdukciya, sohranenie i ispol'zovanie biologicheskogo raznoobraziya mirovoj Flory* [Introduction, conservation and use of biological diversity of the world's flora]. Minsk, 2012, pp. 310–313. (In Russ.).
16. Kozupeeva T. A. Komnatnye rasteniya dlya Krajnego Severa [Houseplants for the Far North]. *Dekorativnye rasteniya dlya Krajnego Severa SSSR* [Ornamental plants for the Far North of the USSR]. Moscow, Leningrad, 1962, pp. 60–74. (In Russ.).
17. Kozupeeva T. A., Leshtaeva A. A. *Tropicheskie i subtropicheskie rasteniya na Polyarnom Severe* [Tropical and subtropical plants in the Polar North]. Leningrad, 1979, 148 p.
18. Ivanova L. A., Viracheva L. L. *Katalog tropicheskikh i subtropicheskikh rastenij Polyarno-al'pijskogo botanicheskogo sada* [Catalog of tropical and subtropical plants of the Polar-Alpine Botanical Garden]. Apatity, 2020, 95 p. (In Russ.).
19. Kremeneckaya I. P., Ivanova L. A., Gorbacheva T. T., Alekseeva S. A., Drogobuzhskaya S. V., Lashchuk V. V., Tereshchenko S. V. Opyt sotrudnichestva institutov KNC RAN pri razrabotke sposobov snizheniya tekhnogennoj nagruzki na prirodno-antropogennye landshafty Murmanskoy oblasti [The experience of cooperation between the institutes of the KSC RAS in the development of ways to reduce the technogenic load on the natural and anthropogenic landscapes of the Murmansk region]. *Trudy XIV Fersmanovskoj nauchnoj sessii GI KNC RAN (3–4 aprelya 2017 g.)* [Proceedings of the XIV Fersmanov Scientific Session of the State Institute of the KSC RAS (Apatity, April 3–4, 2017)]. Apatity, 2017, pp. 402–404. (In Russ.).
20. Shlapak E. P., Saltan N. V., Svyatkovskaya E. A., Gontar' O. B., Zhirov V. K. Ustojchivost' dekorativno-cvetushchih kustarnikov v usloviyah urbanizirovannoy sredy Kol'skogo Zapolyar'ya [Sustainability of ornamental flowering shrubs in the urbanized environment of the Kola Arctic]. *Materialy mezhdunar. nauch. konf. "Cvetovodstvo: istoriya, teoriya, praktika"* [Proceedings of the International Scientific Conference "Floriculture: history, theory, practice"]. Minsk, 2016, pp. 349–352. (In Russ.).
21. Saltan N. V., Shlapak E. P., Svyatkovskaya E. A. Vozdejstvie urbanosredy na morfometricheskie parametry *Syringa josicaea* Jacq. Fil. V usloviyah Kol'skogo Severa [Influence of the urban environment on the morphometric parameters of *Syringa josicaea* Jacq. fil. in the Kola North]. *Aktual'nye problemy razvitiya lesnogo kompleksa* [Actual Problems of the Development of the Forestry Complex]. Vologda, 2019, pp. 104–108. (In Russ.).

22. Saltan N. V., Shlapak E. P., Gontar' O. B., Svyatkovskaya E. A. Ekologicheskaya ocenka sostoyaniya gorodskih pochv v zone vliyaniya gorno-metallurgicheskikh kombinatov (na primere g. Monchegorsk i pgt. Nikel' Murmanskoy oblasti) [Ecological assessment of the state of urban soils in the zone of influence of mining and metallurgical plants (for example, the city of Monchegorsk and the village of Nickel, Murmansk region)]. *Botanicheskie issledovaniya Sibiri i Kazahstana* [Botanical studies of Siberia and Kazakhstan], 2016, no. 22, pp. 100–103. (In Russ.).
23. Saltan N. V., Svyatkovskaya E. A. Assessment of soil pollution with heavy metals in urban areas of the Kola Arctic. *Springer Geography. Green Technologies and Infrastructure to Enhance Urban Ecosystem Services. Proceedings of the Smart and Sustainable Cities Conference*, 2020, pp. 12–17. DOI: 10.1007/978-3-030-16091-3_3.
24. Saltan N. V., Shlapak E. P., Zhiron V. K., Svyatkovskaya E. A., Gontar' O. B., Trostenyuk N. N. Izuchenie plastichnosti fotosinteticheskogo apparata list'ev dendrointroducentov v usloviyah urbanosredy Kol'skoj Arktiki [Study of the plasticity of the photosynthetic apparatus of dendrointroducers leaves in the urban environment of the Kola Arctic]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra RAN* [Bulletin of the Samara Scientific Center of RAS], 2017, vol. 19, no. 2–3, pp. 545–549. (In Russ.).
25. Saltan N. V., Svyatkovskaya E. A., Trostenyuk N. N. Ekologo-biologicheskie osobennosti *Tilia cordata* Vill. v urbanizirovannoy srede Kol'skogo Severa (na primere g. Murmansk) [Ecological and biological features of *Tilia cordata* Vill. in the urbanized environment of the Kola North (for example, the city of Murmansk)]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra RAN* [News of the Samara Scientific Center of RAS], 2019, vol. 21, no. 2(2), pp. 180–184. DOI: 10.24411/1990-5378-2019-00032. (In Russ.).
26. Saltan N. V., Gontar' O. B., Svyatkovskaya E. A., Shlapak E. P. Ocenka nakopleniya tyazhelykh metallov drevesnymi introducentami v razlichnykh usloviyah urbanosredy Kol'skogo Severa [Assessment of the accumulation of heavy metals by woody introduced species in various conditions of the urban environment of the Kola North]. *Rossiyskij zhurnal prikladnoj ekologii* [Russian Journal of Applied Ecology], 2015, no. 3, pp. 36–41. (In Russ.).
27. Saltan N. V., Svyatkovskaya E. A., Shlapak E. P., Trostenyuk N. N., Gontar' O. B. Izmenenie fotosinteticheskoy aktivnosti drevesnykh rastenij v usloviyah ugol'nogo terminala [Change in the photosynthetic activity of woody plants in the conditions of the coal terminal]. *Prikladnaya i teoreticheskaya ekologiya* [Applied and theoretical ecology], 2019, no. 2, pp. 68–74. (In Russ.).
28. Ivanova L. A., Svyatkovskaya E. A., Trostenyuk N. N. *Severnoe cvetovodstvo*. [Northern floriculture]. Apatity, 2003, 193 p. (In Russ.).
29. Ivanova L. A., Kochmareva Z. S. Osobennosti ustrojstva zimnih sadov v usloviyah Krajnego Severa [Features of the device of winter gardens in the Far North] *Biologicheski aktivnye soedineniya prirodnogo proiskhozhdeniya: fitoterapiya, farmacevticheskij marketing, farmacevticheskaya tekhnologiya, and farmakologiya, botanika* [Biologically active compounds of natural origin: herbal medicine, pharmaceutical marketing, pharmaceutical technology, pharmacology, botany]. Belgorod, 2008, pp. 147–151. (In Russ.).
30. Ivanova L. A., Kotel'nikov V. A. *Perspektivy gidroponnogo vyrashchivaniya rastenij v usloviyah Murmanskoy oblasti* [Perspectives for hydroponic plant cultivation in the Murmansk region]. Apatity, 2006, 106 p. (In Russ.).
31. Ivanova L. A. Razvitie cvetovodstva na Krajnem Severe [Floriculture development in the Far North]. *Aktual'nye problemy sohraneniya bioraznoobraziya v ekstremal'nykh usloviyah severnogo klimata* [Actual Problems of Biodiversity Conservation in the extreme conditions of the northern climate]. Apatity, 2008, pp. 31–34. (In Russ.).

32. Ivanova L. A. *Ekologo-biologicheskoe obosnovanie ispol'zovaniya kovdorskogo vermikulita v gidroponnom rastenievodstve v usloviyah Krajnego Severa. Avtoref. Diss. dokt. biol. nauk* [Ecological and biological substantiation of the use of Kovdor vermiculite in hydroponic plant growing in the Far North. Dr. Sci. (Biology)]. Apatity, 2012, 40 p. (In Russ.).
33. Ivanova L. A., Inozemceva E. S. Vyrashchivaem lilii v Zapolyar'e [We grow lilies in the Arctic]. *Cvetovodstvo [Floriculture]*, 2011, no. 1, pp. 18–19. (In Russ.).
34. Ivanova L. A., Katomina A. P. Krinum v Zapolyar'e [*Krinum in the Arctic*]. *Cvetovodstvo [Floriculture]*, 2009, no. 6, pp. 2–3. (In Russ.).
35. Ivanova L. A., Katomina A. P. Gippeastrum v Zapolyar'e [*Hippeastrum in the Arctic*]. *Cvetovodstvo [Floriculture]*, 2009, no. 1, pp. 21–23. (In Russ.).
36. Ivanova L. A., Kotel'nikov V. A. *Poleznaya model' "Trubchataya naklonnaya pech' dlya obzhiga vspuchivayushchih materialov"* [Useful model "Tubular inclined kiln for firing intumescent materials"]. Pat. No. 55110, zayavka No. 2006105085, 27.07.2006 (In Russ.).
37. Ivanova L. A. *Sposob sozdaniya ekologicheskoi chistogo pokrytiya i pitatel'naya sreda dlya ego vyrashchivaniya* [A method of creating an environmentally friendly coating and a nutrient medium for its cultivation]. Pat. No. 2393665, zayavka No. 2007126884, 10.07.2010. (In Russ.).
38. Ivanova L. A., Kremeneckaya M. V., Inozemceva E. S. *Sposob sozdaniya gazonnoj derniny Na organo-mineral'noj osnove* [Method for creating organo-mineral-based lawn turf]. Pat. No. 2477947, zayavka No. 2011127457/13 04.07.2011. (In Russ.).
39. Ivanova L. A., Inozemceva E. S., Kremeneckaya M. V. *Sposob uskorennogo formirovaniya i remonta gazonov na osnove ispol'zovaniya mnogokomponentnoj ozelenitel'noj (mineral'no-rastitel'noj) smesi* [The method of accelerated formation and repair of lawns based on the use of a multicomponent greening (mineral-plant) mixture]. Pat. No. 2477946, zayavka No. 2011127455/13 04.07.2011. (In Russ.).
40. Rumyantseva A. V., Orlova A. V., Kutuzov M. N., Ivanova L. A. *Sposob sozdaniya kovrovoj rastitel'noj derniny dlya ozeleneniya i rehabilitacii tekhnogenno narushennykh zemel'* [Method of creating carpet plant turf for landscaping and rehabilitation of technologically disturbed lands]. Pat. No. 2716986, zayavka No. 2017129115. 17.03.2020. (In Russ.).
41. Ivanova L. A. *Method for biologically recultivating industrial wastelands*. Pub. No.: WO/2011/084079. International Application No.: PCT/RU2010/000001. Publication Date: 14.07.2011. International Filing Date: 11.01.2010. IPC: A01B 79/02 (2006.01), A01G 1/00 (2006.01), A01G 31/00 (2006.01).
42. Ivanova L. A., Kremeneckaya M. V., Inozemceva E. S., Gorbacheva T. T., Korytnaya O. P. *Sposob sozdaniya pochvenno-rastitel'nogo pokrova pri rekul'tivacii narushennykh zemel'* [Method for creating soil and vegetation cover during reclamation of disturbed lands]. Pat. No. 2484613, zayavka No. 2011127453/13 04.07.2011. (In Russ.).
43. Ivanova L. A., Kremeneckaya I. P., Gorbacheva T. T., Slukovskaya M. V., Markovskaya E. F., Drogobuzhskaya S. V. *Reabilitaciya antropogenno narushennykh territorij v usloviyah Arktiki s primeneniem gidroponnoj ekspress-tehnologii* [Rehabilitation of anthropogenically disturbed territories in the Arctic using hydroponic express technology]. *Trudy XIV Fersmanovskoj nauchnoj sessii GI KNC RAN* [Proceedings of the XIV Fersmanov Scientific Session of the State Institute of the KSC RAS]. Apatity, 2017, pp. 421–423. (In Russ.).
44. Evdokimova, G. A., Ivanova L. A., Myazin V. A. *Patent RF na izobretenie "Ustrojstvo dlya biologicheskoi ochistki stochnykh kar'ernykh vod"* ["Device for biological treatment of quarry waste water"]. No. 2560631. 30.05.2014. (In Russ.).

45. Ivanova L. A., Myazin V. A., Kornejkova E. V., Fokina N. V., Red'kina V. V., Evdokimova G. A. *Patent RF na poleznuyu model' "Modul' fitosistemy dlya biologicheskoy ochistki promyshlennykh stochnykh vod ot mineral'nykh zagryaznitelej"* ["Phytosystem module for biological treatment of industrial wastewater from mineral pollutants"]. No. 1897959, zayavka No. 2018133048. (In Russ.).
46. Ivanova L. A., Myazin V. A., Kornejkova M. V., Fokina N. V., Red'kina V. V., Evdokimova G. A. Razrabotka i optimizaciya sposoba biologicheskoy ochistki stochnykh kar'ernykh vod ot mineral'nykh soedinenij azota v usloviyah Arktiki [Development and optimization of a method for biological treatment of quarry waste water from mineral nitrogen compounds in the Arctic]. *Teoreticheskaya i prikladnaya ekologiya* [Theoretical and Applied Ecology], 2019, no. 1, pp. 82–87. DOI: 10.25750/1995-4301-2019-1-082-087. ISSN 1995-4301 (pechatnoj versii) ISSN 2618-8406. (In Russ.).
47. Ivanova L. A., Slukovskaya M. V., Kremeneckaya I. P., Gorbacheva T. T. *Pora ozelenyat' Arktiku. Innovacionnye gazonnye tekhnologii dlya sozdaniya travyanogo pokrova razlichnogo naznacheniya v usloviyah Zapolyar'ya* [Innovative lawn technologies for creating a grass cover for various purposes in the Arctic]. Apatity, 2020, 37 p. (In Russ.).
48. Ivanova L. A., Myazin V. A., Kornejkova M. V., Fokina N. V., Evdokimova G. A., Red'kina V. V. *Pora ochishchat' Arktiku. Sozdanie fitoochistnoy sistemy dlya doochistki stochnykh vod gornorudnykh predpriyatij ot soedinenij azota* [It's time to clean up the Arctic. Creation of a phyto-purification system for additional purification of waste water from mining enterprises from nitrogen compounds]. Apatity, 2021, 88 p. (In Russ.).

Сведения об авторе

Л. А. Иванова — доктор биологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Полярно-альпийского ботанического сада-института имени Н. А. Аврорина КНЦ РАН.

Information about the author

L. A. Ivanova — Doctor of Science (Biology), Leading Research Fellow of N. A. Avrorin Polar-Alpine Botanical Garden-Institute of the Kola Science Center of RAS.

Статья поступила в редакцию 25.07.2021; одобрена после рецензирования 30.07.2021; принята к публикации 08.10.2021.

The article was submitted 25.07.2021; approved after reviewing 30.07.2021; accepted for publication 08.10.2021.

Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 21. 2021. Т. 12, № 4. С. 73–80.

Transactions of the Kola Science Centre. Humanitarian studies. Series 21. 2021. Vol. 00, no. 0. P. 73–80.

Научная статья

УДК 94(47) «1863-68»: 378.245

DOI: 10.37614/2307-5252.2021.4.21.005

«НИКТО НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ... ПРОФЕССОРОМ, НЕ ИМЕЯ СТЕПЕНИ ДОКТОРА»: ДИСКУССИИ О ДОКТОРСКОЙ ДИССЕРТАЦИИ АНДРЕЯ УГЯНСКОГО

Кира Андреевна Ильина✉

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

glukist@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0003-3722-6209>

Аннотация:

Университетский устав 1863 г. возложил на российские университеты право и ответственность утверждать в ученых степенях, что привело к нерешительности профессоров в вынесении соответствующих решений. На основе делопроизводственных документов архивов Казанского и Московского университетов в статье реконструируется процесс обсуждения нескольких вариантов докторской диссертации казанского филолога-классика А. О. Угянского в 1863–1868 гг.

Ключевые слова:

Российская империя, 1860-е, университет, диссертация, рецензии

Финансирование

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Для цитирования: Ильина К. А. «Никто не может быть ... профессором, не имея степени доктора»: дискуссии о докторской диссертации Андрея Угянского // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 21. 2021. Т. 12, № 4. С. 73–80. <http://dx/doi.org/DOI: 10.37614/2307-5252.2021.4.21.005>.

Original article

“NOBODY CAN BE ... A PROFESSOR WITHOUT A DOCTORATE”: DISCUSSIONS ABOUT THE DOCTORAL DISSERTATION OF ANDREY UGYANSKY

Kira A. Ilina✉

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

glukist@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0003-3722-6209>

Abstract

The university charter of 1863 gave Russian universities the right and responsibility to approve academic degrees, which led to indecision of professors in making appropriate decisions. On the basis of archival materials of Kazan and Moscow universities, the article reconstructs the process of discussing several variants of a doctoral dissertation of the Kazan classical philologist Andrey Ugyansky in 1863–1868.

Keywords:

Russian empire, 1860s, university, dissertation, reviews

Funding

The article was prepared within the framework of the HSE University Basic Research Program.

For citation: Ilina K, A. “Nobody can be ... a professor without a doctorate”: discussions about the doctoral dissertation of Andrey Ugyansky // Transactions of the Kola Science Centre. Humanitarian studies. Series 21. 2021. Vol. 00, no. 0. P. 73–. <http://dx/doi.org/DOI: 10.37614/2307-5252.2021.4.21.005>.

18 июня 1863 г. был принят новый университетский устав. В нем воспроизводилась уже подзабытая в университетах Российской империи норма устава 1835 г. о том, что профессор (и ординарный, и экстраординарный) обязательно должен иметь степень доктора «по разряду наук, соответствующих его кафедре»¹. Однако, в отличие от предыдущего устава, отныне право присуждать ученые степени, а значит и ответственность за соответствие диссертаций искомым степеням, принадлежало советам университетов², а не министру народного просвещения. Спустя полгода (4 января 1864 г.) было принято новое «Положение о присуждении ученых степеней». Оно устанавливало, что диссертация «должна заключать в себе самостоятельное исследование какого-либо научного вопроса. <...> Рассматривается, по распоряжению декана, всеми членами факультета порознь, а письменный разбор оной делает профессор или занимающий кафедру доцент, к предмету которого принадлежит сочинение. На такое рассмотрение и разбор назначается не более шести месяцев»³. Отдельно оговаривалось, что «диссертацию <...> может заменить самостоятельное ученое сочинение»⁴.

Параграф устава о необходимости каждому профессору иметь докторскую степень вызвал панику в университетах. Стремясь исполнить «новое» требование устава 1863 г., не остепененные должным образом профессора приступили к написанию докторских диссертаций.

Андрей Онуфриевич Угянский (1816–1870) — воспитанник Казанского университета. В первой половине 1840-х гг. он учился на историко-филологическом отделении философского факультета и с успехом занимался древнеклассической филологией у профессора греческой словесности и древностей Фридриха Фатера. В 1845 г. Угянский окончил университет со степенью кандидата. Через 4 года он выдержал магистерский экзамен и в июне 1850 г. защитил диссертацию “De statu reipublicae Atheniensium sub Pericle”. Рецензент и учитель Угянского Фатер в своем отзыве⁵ анализировал структуру работы, отмечал использованные в работе источники, а также краткость, отчетливость и точность выводов в главах. Он лояльно замечал, что несмотря на то, что соискатель «не пользовался новейшими пособиями; но зато вникнул отлично во все источники, относящиеся к предмету рассуждения, с глубоким знанием и полною отчетливостью применил их к делу»⁶. Что касается места службы, то с 1846 г. Угянский занимал должность старшего учителя греческого языка сначала в симбирской, а потом в казанской первой гимназиях, пока в феврале 1861 г. его не пригласили в Казанский университет преподавать древнегреческий язык [1: 180; 2: 448]. Студент Казанского университета первой половины 1860-х гг. А.Н. Овсянников так вспоминал об Угянском: «По наружности это был человек худой, несколько кривобокий, гладко подстриженный, постоянно кашлявший и харкавший. Ходил он в длиннополом сюртуке, доходившем до щиколоток, шею тщательно обматывал чуть не до ушей черным платком и вообще по наружному своему виду менее всего был похож на нормального человека»⁷.

7 декабря 1863 г. исправляющий должность экстраординарного профессора Казанского университета магистр греческой словесности А. О. Угянский подал донесение на имя ректора Казанского университета с представлением диссертации «Об Афинской демократии» на соискание степени доктора классической словесности. Донесение было переправлено в факультет, на заседании которого 14 декабря было определено «циркулировать [диссертацию] между членами и просить В. И. Григоровича доставить свое мнение о диссертации»⁸.

Выбор кандидатуры для написания рецензии на представленную диссертацию осложнялся тем, что к тому времени почти 10 лет (после отставки Ф. Фатера в 1854 г.) университет искал профессора на кафедру греческой словесности. В 1863 г. в университете после увольнения Ф. А. Струве освободилась и кафедра латинской словесности. Таким образом, Казанский университет остался без специалистов с докторской степенью по древней филологии и, соответственно, без возможности выполнить букву устава. Кандидатура Григоровича в качестве рецензента в этом контексте возникла не случайно. Он был не только профессором по кафедре славянских наречий с 20-летним стажем, но и считался знатоком древних языков. Закончив в 1834 г. Харьковский университет, Григорович записался своекоштным студентом в Дерптский университет и провел там более 5 лет, занимаясь в том числе древними языками. На заре своей преподавательской деятельности в Казанском университете (в 1839–1841 гг.) Григорович преподавал студентам-филологам древнегреческий язык [1: 69–70, 3: 272].

В середине декабря 1863 г. Григорович формально уже не был профессором Казанского университета: он уволился 24 сентября 1863 г., но оставался при исполнении профессорских обязанностей до конца года [1: 73]. Тем не менее спустя месяц, 8 января 1864 г., Григорович представил в историко-филологический факультет восьмистраничное донесение-отчет о диссертации Угянского, написанное мелким убористым почерком⁹. Половину рецензии (почти два листа) занимал «общий обзор» диссертации — тезисное изложение содержания отдельных глав с указанием страниц¹⁰. Из этого обзора Григорович делал следующий вывод: «Написанное по источникам оно преимущественно подлежит разбору того, кто также, как и сочинитель, знаком с этими источниками. Всякому другому можно, по справедливости, отказать в призвании быть судьей его. Не могу, следственно, придавать своим мнениям безусловного значения»¹¹.

Григорович отмечал своеобразный подход соискателя к источникам: «Изучение, однако ж, источников сочинитель сопровождает собственным своим взглядом на них, отличным от общепринятого и потому дает повод к возражениям и того даже, кто считает себя непосвященным в науку древностей греческих»¹². В связи с этим Григорович вспоминал диспут Угянского на степень магистра и сокрушался, что соискатель «оставил без внимания возражения незабвенного ученого, своего оппонента. Д[окто]р Тхоржевский уже по поводу диспута о Перикле заметил, что в основании обвинения Перикла и защите демоса лежит произвольное предположение, что не из жизни народов возникают исторические личности, а напротив они являются как *deus ex machina* для того только, чтобы показать силу влияния на течение этой жизни»¹³.

Рецензент говорил о своем недоумении как читателя «от рефлексий», на которых соискатель основывал «оригинальность своего взгляда». Здесь же он отмечал собственное плохое знание античных источников и этим объяснял невозможность доказать несостоятельность авторской аргументации. «Одно, однако ж, вынужден утверждать неуступчиво, — продолжал Григорович. — Мнения сочинителя выражены часто решительно и ярко так, что можно сомневаться в ученом назначении его сочинения, можно даже подумать, что оно излагает помыслы сочинителя с излишнею популярностью. Популярность именно эта, судя по способу выражения, заставляет меня покорнейше просить сочинителя обратить внимание на то, что он переходит часто в аффектацию (подчеркнуто Григоровичем — К. И.), которая, повторяясь, отымает возможность оценить ученое достоинство сочинения. Осмеливаюсь просить ученого снять с своего сочинения эту аффектацию (подчеркнуто Григоровичем — К. И.), вредную ученому назначению сочинения и препятствующую его напечатанию (подчеркнуто Григоровичем — К. И.)»¹⁴.

Отдельно Григорович высказывал личное мнение о диссертации, которое содержало два замечания. Первое заключалось в том, что поставленная в сочинении задача не была решена, второе — отсутствие наравне с критикой источников «критики трудов ученых, изучавших те же источники. Осмеливаюсь сказать, что самостоятельность сочинителя выиграла бы много от разбора трудов других ученых по древностям греческим. Критика такая считается даже необходимою»¹⁵.

В заключении рецензент отказывал себе «в справедливости своих мнений» и просил подвергнуть его «суждения разбору и окончательно решить, возможно ли безусловное печатание сего сочинения». О допущении к диспуту, обязательном фрагменте положительного заключения, не сказано. То есть ученый снял с себя ответственность за оценку этой диссертации. Донесение Григоровича рассматривалось в факультете 9 января 1864 г. По результатам заседания было определено: «Возвратить г[осподину] Угянскому сочинение за неимением специалистов»¹⁶.

Коллеги посоветовали Угянскому искать степени доктора в другом университете Российской империи. Надо отметить, что отправка диссертанта в другой университет не была такой уж редкостью для Казани. Например, в первой половине 1850-х гг. уехали получать докторскую степень в Санкт-Петербургский и Московский университеты филолог Н. Н. Булич [1: 45], химик А. М. Бутлеров [1: 279, 4: 154–155] и зоолог Н. П. Вагнер [1: 287]. Это было вызвано либо отсутствием специалистов по теме в конкретном университете, либо непримиримыми разногласиями между соискателем и рецензентами [4: 154–155].

В августе 1864 г. Угянский подал в совет университета отредактированную диссертацию под названием “De Thucydidea historica arte” и просил переслать ее в Московский университет¹⁷. В начале 1860-х гг. в Московском университете разные аспекты классической филологии преподавали профессора А. И. Меншиков, О. И. Пеховский и П. М. Леонтьев. Угянский надеялся получить их экспертное мнение и положительную оценку своей работы. Диссертация была отправлена. Время шло — соискатель строил планы по организации напечатания диссертации и командировки в Москву для диспута. Однако «спустя 8 почти месяцев, получил он ее обратно с подписью, состоящею в одном слове: “неудовлетворительно”»¹⁸.

Документы из архива Московского университета позволяют узнать некоторые детали обсуждения диссертации в Москве. Итак, 13 августа 1864 г. Угянский отправил прошение на имя ректора Московского университета с просьбой рассмотреть его сочинение на степень доктора классической словесности. Письмо было получено в Москве 19 августа¹⁹. Уже на следующий день ректор переправил диссертацию в историко-филологический факультет. Диссертация рассматривалась максимально возможный срок — полгода, и 18 февраля 1865 г. в совет университета была направлена выписка из протоколов факультета, согласно которой «диссертация магистра классической словесности Угянского <...> найдена единогласным мнением факультета неудовлетворительно»²⁰.

Подобное затягивание с ответом в факультете нельзя объяснить плотностью защит: согласно справочнику Г. Г. Кричевского, их на историко-филологическом факультете Московского университета в 1864 г. вообще не было [5]. Речь идет, скорее, о периоде адаптации к новому уставу, который включал в себя обострение споров о критериях и показателях научности и ненаучности диссертационных сочинений.

Получив отрицательный отзыв Московского университета, Угянский написал за полгода новую диссертацию, но не смог защитить ее, так не прошло года после неудачной попытки²¹.

29 сентября 1865 г. Угянский подал в историко-филологический факультет прошение²². Оно было посвящено описанию его двухнедельной командировки в Дерпт, в ходе которой он надеялся решить проблему с защитой диссертации на степень доктора и встречался со «специалистами по его предмету». Они объяснили, что именно требуется от докторской диссертации — научной новизны. Казанский ученый писал, что дерптские профессора «требуют изъяснения, разрешения таких филологических вопросов или мест у древних писателей, которые до сих пор остаются еще под сомнением или таких, какие еще не початы. Для сочинения такой диссертации, — продолжал он, — необходимо лично познакомиться с теми редкими источниками и памятниками древнего мира, какие хранятся по заграничным библиотекам, музеям и другим местам, каких у нас в Казани вовсе нет; не менее того еще необходимо лично побеседовать со знаменитейшими филологами настоящего времени и выслушать их личные мнения о предмете, какой изберу я для моей диссертации. После исполнения вышеупомянутых условий вполне надеюсь, что моя диссертация получит значение самостоятельного труда моего, как того и закон, и все специалисты требуют, а для этого как всякому известно нужны и время, и средства, и соответственные источники»²³.

В связи с этим Угянский просил факультет отправить его в командировку на полгода собирать материалы для «докторской диссертации и для ознакомления с новейшим ходом развития древней филологии»²⁴. В мае 1866 г. ученый был командирован за границу на шесть месяцев²⁵, после возвращения соискатель обязывался предоставить новую диссертацию²⁶.

31 августа 1868 г. Угянский подал на факультет новое прошение с просьбой рассмотреть его новую диссертацию «О предисловии Фукидида с критико-исторической точки зрения»²⁷. При этом, судя по всему, это была уже отпечатанная книга²⁸.

Разбором представленной диссертации занималась специальная комиссия. Возглавил ее проректор университета, профессор русской словесности Н. Н. Булич, выпускник Казанского университета, однокашник Угянского (хотя последний был на 9 лет старше): их фамилии стоят через запятую в списках студентов, отличившихся на занятиях Фатера по греческой словесности. Кроме Булича, в состав комиссии входили новые профессора Казанского университета: психолог и философ М. М. Троицкий, защитивший в 1867 г. в Санкт-Петербургском университете докторскую диссертацию «Немецкая психология в текущем столетии» [1: 177], и богослов и историк раскола И. М. Добротворский [1: 76–78].

Спустя два месяца (5 ноября 1868 г.) комиссия представила в факультет свое мнение на 40 страницах²⁹. Большую часть мнения составляет изложение основных положений диссертации с приведением многочисленных цитат³⁰. Последние четыре листа посвящены перечислению недостатков разбираемого сочинения. Первым из них указан язык, который, по мнению рецензентов «нельзя назвать ни вульгарным, хотя приближается к тому <...>, ни риторским, хотя он по местам доходит до художественности <...>, ни наконец лаконическим, потому что отличается необыкновенною растянутостью. Литературная манера автора доходит до непростительного пренебрежения к обыкновенным правилам изъяснения. Не редкость встретить у автора несвязные фразы, грубые обороты речи и проч. Хотя язык не главное в ученом сочинении; но в сочинении, написанном для получения степени доктора филологии желательно бы было видеть хотя некоторое уважение к русской грамматике»³¹.

Кроме того, рецензенты отмечали, что сочинение Угянского «примыкает к давнему спору о достоинствах Фукидида как историка», однако почему-то «из всего длинного и любопытного спора в науке о достоинствах Фукидида, автор останавливается только на двух этих (т. е. Дионисия Галикарнасского и Крюгера) мнениях»³². Причем «с большим трудом можно извлечь из сочинения сущность спора и оценить достоинства противоположных мнений о Фукидиде, тем более что вся полемика автора против Крюгера изложена в высшей степени сбивчиво и спутано с частыми уклонениями от дела и требует особенного труда, чтоб терпеливо пройти с автором по всем ее извилинам»³³.

Главным недостатком работы называлось «бесцеремонное» обращение Угянского с Фукидидом «для того, чтоб доказать свою цель, свое оригинальное мнение о достоинствах Фукидида, как историка. Средства, которые он употребляет для этой цели, слишком широкой и сложной, весьма недостаточны»³⁴. Авторы рецензии считали, что Угянский сводил с Фукидидом «личные счеты» и «сражается не с действительным Фукидидом, а с созданиями своего воображения»³⁵. Все это привело к тому, что «взгляд его (Угянского) расходится со всеми авторитетами в исторической науке, которые высоко ставили достоинства Фукидида как правдивейшего историка. Легко привести множество выписок в подтверждение этого общего взгляда. <...> Подобные суждения людей (имеются в виду Вебер, Классен, Шлоссер, Грот), всю жизнь обращавшихся с историческим делом и оставивших глубокие исторические исследования и сочинения, достоинства которых признаны в науке, весьма далеки от того взгляда, который пытается представить Фукидида чем-то в роде мелкого плута»³⁶. В итоге, комиссия заключила, что «сочинение г[осподина] Угянского не удовлетворяет тем требованиям, по которым могла бы ему быть присуждена степень доктора»³⁷.

Реконструкция дискуссий вокруг представленных А. О. Угянским текстов на соискание докторской степени позволяет выявить несколько причин срывов защит. Во-первых, это изменение самих правил академической аттестации, а также передача экспертных полномочий и ответственности за присуждение ученых степеней в университеты. Профессора, заседавшие в факультетских и университетских советах, опасались брать на себя ответственность, особенно в спорных случаях или при отсутствии квалифицированных специалистов по теме. Во-вторых, определенную роль сыграла и трансформация самого статуса классической филологии как дисциплины, переставшей в это время быть «новой» и сформировавшая усилиями, в большей степени, профессоров столичных университетов общие критерии научности: владение академическим языком, беспристрастность, знание источников и литературы по теме. Знакомые (зачастую не понаслышке) с практикой защит диссертаций в столичных университетах рецензенты единогласно констатировали, что тексты казанского ученого этим критериям не отвечали.

Примечания

¹ Общий устав Императорских Российских университетов, 18 июня 1863 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 3. Царствование императора Александра II, 1855–1864. СПб., 1865. № 472. Стб. 941. Ср.: Общий устав императорских российских университетов, 26 июля 1835 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 2. Царствование императора Николая I, 1825–1855. Отделение 1, 1825–1839. СПб., 1864. № 363. Стб. 754.

² Общий устав Императорских Российских университетов. Стб. 951.

³ Положение об испытании на звание действительного студента и на ученые степени, 4 января 1864 // Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. Т. 3. 1850–1864. СПб., 1867. № 619. Стб. 641.

⁴ Положение об испытании на звание действительного студента и на ученые степени. Стб. 642.

⁵ Оригинал отзыва см: ГА РТ. Ф. 977. Оп. Историко-филологический факультет. Д. 570. Л. 32; копия отзыва в протоколе: там же. Л. 3 об.–4.

⁶ Там же. Л. 32

⁷ Овсянников А. Н. Из воспоминаний старого педагога // Русская старина. 1899. Т. 98. № 4–6. С. 689.

⁸ ГА РТ. Ф. 977. Оп. Историко-филологический факультет. Д. 826. Л. 1.

⁹ Там же. Л. 2–5 об.

¹⁰ Там же. Л. 2–4.

¹¹ Там же. Л. 4.

¹² Там же.

¹³ Там же. Л. 5.

¹⁴ Там же. Л. 5 об.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. Л. 2.

¹⁷ ГА РТ. Ф. 977. Оп. Историко-филологический факультет. Д. 836. Л. 1.

¹⁸ ГА РТ. Ф. 977. Оп. Историко-филологический факультет. Д. 853. Л. 7.

¹⁹ ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 33. Д. 614. Л. 1–1 об.

²⁰ Там же. Л. 3.

²¹ ГА РТ. Ф. 977. Оп. Историко-филологический факультет. Д. 853. Л. 7.

²² ГА РТ. Ф. 977. Оп. Историко-филологический факультет. Д. 836. Л. 4–5.

²³ Там же. Л. 4.

²⁴ Там же. Л. 4 об.

²⁵ Там же. Л. 10–10 об.

²⁶ ГА РТ. Ф. 977. Оп. Историко-филологический факультет. Д. 853. Л. 7.

²⁷ ГА РТ. Ф. 977. Оп. Историко-филологический факультет. Д. 892. Л. 3.

²⁸ Угянский А.О. О предисловии Фукидида с критико-исторической точки зрения. Казань, 1868.

²⁹ ГА РТ. Ф. 977. Оп. Историко-филологический факультет. Д. 892. Л. 6–26 об.

³⁰ Там же. Л. 6–23.

³¹ Там же. Л. 23–23 об.

³² Там же. Л. 24–24 об.

³³ Там же. Л. 24 об.

³⁴ Там же. Л. 25.

³⁵ Там же. Л. 25 об.

³⁶ Там же. Л. 25 об., 26 об.

³⁷ Там же. Л. 26 об.

Список литературы

1. Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета (1804–1904): в 2 ч. Ч. 1. Казань, 1904.
2. Смышляева В. П. Российские филологи-классики XIX века: «германовское» направление. Материалы для биографического словаря. СПб., 2015.

3. Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета, 1755–1855: в 2 ч. Ч. 1. М., 1855.
4. Иванов А. Е. Ученые степени в Российской империи XVIII в. – 1917 г. М., 1994.
5. Кричевский Г. Г. Магистерские и докторские диссертации, защищенные на историко-филологических факультетах университетов Российской империи (1755–1918). Ставрополь, 2004.

References

1. *Biograficheskii slovar' professorov i prepodavatelei Imperatorskogo Kazanskogo universiteta (1804–1904): v 2 ch. Ch. 1.* [Biographical dictionary of professors and teachers of the Imperial Kazan University (1804–1904): in 2 vol. Vol. 1]. Kazan, 1904. (In Russ.).
2. Smyshliaeva V. P. *Rossiiskie filologi-klassiki XIX veka: "germanovskoe" napravlenie. Materialy dlia biograficheskogo slovaria.* [Russian classical philologists of the 19th century: "Germanic" direction. Materials for a biographical dictionary]. St. Petersburg, 2015. (In Russ.).
3. *Biograficheskii slovar' professorov i prepodavatelei Imperatorskogo Moskovskogo universiteta, 1755–1855: v 2 ch. Ch. 1.* [Biographical dictionary of professors and teachers of the Imperial Moscow University, 1755–1855: in 2 vol. Vol. 1]. Moscow, 1855. (In Russ.).
4. Ivanov A. E. *Uchenye stepeni v Rossiiskoi imperii XVIII vek – 1917 god* [Academic degrees in the Russian Empire of the 18th century – 1917]. Moscow, 1994. (In Russ.).
5. Krichevskii G. G. *Magisterskie i doktorskie dissertatsii, zashchishchennye na istoriko-filologicheskikh fakul'tetakh universitetov Rossiiskoi imperii (1755–1918).* [Master's and doctoral dissertations defended at the historical and philological faculties of the universities of the Russian Empire (1755–1918)]. Stavropol', 2004. (In Russ.).

Сведения об авторе

К. А. Ильина — кандидат исторических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономик», ведущий научный сотрудник Института гуманитарных историко-теоретических исследований имени А. В. Полетаева НИУ ВШЭ.

Information about the author

K. A. Ilina — PhD (History), National Research University Higher School of Economics, Russian Federation; Leading Research Fellow of the Poletayev Institute for Theoretical and Historical Studies in the Humanities (IGITI) of National Research University Higher School of Economics.

Статья поступила в редакцию 30.09.2021; одобрена после рецензирования 05.10.2021; принята к публикации 08.10.2021.

The article was submitted 30.09.2021; approved after reviewing 05.10.2021; accepted for publication 08.10.2021.

Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 21. 2021. Т. 12, № 4. С. 81–93.

Transactions of the Kola Science Centre. Humanitarian studies. Series 21. 2021. Vol. 12, no. 4. P. 81–93.

Научная статья

УДК 378.162.15

DOI: 10.37614/2307-5252.2021.4.21.006

АДМИНИСТРАТОРЫ ПОНЕВОЛЕ: ПРОФЕССОРА БОТАНИКИ И ЗООЛОГИИ РОССИЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ И СОЗДАНИЕ ЛАБОРАТОРИЙ В 1860–70-Е ГГ.

Екатерина Юрьевна Жарова

Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники имени С. И. Вавилова РАН, Санкт-Петербург, Россия

zharova_ekaterina@bk.ru , <https://orcid.org/0000-0002-1349-7496>

Аннотация

Активное создание лабораторий и внедрение практических занятий по ботанике и зоологии в университетах Российской империи пришлось на 1860–70-е гг. и зачастую являлось результатом стажировок профессорских стипендиатов в зарубежных университетах в более ранний период (конец 1850-х – 1860-е гг.). Но, несмотря на успешные командировки, приехавшие профессора сталкивались после возвращения с проблемами, результатом которых в некоторых случаях стала невозможность проведения их идей в жизнь. В данной статье автор анализирует информацию о местах стажировок конца 1850-х – 1860-х гг., выявляя основные векторы движения стипендиатов, а также рассказывает о трудностях, с которыми столкнулись профессора университетов при организации кабинетов и лабораторий и сопоставляет их усилия по снабжению их оптическими приборами в соотношении с количеством студентов естественного отделения.

Ключевые слова:

Российская империя, естественные отделения, университет, лаборатории, практические занятия, ботаника, зоология

Для цитирования: Жарова Е. Ю. Администраторы поневоле: профессора ботаники и зоологии российских университетов и создание лабораторий в 1860–70-е гг. // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 21. 2021. Т. 12, № 4. С. 81–93. <http://dx.doi.org/10.37614/2307-5252.2021.4.21.006>.

Original article

ADMINISTRATORS DESPITE THEIR WISH: THE PROFESSORS OF BOTANY AND ZOOLOGY OF RUSSIAN UNIVERSITIES AND CREATION OF LABORATORIES IN THE 1860–70S

Ekaterina Yu. Zharova

St. Petersburg Branch of S. I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

zharova_ekaterina@bk.ru , <https://orcid.org/0000-0002-1349-7496>

Abstract

The creation of laboratories and the introduction of practical training in botany and zoology at the universities of the Russian Empire took place in the 1860s and 1870s and was the result of professorship fellows at foreign universities at the period of the late 1850-s and the 1860-s. But after returning home the professors faced problems, the result of which in some cases was the impossibility of putting their ideas into practice. In this article, the author analyzes information about fellowships in the late 1850–1860s, considering the main vectors of movement of scientists, and talks about the difficulties faced by university professors in organizing classrooms and laboratories and compares their efforts to supply microscopes in relation to the number of students of the natural sciences departments.

Keywords:

Russian Empire, natural sciences departments, university, laboratories, practical trainings, botany, zoology

For citation: Zharova E. Yu. Administrators despite their wish: the professors of botany and zoology of Russian universities and creation of laboratories in the 1860–70s // Transactions of the Kola Science Centre. Humanitarian studies. Series 21. 2021. Vol. 12, no. 4. P. 81–93. <http://dx.doi.org/10.37614/2307-5252.2021.4.21.006>.

После окончания правления Николая I, последние годы царствования которого называются «мрачным семилетием», наступила новая переломная эпоха. Она была переломной во многих смыслах. В отношении университетов начало царствования Александра II ознаменовало собой открытие границ и подготовку профессорских стипендиатов в университетских центрах Европы, прежде всего в Германии и Франции. Массовые стажировки имели огромное значение для организации практического обучения. Особенно важно это было для естественных наук, подъем которых пришелся на этот период. В нашей статье мы попытаемся обобщить сведения о стажировках ботаников и зоологов, которые в последствии (в 1860–1870-е гг.) стали профессорами естественных отделений университетов и, находясь в должности профессоров, организовывали лаборатории и научные исследования в них, выступив в некотором смысле администраторами поневоле. Это было связано с тем, что устав 1863 г. увеличил количество биологических кафедр (по ботанике и зоологии вместо одной — две), а также количество лабораторий и кабинетов, часть из которых пришлось организовывать фактически с нуля.

Важно отметить, что, несмотря на длительную историю самих лабораторий, метод преподавания естественных наук в них или так называемая лабораторная революция — явление для XIX в. относительно молодое. Начало этой революции связывают с появлением химической лаборатории Юстуса Либиха в Гисенском университете в 1820-е гг. Революционные изменения были довольно просты, однако они смогли глобально изменить систему обучения, при которой лаборатория, бывшая ранее или мануфактурой, или мастерской, стала местом для дискуссий, обмена научными концепциями. Либих изменил принципы работы в лаборатории за счет простого архитектурного решения: столы были распределены по всей комнате, а не установлены около стены, что позволяло увеличить число рабочих мест и проводить больше экспериментов, а профессор мог свободно перемещаться от одного стола к другому [1]. Эти новшества оказались основополагающими для развития университета нового типа, так называемого исследовательского университета, который больше не был только местом для сбора и упорядочивания знаний, а стал местом проведения исследований, где для проведения принципов научного образования (*wissenschaftliche Bildung*) важную роль играли лаборатории, являвшиеся проводником единства обучения и исследования (*Einheit von Lehre und Forschung*) [2].

Лаборатория Либиха привлекала многих своим инновационным подходом. Стажировались у Либиха в конце 1830-х – 1840-е гг. и русские химики (А. А. Воскресенский, Н. Н. Зинин, Н. Н. Соколов), некоторые из которых оказались последовательными в проведении принципов Либиха в обучении студентов химии (в первую очередь Н. Н. Зинин). Видимо, это была одна из причин для более раннего распространения практических занятий по химии в университетах Российской империи, чем по ботанике и зоологии.

В отличие от химии в биологии в 1840–1850-е гг. господствовал, скорее, описательный метод преподавания, который базировался на красноречии лектора (это была одна из причин чрезвычайной популярности московского зоолога К. Ф. Рулье) подобно тому, как это было для ученых-гуманитариев, которых студенты ценили в первую очередь за умение красиво и завораживающе излагать свои мысли на лекции. Поэтому в университетах середины XIX в. лекция была основной формой передачи знаний. Естественно, существовали альтернативные формы такие, как экскурсии, демонстрации опытов, практические занятия в упрощенной форме, однако их распространение не шло ни в какое сравнение с лекциями. Хороший лектор для студентов был больше чем просто хороший лектор, это был гуру от знания, которому преклонялись и рукоплескали после каждой лекции.

После периода упадка, связанного с «мрачным семилетием», новая эпоха правления императора Александра II вновь открыла для университетов возможности стажировки за рубежом. Часть стипендиатов отправились в европейские научные центры от Министерства народного просвещения, многие — за свой счет. Анализ данных 30 профессоров ботаники и зоологии (по 15 тех и других), которые работали в университетах в 1860–1870-е гг. и выезжали на стажировки во второй половине 1850-х – 1860-е гг., говорит о том, что среди них за границей не были 5 ботаников и 3 зоолога. При этом среди тех, кто посещал Европу в этот период, 4 ботаника и 6 зоологов сами оплачивали свои путешествия. Очень часто стипендиаты посещали не один университетский город, иногда они старались побывать в максимально возможном количестве университетов, но в основном их интересовал конкретный профессор, чья специальность была наиболее близка к их специальности.

Среди ботаников популярностью пользовались такие ученые, как М. Шлейден (Йена), Ж. Буссенго (Париж), Р. Бунзен (Гейдельберг), А. де Бари (Фрайбург¹), Ю. Сакс (Вюрцбург), среди зоологов — И. Сен-Илер (Париж), А. Кёлликер (Вюрцбург), Р. Лейкарт (Гисен), Ф. Лейдиг (Тюбинген). На представленном ниже графике заметно, что среди ботаников и зоологов особенно популярен был Париж, зоологи очень активно посещали Гисен, где работал Р. Лейкарт, а ботаники (преимущественно физиологи растений) ехали в Гейдельберг, где их интересовал химик Р. Бунзен. В целом, представленный график, составленный на основе архивных данных фонда Министерства народного просвещения, позволяет сказать, что одним из векторов зарубежных стажировок (и довольно значительным) наряду с немецкими университетскими центрами выступил Париж (рис. 1). Однако касалось это стипендиатов конца 1850-х гг.

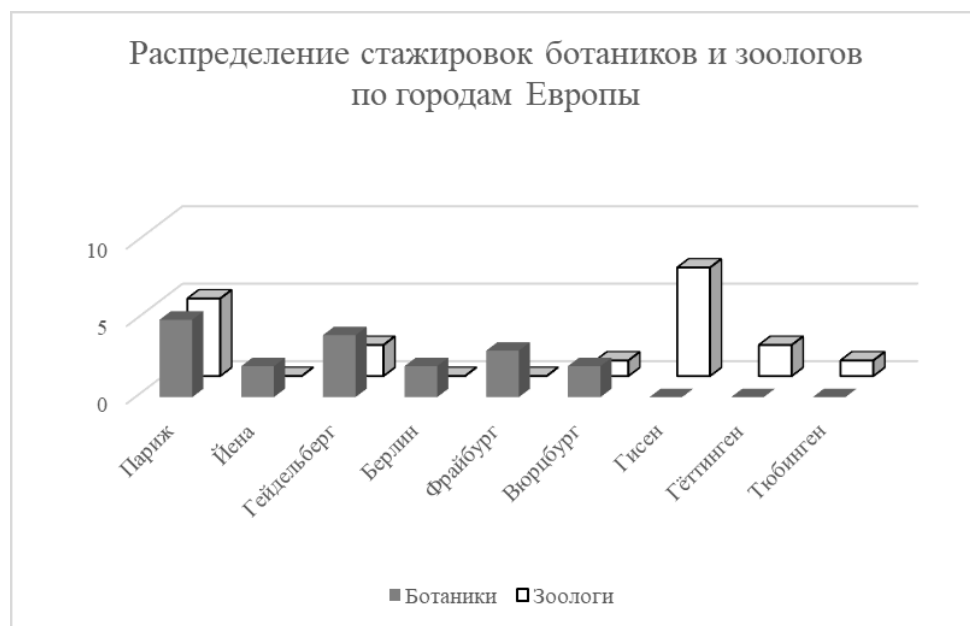

Рис. 1. Распределение стажировок ботаников и зоологов по городам Европы в конце 1850-х – 1860-е гг.

Несмотря на то, что лабораторный метод преподавания традиционно связывают с немецкими университетами, в случае с биологами не все так однозначно. Например, обязательно следует отметить влияние посещения Парижа и его научных и учебных заведений. Например, именно в Париже А. П. Богданов (1834–1896) провел 7 месяцев в 1857–1858 гг., слушая лекции И. Сен-Илера, К. Бернара, А. Дюмериля, Ш. Бланшара, а также проходил частный курс микроскопии у Ш.-Ф. Робина [3: 230]. Подходы к чтению лекций в Парижском музее естественной истории (Jardin de plants) и в особенности применение наглядности (модели, рисунки, живые животные) произвели большое впечатление на А. П. Богданова. Однако в отношении практического метода обучения в данном случае следует искать другой источник: в 1867–1868 гг. А. П. Богданов занимался под руководством Р. Лейкарта в Гисене [4: 31]. Впоследствии его ученик Н. Ю. Зограф называл методику обучения А. П. Богданова «вывезенной из Гисена»: «В занятиях А. П. Богданова со студентами была известная, определенная последовательность. Он был большим поклонником вывезенного из Гисена метода зарисовки виденного. В самом деле, при таком методе преподаватель всегда может проверить по рисунку, как бы он ни был груб и первобытен, что занимающийся видит в действительности, и что он видит лишь под давлением преподающего. <...> Итак, А. П. Богданов учил прежде всего смотреть и наблюдать; контролируя рисунки студентов, он обыкновенно садился сам за микроскоп, изображал то, что было видно, и, сравнив свой чертеж с чертежом новичка, тот же час старался выяснить ему, чем обусловлена его ошибка. Нельзя сказать, чтобы такое непрерывное зарисование целого ряда препаратов было очень весело и занятно для студентов; вот почему от числа студентов, начавших занятия, к концу года оставалась только третья или даже четвертая часть; но А. П. Богданов не делал в этом случае уступок, и действительно, из его школы выходили люди, которые научались наблюдать и которые выносили запас знаний, никогда не забывавшихся» [5: 51–52].

О своем восхищении методами преподавания и оснащении учебного процесса в Германии (в сравнении с Францией) писал и Н. И. Пирогов, научный куратор стипендиатов, находившихся за границей на рубеже 1850–1860-х гг.: «Французы остановились — то есть, не то, чтобы они перестали идти вперед в науке, но остановились в направлении и не удержали в руках гегемонии в современной науке. Немцы, *приняв* (выделено Пироговым — Е. Ж.) направление, придали ему другой характер и пошли вперед по новому пути. <...> Между тем, как французская школа довольствовалась более грубым и до простоты наглядным изучением материи, немцы, по своей склонности к отвлечению и основательности, углубились в самый тонкий анализ органических элементов и принялись рассматривать то, чего нельзя было усмотреть простыми глазами. Микроскоп сделался, мало по малу, самым любимым инструментом нации, так любящей отвлечение»².

Если для химии и физики важны были лаборатории и опыты, то для ботаники и зоологии (как и для других отраслей биологии) инструментом прогресса и улучшения являлся микроскоп и методика работы с ним профессоров. О работе с микроскопом в Германии Н. И. Пирогов писал так: «В Германии, например, по воле и по неволе, большая часть учащихся (натуралистов и медиков) занимаются микроскопом и распространяют все более и более знакомство с этим инструментом в образованном обществе. У Келликера, в Вюрцбурге, стоит в аудитории

30 микроскопов, для лекций; у Ферстера 15; сверх того, многие из учащихся имеют еще и свои собственные. Профессора и приват-доценты везде читают курсы микрографии и занимают своих слушателей практически. <...> Везде сотнями и даже тысячами заготовлены микроскопические препараты, для демонстраций на лекциях; словом, придумано и беспрестанно придумывается еще все, что нужно для наглядности. Этому-то направлению и должны бы учиться наши будущие профессора; они должны его пересадить en masse, на нашу почву. Без этого мы, отсталые, будем все более и более отставать»³.

В университетах Российской империи дело с микроскопами обстояло довольно сложно. Количество их можно восстановить с помощью отчетов университетов и других публикаций, которые показывают, что оно было несопоставимо с количеством микроскопов в немецких университетах, приведенным Н. И. Пироговым. Основной рост оптической техники в ботанических и зоологических кабинетах и лабораториях приходится на более позднее время. Хотя профессора 1860-х гг. и прилагали усилия для изменения ситуации в пользу расширения лабораторий и кабинетов.

Наверное, наиболее удачно обстоятельства сложились в Петербургском университете на кафедре ботаники, профессором которой в начале 1860-х гг. стал А. Н. Бекетов (1825–1902). Еще в 1856 г. он опубликовал статью о значении микроскопа⁴, поэтому неудивительно, что большое внимание было уделено именно этой части оснащения ботанического кабинета. Обязательно следует сказать о том, что Бекетов смог организовать ботанический сад в столичном университете, который до этого не имел такового. Именно его упорство и необходимые связи помогли получить участок земли от Военного министерства, на котором впоследствии был разбит сад и построено здание ботанического института при помощи средств, выделенных университетом и полученных от выпускника естественного отделения ботаника М. С. Воронина, друга второго профессора ботаники А. С. Фаминицына. Однако случилось это в 1868 г., а в 1863 г. в ботаническом кабинете, состоявшем из двух комнат, было всего 2 сложных микроскопа, рисовальная форма и малый микроскоп⁵.

К концу 1860-х гг. в ботаническом кабинете насчитывалось 10 микроскопов, а также 131 таблица⁶, которые были нарисованы по заказу профессора для усиления наглядности. Следует отметить, что судьба А. Н. Бекетова отличалась от судеб только недавно окончивших университеты профессорских стипендиатов. Он занял должность профессора Петербургского университета в довольно зрелом возрасте, когда ему было 38 лет. В 40 лет, в 1865 г. он совершил первую поездку за границу, в том числе во Францию и Германию⁷. Но его характер и взгляды на путь развития образования и науки совпадали со взглядами представителей молодого поколения, которое впитало в себя надежды и стремления эпохи Великих реформ: «До него, — пишет один из ближайших учеников Бекетова, — не было ни сада, ни оранжерей, преподавание велось схоластически, студентам только читали лекции, но ничего не показывали, почему они и не могли иметь надлежащего представления о растениях, хотя бы прослушали полный курс и удостоились высшей оценки своих знаний» [3: 492].

Кабинет анатомии и физиологии растений появился в Петербургском университете позже (в 1870 г.) благодаря деятельности второго профессора ботаники А. С. Фаминицына. Как уже говорилось выше, до постройки ботанического института в начале 1860-х гг. оба профессора ютились в одном кабинете, состоявшем из двух комнат, одна из которых предназначалась

для чтения лекций, вторая — для практических занятий [6: 40]. Для того, чтобы иметь возможность проводить исследования, Фаминицыну пришлось создать лабораторию физиологии растений в своей квартире, где была затемнена одна из комнат, снабженная микроскопами, сушильным шкафом и необходимыми реактивами. И только в 1870 г. после постройки здания ботанического института в университете появилась лаборатория физиологии растений, занявшая второй этаж нового здания. В 1872 г. в ней было 13 микроскопов⁸.

В других университетах Российской империи новое поколение профессоров столкнулось с проблемами как отсутствия инструментария, так и нехватки помещений. Совершенно патовая ситуация сложилась в Московском университете, где длительное время не было профессора анатомии и физиологии растений (С. А. Рачинский (1833–1902) вышел в отставку из-за конфликта с администрацией в 1868 г., а К. А. Тимирязев (1843–1920) пришел в университет в 1872 г. в качестве преподавателя и лишь в 1877 г. стал штатным профессором), а профессора ботаники по разным причинам не задерживались надолго. Так, будущий профессор ботаники И. Н. Горожанкин (1848–1904) начал преподавать в университете еще до получения степени магистра из-за командировки профессора И. Д. Чистякова (1843–1877) в 1872–74 гг., умершего в 1877 г. из-за скоротечной чахотки. Предшественник И. Д. Чистякова Н. Н. Кауфман (1834–1870) умер в 1870 г. по причине тяжелого заболевания. Тем не менее и Кауфман, и Рачинский были заинтересованы в оснащении ботанического кабинета, который в 1867 г. имел 7 микроскопов Гартнакка и Цейса и «другие снаряды, необходимые для микроскопических наблюдений»; «43 карты, содержащие иллюминированные изображения различных частей растений в увеличенном виде»; «30 моделей цветов и других частей растений Бренделя»⁹. В 1874 г. в кабинете было 10 сложных микроскопов, 3 простых, 1 солнечный, 400 микроскопических препаратов¹⁰.

При таком богатстве инструмента и наглядных пособий ботанический кабинет Московского университета не имел собственного помещения для практических занятий. Из-за того, что все предметы помещались в большой математической аудитории, студенты не имели возможности заниматься, о чем писал профессор И. Д. Чистяков в 1875 г. в отчете за прошедший учебный год: «...студенты практически не занимались, как и в предыдущие годы, о чем мною было сообщено в свое время физико-математическому факультету, а чрез него и Совету университета. Совет, вследствие ходатайства физико-математического факультета, испрашивал у [господина] министра народного просвещения сумму на постройку помещения для ботанического кабинета»¹¹.

Новое помещение кабинет получил только в 1877 г. уже после смерти профессора Чистякова. Это были 5 комнат для практических занятий и зала для хранения коллекций¹². В 1878 г. кабинет и его имущество было разделено между двумя профессорами ботаники — И. Н. Горожанкиным и К. А. Тимирязевым. Систематическому отделению Горожанкина отошли 7 сложных и 2 препаровочных микроскопа, коллекции макроскопических препаратов и моделей Бренделя, а физиологическое отделение Тимирязева располагало 7 сложными микроскопами, 1 бинокулярным и 1 препаровочным, 1 гелиостатом, 1 солнечным микроскопом и коллекцией микроскопических препаратов¹³. Следует отметить, что предшественники Горожанкина и Тимирязева прошли зарубежные стажировки в Германии, и именно они пытались наладить практические занятия в Московском университете, однако стесненные условия помешали им это сделать. В итоге, этим занялся уже в конце

1870-х гг. И. Н. Горожанкин, который не смог отправиться в свою зарубежную командировку из-за смерти профессора Чистякова и необходимости занять пустующую кафедру. Он же был инициатором постройки здания ботанической лаборатории в ботаническом саду, средства на которую были выделены меценатами в 1881 г.

В провинциальных университетах, как и в столичных, нехватка инструментария также сопровождалась проблемами с помещениями. В 1862 г. в Харькове в ботаническом кабинете был только 1 большой микроскоп Гартнака, небольшой микроскоп и просто микроскоп для препарирования¹⁴. В Казанском университете в ботаническом кабинете было всего 3 стола для микроскопических работ, оборудованных 2 микроскопами — Гартнака и Наше¹⁵. В 1863 г. в ботаническом кабинете Университета Святого Владимира в Киеве было 3 микроскопа¹⁶. Самым стабильным в отношении преподавателей ботаники и организации лабораторий был именно Университет Святого Владимира, в котором в 1860-е гг. активно работали стажировавшиеся за границей Я. Я. Вальц (1841–1904) и И. Г. Борщов (1833–1878), а в 1870-е гг. из Санкт-Петербурга в Киев приехали выпускники столичного университета О. В. Баранецкий (1843–1905) и И. Ф. Шмальгаузен (1849–1894). Невероятную работу провел рано скончавшийся И. Г. Борщов, благодаря деятельности которого ботанический кабинет в 1869 г. получил новое помещение из 4 зал, так как северная сторона, на которой прежде располагался кабинет, была освещена хуже, чем южная, куда его перенесли по просьбе профессора¹⁷. В новых условиях кабинета практиканты могли заниматься микроскопией более успешно. В 1872–1873 учебном году кабинет имел 10 микроскопов и 2 окуляра с микрометрами¹⁸, что было сопоставимо с инструментарием столичных университетов. В целом, число микроскопов в провинциальных университетах не отставало от такового столичных. Так, в молодом Новороссийском университете, где профессором ботаники был Л. С. Ценковский (1822–1887), в 1870 г. было 12 микроскопов¹⁹.

Важной особенностью этого периода (1860-х – 1870-х гг.) было то, что выпускники университетов не только стажировались за границей, но были мобильны: они перемещались по стране, занимая должности в разных университетах, в каждый из которых они приносили свой опыт преподавания и организации исследований. Многие профессора сменили даже не один университет, что также служит характеристикой эпохи. Недаром только в 1870-е гг., а в некоторых университетах только к концу 1870-х гг., нестабильность ботаников (профессоров и/или лабораторий) сменилась, наконец, стабильностью, хотя многие проблемы, связанные с нехваткой помещений остались (например, Харьковский университет получил здание ботанического института только в 1894 г., а через несколько лет в связи со значительным увеличением числа студентов, оно оказалось уже недостаточно просторным).

Схожая ситуация сложилась и в зоологии: накопление инструментария, попытки организовать практические занятия в имеющихся кабинетах, нехватка помещений для расширения и нормальной организации работы. Наверное, одна из самых сложных обстановок была в Московском университете, где благодаря энтузиазму А. П. Богданова ежегодно расширялся Зоологический музей, ставший центром зоологических исследований. Однако, несмотря на попытки создать лабораторию, дело шло трудно. Ученик А. П. Богданова Н. Ю. Зограф, поступивший в Московский университет в 1868 г., вспоминал: «Обстановка лаборатории того времени была еще чрезвычайно примитивная. На всех занимавшихся, а нас было, помнится, семь человек, был один микроскоп, да и тот принадлежал лично А. П. Богданову» [5: 51]. В 1869 г. Общество любителей естествознания, созданное Богдановым, ассигновало средства на покупку 5 микроскопов²⁰.

Постепенно оборудование лаборатории росло, разрастался и сам музей и с начала 1870-х гг. в отчетах университета постоянно поднимается вопрос увеличения помещения. Например, в отчете за 1877 г. А. П. Богданов писал, что «Зоологический музей находится в печальном положении по отношению своего помещения. Недостаточность пространства не дает возможности не только принять необходимые меры к должному размещению предметов, но даже и к их полной сохранности. Практические занятия крайне затруднительны, несмотря на то, что для них воспользовались даже пространством между шкафами. Невозможность отделить рабочие помещения от систематических собраний делает неприложимыми меры к введению системы и строгого порядка в размещении и сохранении предметов»²¹. В отчете за 1881 г. он продолжает: «При увеличивающемся числе студентов, желающих заниматься практически, особенно чувствовались теснота, ветхость и невозможность приспособления, о которых уже заявляемо было неоднократно в предыдущих отчетах»²².

Помимо зоологического музея, где А. П. Богданов старался создать хоть какие-то условия для проведения практических занятий, в Моковском университете существовал кабинет сравнительной анатомии, первый кабинет этой дисциплины на естественных отделениях российских университетов. В конце 1850-х гг. он обладал небывалым сокровищем в виде 8 микроскопов²³. В отчете за 1871 г. в этом кабинете числились все те же 8 микроскопов (Гартнака)²⁴. Несмотря на то, что кабинет испытывал трудности с помещением, никаких изменений не происходило. Профессор сравнительной анатомии Я. А. Борзенков (1832–1883) обращался в Совет с просьбой об устройстве аудитории для чтения лекций с демонстрациями: «При этих лекциях необходимы демонстрации под микроскопом препаратов, которые должны быть изготовлены перед лекциями, а иногда во время самих лекций лаборантом, состоящим при кабинете сравнительной анатомии. До сих пор это делалось так: лекции читались в одной из комнат кабинета, в которой студенты размещались на стульях вокруг стола, а в соседней, рабочей комнате лаборант изготовлял препараты и по мере надобности выносил микроскопы, с установленными на них препаратами, в ту же комнату, где читались лекции»²⁵. Профессору отказали в просьбе, чтобы было неудивительно. Даже всемогущий А. П. Богданов не смог добиться расширения зоологического музея. Только после смерти и Богданова, и Борзенкова Московский университет получил новые здания, которым завидовали в Петербургском университете, но случилось это уже в начале XX в.

Сам столичный университет в 1860–1870-е гг. оказался в странной ситуации, так как профессора зоологии там были, а вот практические занятия не велись так, как должны были. При том, что инвентарь, в том числе микроскопы, там имелись, хотя число их было неизмеримо малым. Например, для зоотомического кабинета только в 1872 г. были куплены 3 стола для микроскопических работ, 5 первых микроскопов, инъекционный прибор и 4 набора мелких инструментов²⁶. Проблема была в том, что профессор зоотомии Н. П. Вагнер (1829–1907) совершенно не интересовался делами кабинета. В. М. Шимкевич впоследствии вспоминал, что «самое трудное было добывать деньги на организацию лаборатории. Н. П. Вагнер часто пропускал заседания факультета, и поэтому нередко наши нужды, не будучи в достаточной мере выяснены, оставались неудовлетворенными»²⁷. К концу XIX в., в 1894 г., в столичном университете, где число студентов естественного отделения давно пересекло отметку в несколько сотен человек, в зоотомическом кабинете было 30 микроскопов, а в зоологическом — 4²⁸. Для сравнения, в зоологическом кабинете Харьковского университета в 1887 г. было 9 микроскопов²⁹.

В отличие от относительно успешных начинаний ботаников Петербургского и Московского университета, зоологи всех без исключения университетов не смогли справиться с бюрократией. Поэтому во всех университетах зоологические кабинеты, музеи и лаборатории испытывали сложности с помещениями. Например, зоотомический кабинет Харьковского университета состоял «из небольшой комнаты — собственно кабинета, еще меньшей второй комнаты — где помещались профессор и лаборант и крошечной узкой комнаты, предназначенной для практических занятий студентов. Профессорская (она же и лаборантская) комната была уставлена шкафами, заключающими библиотеку кабинета и некоторые научные пособия. Она служила и местом для научных работ, и местом для отдыха, и как рабочая комната, в которой готовились как спиртовые препараты, так и скелеты. Здесь же, а частью в кабинете и комнате для практических занятий, помещались животные, предназначенные для практических занятий, так как особого помещения для этого не было»³⁰.

В Казанском университете зоологическая лаборатория для научных занятий сотрудников выглядела так: «Комната эта совершенно заставлена разнообразной величины банками с препаратами и реактивами, большими склянками со спиртом, аквариумами, различными приборами, инструментами и проч[ее], — все в большинстве случаев такими предметами, которые постоянно нужны и должны быть всегда под рукой. В шкафах может помещаться только сравнительно небольшая часть этих предметов; все же остальные, за недостатком места, занимают этажерки, столы, подоконники, табуретки, стоят на шкафах и даже на полу. Понятно, что при этом они постоянно покрываются пылью, портятся, загромождают и стесняют и без того маленькую комнату до невозможности»³¹. А студенческой лаборатории в Казани вовсе не существовало, и практические занятия проводились или в аудитории, или в зоологическом музее. Но в 1872 г. там было 10 микроскопов³².

В некоторых случаях мы можем прочесть описания (довольно красочные) состояния лабораторий 1870-х гг. и представить себе, в каких условиях работали преподаватели. Один из таких красочных отзывов о зоолого-сравнительно-анатомической лаборатории Университета Святого Владимира оставил профессор О. М. Паульсон (1837–1886). Он описывает лабораторию середины 1870-х гг., переехавшую из первого в третий этаж: «Это помещение состоит из 3-х, сообщающихся между собою, комнат, а четвертая, небольшая, лежащая по ту сторону коридора, отдана в распоряжение профес[сора] Н. В. Бобрецкого. Из остальных трех комнат: одна очень маленькая — в ней стоят аквариум; в другой, с одним окном, занимается консерватор и в ней же сложено стекло, помещена классная коллекция, диаграммы и неразобранная коллекция насекомых. Наконец третью — обширную залу занимает профес[сор] О. М. Паульсон; в этом роскошном помещении температура зимою не подымается выше 10°. В ней хранятся инструменты, установлена библиотека и систематически расположена коллекция насекомых. Таким образом, с перехода с нижнего этажа в третий, зоолого-сравнительно-анатомическая лаборатория не имеет комнаты для занятия со студентами»³³.

В то время как профессора различных университетов Российской империи продолжали бороться за расширение помещений и покупку инвентаря (а кто-то даже бросил эти тщетные попытки), число студентов естественного отделения продолжало расти, в особенности в столичных университетах. С тем количеством микроскопов, о котором мы писали выше и с теми тесными

помещениями в 1870–е гг., как мы видим, могли выжить только Харьковский и Казанский университеты, отчасти Московский (где число студентов резко уменьшилось в 1870-е гг. и оставалось таковым до начала 1880-х гг.), Университет Святого Владимира и Новороссийский университет, где студентов делили на несколько групп, но не Петербургский университет, в котором число студентов, превышало 100, а затем и 200 чел. Они никак не могли продуктивно заниматься в имеющихся условиях (рис.2.).

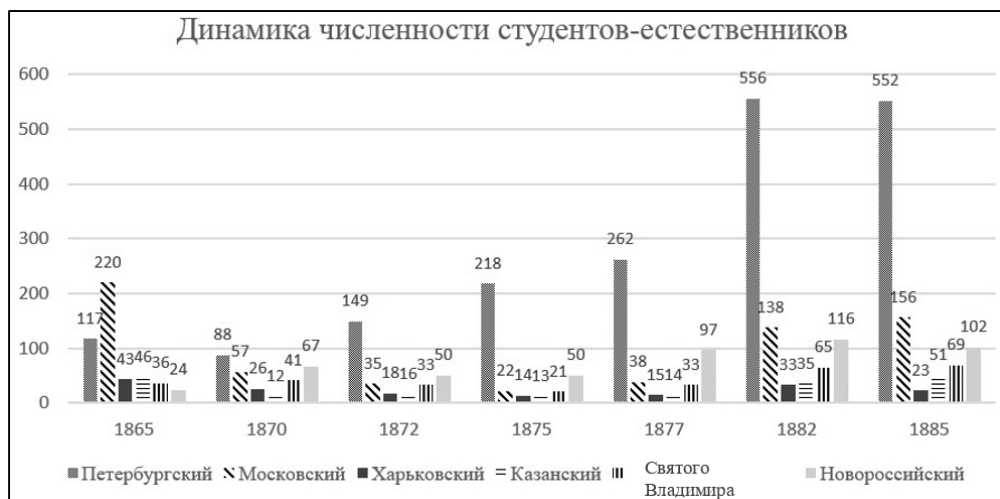

Рис. 2. Динамика численности студентов-естественников за 1865–1885 гг.

Таким образом, массовые стажировки профессорских стипендиатов в Германии и Франции принесли свои плоды в виде энтузиазма и желания внедрить практические занятия по зоологии и ботанике, а также расширить микроскопические исследования. Однако не всегда эти желания совпадали с возможностями. Реальностью были маленькие кабинеты и отсутствие аудиторий для практических занятий, а иногда и очевидно халатное отношение к покупке оптических приборов. Профессора были вынуждены выбивать средства для строительства, иногда прибегая к личным связям и частным пожертвованиям, просить в Совете о переносе кабинетов в более удобные с точки зрения проведения микроскопии комнаты, самостоятельно организовывать рабочие места, пытаясь втиснуть столы в свободные пространства. Обязательно следует сказать, что хорошими администраторами оказались не только те профессора, кто стажировался за границей (например, А. Н. Бекетов). И, конечно же, не все, кто стажировался за границей впоследствии оказались хорошими администраторами (например, Н. П. Вагнер). Кроме того, в целом ситуация с ботаническими лабораториями была более удачной, чем с зоологическими, однако и те, и другие нуждались как в средствах для покупки инструментария, так и в расширении помещений в связи со значительным ростом числа студентов, а практические занятия проводились исключительно благодаря инициативе профессоров, которая иногда, увы, отсутствовала.

Примечания

¹ Здесь следует оговориться, что в Германии есть два города со схожими названиями — Фрайберг (Фрейберг), где располагался Горный институт и куда ехали стажироваться преимущественно геологи (русские специалисты приезжали во Фрайберг еще в XVIII в.), и Фрайбург (Фрейбург, Фрайбург-им-Брайсгау), где находился университет, в настоящее время — Фрайбургский университет имени Альберта и Людвига.

² Пирогов Н. И. Письма из Гейдельберга // Сочинения. Т. 1. Киев, 1914. С. 523.

³ Там же. С. 526.

⁴ Бекетов А. Н. Несколько слов о значении микроскопа в новейшей ботанике // Московские ведомости. 1856. № № 121, 128.

⁵ Извлечение из отчета Императорского Санкт-Петербургского университета за 1863 год // ЖМНП. 1864. Ч. 123. С. 426.

⁶ Григорьев В. В. Императорский Санкт-Петербургский университет в течение первых 50 лет его существования. СПб., 1870. С. 395.

⁷ Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней). Т. 2. СПб., 1891. С. 360.

⁸ Извлечение из отчета Императорского Санкт-Петербургского университета за 1872 год // ЖМНП. 1873. Ч. 168. С. 70–71.

⁹ Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1866–67 академический и 1867 гражданский годы. М., 1868. С. 86.

¹⁰ Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета в 1873–74 академическом и 1874 гражданском году. М., 1875. С. 23.

¹¹ Там же. С. 24.

¹² Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1877 год. М., 1878. С. 71.

¹³ Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1878 год. М., 1879. С. 210–211.

¹⁴ О научных пособиях университетов Харьковского и Казанского, по части ботаники // ЖМНП. 1863. Ч. 120. С. 497.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Извлечение из отчета Императорского университета Святого Владимира за 1863 год // ЖМНП. 1864. Ч. 123. С. 87.

¹⁷ Историко-статистические записки об ученых и учебно-вспомогательных учреждениях Императорского университета Святого Владимира. Киев, 1884. С. 130.

¹⁸ Извлечение из отчета Императорского университета Святого Владимира за 1873 год // ЖМНП. 1874. Ч. 173. С. 93–94.

¹⁹ Краткий отчет о состоянии и действии Императорского Новороссийского университета в 1870–1871 академическом году. Одесса, 1871. С. 26.

²⁰ Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета в 1869–70 академическом и 1870 гражданском году. М., 1871. С. 82.

²¹ Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1877 год. С. 63.

²² Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1881 год. М., 1882. С. 52.

²³ Отчет о состоянии и действиях императорского Московского университета за 1858–59 академический и 1859 гражданский годы. М., 1860. С. 44–47.

²⁴ Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета в 1869–70 академическом и 1870 гражданском году. С. 90.

²⁵ ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 50. Д. 310. Л. 3–3 об.

²⁶ Шимкевич В. М., Вагнер Ю. Н. Исторический очерк Зоологического и Зоотомического кабинетов Санкт-Петербургского университета // Труды Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей. 1894. Т. 18. Вып. 4. С. 48.

²⁷ Шимкевич В. М. Н. П. Вагнер и Н. Н. Полежаев // ЖМНП. 1908. Ч. 16. С. 12.

²⁸ Шимкевич В. М., Вагнер Ю. Н. Исторический очерк Зоологического и Зоотомического кабинетов Санкт-Петербургского университета. С. 46, 48

²⁹ Физико-математический факультет Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805–1905). Харьков, 1908. С. 332.

³⁰ Там же. С. 334–335.

³¹ Труды комиссии физико-математического факультета Императорского Казанского университета по выяснению нужд учебно-вспомогательных учреждений. Казань, 1898. С. 36.

³² О состоянии и действиях Императорского Казанского университета в 1872 году // ЖМНП. 1873. Ч. 170. С. 13–14.

³³ Историко-статические записки об ученых и учебно-вспомогательных учреждениях Университета Святого Владимира. С. 126.

Список литературы

1. Schmidgen H. The Laboratory // EGO: European history online, 2011. URL: <http://ieg-ego.eu/en/threads/crossroads/knowledge-spaces/henning-schmidgen-laboratory#> (дата обращения: 05.09.2021).
2. Bommel B. van. Between “Bildung” and “Wissenschaft”: The 19th-Century German Ideal of Scientific Education // EGO: European history online, 2015. URL: <http://ieg-ego.eu/de/threads/modelle-und-stereotypen/germanophilie-und-germanophobie/bas-van-bommel-between-bildung-and-wissenschaft-the-19th-century-german-ideal-of-scientific-education> (дата обращения: 05.09.2021).
3. Райков Б. Е. Биологи-эволюционисты до Дарвина. М.-Л., 1959, Т. 4.
4. Тихомиров А. Анатолий Петрович Богданов // Зоологические исследования. 2015. № 18. С. 30–38.
5. Зограф Н. Отрадная страница из истории русской науки. Анатолий Петрович Богданов // Зоологические исследования. 2015. № 18. С. 39–63.
6. Манойленко К. В. Андрей Сергеевич Фаминицын. СПб., 2016, 288 с.

References

1. Schmidgen H. The Laboratory, EGO: European history online, 2011. Available at: <http://ieg-ego.eu/en/threads/crossroads/knowledge-spaces/henning-schmidgen-laboratory#> (accessed 05.09.2021).
2. Bommel B. van. Between “Bildung” and “Wissenschaft”: The 19th-Century German Ideal of Scientific Education, EGO: European history online, 2015. Available at: <http://ieg-ego.eu/de/threads/modelle-und-stereotypen/germanophilie-und-germanophobie/bas-van-bommel-between-bildung-and-wissenschaft-the-19th-century-german-ideal-of-scientific-education> (accessed 05.09.2021).
3. Rajkov B.E. *Biologi-jevoljucionisty do Darvina* [Evolutionary biologists before Darwin]. Moscow; Leningrad, 1959, vol. 4. (In Russ.).

4. Tihomirov A. Anatolij Petrovich Bogdanov [Anatoly Petrovich Bogdanov]. *Zoologicheskie issledovanija* [Zoological research], 2015, no. 18, pp. 30–38. (In Russ.).
5. Zograf N. Otradnaja stranica iz istorii ruskoj nauki. Anatolij Petrovich Bogdanov [A gratifying page from the history of Russian science. Anatoly Petrovich Bogdanov]. *Zoologicheskie issledovanija* [Zoological research], 2015, no. 18, pp. 39–63. (In Russ.).
6. Manojlenko K. V. *Andrej Sergeevich Faminicyn* [Andrey Sergeevich Faminitsyn]. Saint-Petersburg, 2016, 288 p. (In Russ.).

Сведения об авторе

Е. Ю. Жарова — кандидат биологических наук, Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники имени С. И. Вавилова РАН, научный сотрудник.

Information about the author

E. Yu. Zharova — PhD (Biology), St. Petersburg Branch of S. I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences, Research Fellow.

Статья поступила в редакцию 03.10.2021; одобрена после рецензирования 07.10.2021; принята к публикации 08.10.2021.

The article was submitted 03.10.2021; approved after reviewing 07.10.2021; accepted for publication 08.10.2021.

Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 21. 2021. Т. 12, № 4. С. 94–103.
Transactions of the Kola Science Centre. Humanitarian studies. Series 21. 2021. Vol. 12, no. 4. P. 94–103.

Научная статья
УДК 796.015.622.4
DOI: 10.37614/2307-5252.2021.4.21.007

ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И РАЗВИТИЯ СПОРТА В КАРЕЛЬСКОМ ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ИНСТИТУТЕ В 1930-Е ГОДЫ

Елена Александровна Калинина

Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск, Россия
kalinka46@yandex.ru , <https://orcid.org/0000-0002-8837-3674>

Аннотация

Развитие системы образования в 1930-е гг., деятельность по ликвидации безграмотности населения, введение всеобщего обязательного обучения, открытие начальных и средних школ требовали значительного увеличения численности учителей. В связи с этим государственная политика СССР в области высшего образования была направлена на создание педагогических и учительских институтов и усиление их деятельности по подготовке педагогических кадров. В эти годы в курс высших учебных заведений был введен новый учебный предмет «физическая культура». Статья посвящена проблемам преподавания физической культуры в Карельском педагогическом институте в 1930-е гг. На основе законодательных, архивных и документальных материалов автором представлена деятельность военно-физкультурной кафедры, ее преподавателей в деле преподавания физической культуры и развития спорта среди студенческой молодежи. В исследовании освещены трудности организации спортивной работы, связанные с отсутствием специальных помещений, инвентаря, а также специалистов в сфере физического воспитания.

Ключевые слова:

спорт, физическая культура, физическое воспитание, Карельский педагогический институт, студент, преподаватель

Для цитирования: Калинина Е. А. Проблемы преподавания физической культуры и развития спорта в Карельском педагогическом институте в 1930-е годы // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 21. 2021. Т. 12, № 4. С. 94–103. <http://dx.doi.org/10.37614/2307-5252.2021.4.21.007>.

Original article

PROBLEMS OF PHYSICAL CULTURE TEACHING AND SPORTS DEVELOPMENT AT THE KARELIAN PEDAGOGICAL INSTITUTE IN THE 1930S

Elena A. Kalinina

Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia
kalinka46@yandex.ru , <https://orcid.org/0000-0002-8837-3674>

Abstract

The development of the education system in the 1930s, activities to eliminate the illiteracy of the population, the introduction of universal compulsory education, the opening of primary and secondary schools required a significant increase in the number of teachers. In this regard, the state policy of the USSR in the field of higher education was aimed at creating pedagogical and teaching institutes and strengthening their activities in training pedagogical personnel. During these years, a new academic subject «physical culture» was introduced into the course of higher educational institutions. The article is devoted to the problems of teaching physical culture at the Karelian Pedagogical Institute in the 1930s. On the basis of legislative, archival and documentary materials, the author presents the activities of the military-physical culture department, its teachers in teaching physical culture and developing sports among students. The study highlights the difficulties of organizing sports work associated with the lack of special rooms, equipment, as well as specialists in the field of physical education.

Keywords:

sport, physical culture, physical education, Karelian Pedagogical Institute, student, teacher

For citation: Kalinina E. A. Problems of physical culture teaching and sports development at the Karelian Pedagogical Institute in the 1930s // Transactions of the Kola Science Centre. Humanitarian studies. Series 21. 2021. Vol. 12, no. 4. P. 94–103. <http://dx.doi.org/10.37614/2307-5252.2021.4.21.007>.

В 1930-е гг. по всей стране стали открываться первые высшие учебные заведения во многих регионах страны, готовившие учителей истории, русского языка и литературы, физики и математики для семилетних школ. Срок обучения в педагогических институтах составлял четыре года. Поступающие на I курс должны были иметь образование не ниже семилетней школы или фабрично-заводского училища. На III курс принимались лица, окончившие восьмилетнюю или девятилетнюю школу или два курса техникума¹.

При педагогических институтах стали создаваться педагогические рабочие факультеты (рабфаки), впоследствии преобразованные в учительские институты. Они осуществляли подготовку учителей разных учебных предметов для семилетних школ. В них обучение шло в течение двух лет (I и II курс). На педагогический рабфак принимали рабочих, колхозниц и бедняков в возрасте не ниже 17 лет и не выше 30, имеющих двухлетний стаж работы на промышленных и сельскохозяйственных предприятиях, на кустарно-промышленных объединениях, в рыбно-хозяйственном производстве.

Следует отметить, что учителей физической культуры в 1930-е гг. педагогические институты не готовили. Президиум ЦИК СССР в апреле 1930 г., признавая работу в области физической культуры «делом первостепенной важности», ввел «обязательное физическое воспитание всей учащейся молодежи» [1: 20]. Так, для будущих педагогов учебный предмет «физическая культура» вошел в программу обучения на I и II курсе; воспитанники должны были заниматься физическими упражнениями, сдавать нормы ГТО, участвовать в спортивных соревнованиях.

Законодательная база

С 1931 г. в педагогических институтах страны начинают создаваться кафедры физической культуры. Однако в некоторых институтах отсутствие квалифицированных специалистов в области спорта не позволяло полностью укомплектовать их штат. Сформировать полноценные кафедры стало возможным в 1932 г. после издания приказа Народного комиссариата просвещения РСФСР о создании военных кафедр в высших учебных заведениях страны. Многие педагогические вузы шли по пути объединения физкультурной и военной кафедры в одну — военно-физкультурную. В каждом институте открывались специализированные кабинеты физической культуры и военного дела. В них находился спортивный инвентарь, военное снаряжение, а также наглядные пособия, киноплёнки и диапозитивы, демонстрировавшиеся на учебных занятиях.

В 1934–1938 гг. вышел ряд постановлений Правительства и Всесоюзного комитета по делам физической культуры и спорта, которые усиливали внимание к развитию физкультуры. По мнению историка физической культуры и спорта Т. В. Сарычевой, «переломным в организации физической культуры в учебных заведениях стал 1934 г., когда была проведена Всесоюзная научно-методическая конференция, определившая пути развития физкультурной работы в высшей и средней школах» [2: 32] и наметившая примерные программы по преподаванию физической культуры. Теперь студенты высших учебных заведений должны были овладеть теоретическими знаниями в области физической культуры и спорта, а также практическими умениями и навыками в гимнастике, легкой атлетике, спортивных играх. Учебный план по физическому воспитанию того времени предусматривал для всех курсов занятия по 2 ч в неделю, а также дополнительные мероприятия: ежедневная утренняя зарядка по 15 мин для всех курсов и организация физкультурно-массовых мероприятий. В зависимости от возможностей высшего учебного заведения, наличия спортивных сооружений создавались спортивные

секции, проводились соревнования. Кроме этого, воспитанники обучались навыкам судейства спортивных соревнований по отдельным видам спорта, а также имели возможность получить свидетельства общественных инструкторов. Таким образом, программа обучения давала основные знания по проведению уроков физкультуры в начальных и средних школах и по организации спортивно-массовой работы в городской и сельской местности.

Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О работе высших учебных заведений и о руководстве высшей школой» 1936 г. предписывало директорам вузов «следить за физическим воспитанием и состоянием здоровья студентов и принимать меры к приведению в образцовое состояние студенческих общежитий с обеспечением в них безукоризненной чистоты и всех необходимых санитарно-гигиенических условий»².

В марте 1937 г. вышел Приказ Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР «О программе по физической культуре для вузов Союза ССР», значительно расширивший программы по физической культуре для учительских институтов.

Целью новой программы являлось «воспитание здоровых, всесторонне развитых строителей социалистического общества, готовых к труду и обороне»³. В этой связи учебные планы пединститутов отражали задачи подготовки студентов к военной и трудовой деятельности. Так, теоретический курс по обучению физической культуре включал в себя: сведения о задачах физкультурного движения в СССР и деятельности Всесоюзного комитета по делам физической культуры и спорта; знания по истории и методике отдельных видов спорта; оказание первой медицинской помощи при несчастных случаях, основы физкультурного самоконтроля и др. Освоение практической части программы включало не только посещение занятий по физкультуре, но и обязательную сдачу норм ГТО I ступени и нормативов по гимнастике и лыжам II ступени. Программа также предусматривала введение обязательного медицинского осмотра (два раза в год). С этого времени в штат институтов вводилась должность врача. Особое внимание в программе уделялось развитию массово-оздоровительной работы среди студенчества, для чего необходимо было организовывать лыжные вылазки за город во внеучебное и каникулярное время, водные прогулки на лодках, пешие экскурсии в лес, массовые карнавалы на льду⁴.

Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О днях самостоятельных занятий, оценке успеваемости и преподавании физической культуры в высших учебных заведениях СССР» (апрель 1938 г.) обязывало преподавателей физической культуры не только заниматься проведением учебных занятий и внеучебной массовой работой, но и обязательной организацией утренней зарядки со студентами в общежитиях [1: 141].

В начале 1930-х гг. были утверждены учебные программы по обучению военному делу. Военная подготовка предусматривала 118 ч теоретической и 104 ч практической подготовки в военно-спортивных лагерях. Данная программа имела целевую установку на подготовку бойца, умеющего действовать в разных боевых условиях и приобретение студентами знаний военного дела в рамках, необходимых для педагога средних школ. Много учебного времени уделялось теоретическому курсу, в котором освещались вопросы по истории гражданской войны в России, по изучению военной техники и противовоздушной и противохимической обороне⁵.

В ноябре 1936 г. учебная программа по военной подготовке подверглась значительным изменениям. Теоретический курс занятий в зависимости от статуса вуза теперь составлял 430–580 ч. В нем уделялось большое внимание

идейно-политической работе со студентами. В программу входили политзанятия по организации Красной армии, строевая подготовка, военно-химическое дело, топография, стрелковая подготовка. Из теоретической части программы исключались темы по военной истории СССР, а за счет этого расширялся курс лекций по противохимической обороне тыла.

Учебные военные сборы студентов продолжительностью 3–4 месяца проходили на базе воинских частей. По завершению сборов студенты сдавали экзамен и зачислялись в запас командиров среднего звена [3: 133]. В 1938 г. в высших учебных заведениях вводилась проверка знаний студентов по истории Красной армии, топографии, тактической подготовке, противохимической обороне и стрелковому делу [4: 107].

Усиление военной подготовки в 1930-е гг. во всех учебных заведениях страны объяснялось нарастанием военной угрозы. В этой связи подчеркивалась особая значимость приобретения студентами военно-прикладных навыков. Основу и содержание занятий по физической культуре этого времени составляли военно-прикладные виды: стрельба, рукопашный бой, метание гранаты.

Создание Карельского педагогического института в городе Петрозаводске

Вопрос об открытии в столице Карелии Петрозаводске педагогического института был инициирован наркомом просвещения АКССР И. П. Гришкиным. В своей докладной записке в Коллегию Народного комиссариата РСФСР в 1930 г. он обратил внимание на большой дефицит педагогических кадров в Республике и указал, что для нормальной работы учебных заведений Республики необходимо иметь 808 учителей. Тем не менее в Карелии фактически в 1929/1930 учебном году работало 233 педагога, при этом большинство из них не имело педагогического образования [4: 52]⁶.

Данная проблема рассматривалась на заседании секретариата Карельского обкома ВКП(б) 3 августа 1931 г., а 24 августа 1931 г. вышло в свет Постановление Совета народных комиссаров АКССР «Об организации Карельского педагогического института». В нем говорилось о создании с 1 ноября 1931 г. физико-технического отделения для 60 студентов Карельского педагогического института.

Торжественное открытие первого высшего учебного заведения в Карелии состоялось 8 ноября 1931 г. Об этом знаменательном событии в газете «Красная Карелия» была опубликована заметка корреспондента газеты А. Терентьева⁷. Автор подробно осветил митинг, на котором присутствовали первые лица Республики: Э. А. Гюллинг, председатель Совета народных комиссаров, Кривошеев, член Областного комитета РКП(б) и директор института И. А. Викхо, а также преподаватели и студенты. В этот день были организованы вечерние мероприятия с участием артистов драматического театра и учащихся финской девятилетней школы.

Первые студенты набирались без вступительных экзаменов по разверстке Наркомпроса — по два-три человека от каждого района Республики, из которых $\frac{3}{4}$ являлись коммунистами и комсомольцами. С середины 1930-х гг. вводились вступительные экзамены, однако их могли сдать не все абитуриенты. Например, в 1935 г. 45 % новых студентов были зачислены с неудовлетворительными оценками на вступительных экзаменах [5: 560].

В 1933 г. в педагогическом институте действовало уже четыре факультета: биологический (естествознания), исторический, физико-математический и филологический, на каждом из них имелись русское и финское отделения, созданы кафедры общественно-политических дисциплин, педагогики и педологии, математики и физики, биологии и химии, военно-физкультурная. В 1934 г. при институте открыли педагогический рабфак (рабочий факультет).

В первые годы своей деятельности учительский институт испытывал значительные трудности: недостаток в помещениях и отсутствие желающих обучаться в высшем учебном заведении, а также низкую подготовку абитуриентов. Так, в 1931 г. вместо 60 чел. было принято только 48. План приема студентов впервые удалось выполнить только в 1938 г.

В декабре 1935 г. КГПИ реорганизовали в Карельский государственный педагогический и учительский институт. В марте 1940 г. КГПИ и учительский институт переименовали в Карело-Финский государственный педагогический и учительский институт, который в сентябре 1940 г. преобразован в Карело-Финский (позднее Петрозаводский) государственный университет. Из состава педагогического института был выделен Карело-Финский учительский институт (КФУИ).

Преподавание физической культуры в Карельском педагогическом институте

В 1931 г. в курс обучения студентов института был введен курс физического воспитания. Первым и единственным преподавателем физической культуры в институте стал И. Митягин (1931–1932). Он преподавал этот предмет для студентов всех четырех факультетов.

Военно-физкультурная кафедра была создана в 1932 г. в составе двух человек: военрука М. Н. Гурьева и преподавателя физической культуры С. М. Кокко. Кафедра осуществляла физическое и военное обучение студентов, проводила массовые мероприятия и соревнования по спортивным и военно-прикладным видам.

Судя по архивным документам, студенты КПИ в 1930-х гг. во время сессии сдавали разные предметы. Например, в «Семестровых характеристиках работы студентов» [зачетных книжках. *Е. К.*] физико-технического отделения в 1931 г. указывалось 14 учебных предметов, необходимых для сдачи во время экзаменационной сессии: политэкономика, педагогика, педология, математика, физика, химия, организация и рационализация производства, технология дерева, технология металла, немецкий язык, финский язык, русский язык, английский язык, физкультура⁸.

Постановка учебной работы по физической культуре в институте, по сведениям отчетов директоров о работе Карельского педагогического института за 1930-е гг., была неудовлетворительной по причине отсутствия спортивного зала и нехватки квалифицированных специалистов. Ежегодное увеличение численности студентов в институте влияло на существенное возрастание объема учебной нагрузки для преподавателей военно-физкультурной кафедры

В этой связи выполнение программы по физкультуре в полном объеме не представлялось возможным. Значительное количество аудиторных часов, деятельность по организации спортивных секций, проведение соревнований, подготовка спортивных команд для участия в республиканских и всесоюзных состязаниях требовали наличия нескольких штатных единиц. Архивные документы свидетельствуют об отсутствии занятий по физкультуре из-за большой загруженности преподавателей. Часто неиспользованные учебные часы по физкультуре передавали на расширение курсов других предметов. Так, в 1935 г. 22 ч из курса физической культуры были переданы на ведение методики и практики преподавания химии на биологическом факультете⁹.

Архивные документы показывают, что на основе новой учебной программы по физической культуре (1937) в Карельском педагогическом институте для обучения были выбраны гимнастика, легкая атлетика и лыжи, при этом большая часть учебного времени — 68 ч (42,5 %) уделялась гимнастике.

Одной из проблем преподавания физической культуры были пропуски студентами занятий по физкультуре. Преподаватели постоянно контролировали посещаемость. В своих отчетах о проделанной работе они отмечали количество пропущенных занятий, численность студентов, не выполнивших спортивные нормативы, называли фамилии злостных прогульщиков. Например, в «Отчете о физической культуре в педагогическом институте за 1937/1938 учебный год» преподавателя В. И. Ходотова отмечалось, что студентами литературного факультета Фадерманом, С. Федоровым, Зольденбергом, Шоболовой было пропущено 182 ч занятий по физкультуре¹⁰. В архивных документах не сохранилось информации о мерах, которые применялись к студентам, пропускающим без уважительной причины учебные занятия.

Первым спортивно-оздоровительным мероприятием кафедры стала утренняя зарядка. В апреле 1933 г. в институте «в целях оздоровления жизни и быта студенчества» вводилась ежедневная утренняя зарядка для студентов, проживающих в общежитии. Ответственным за ее проведение был назначен физруководитель С. М. Кокко. От зарядки освобождались студенты, живущие в городе, или по заключению врача института [4: 62].

Для привлечения студентов к участию в спортивных состязаниях дирекция института применяла различные поощрительные меры. Так, в 1937 г. для активизации студентов в первом кроссе были назначены премии: за I место — в размере месячной стипендии, за II место — 50 % месячной стипендии и за III место — в размере 1/3 месячной стипендии, студенческая группа, занявшая I место по численности участников — бесплатным культпоходом в театр [4: 93]. Здесь необходимо заметить, что с 1937 г. в институте устанавливались новые стипендии в размере: на I курсе — 90 руб., на II курсе — 106, 131, 135 руб., на III курсе — 116, 125 руб., на IV курсе — 125, 145, 155, 180 руб. Суммы варьировались в зависимости от сдачи экзаменов, а также участия в общественной жизни института [4: 95]. Несомненно, такие премии являлись неплохим пополнением бюджета студентов и способствовали вовлечению их в спортивную жизнь института.

Позднее за лучшие результаты в личном первенстве по институту наиболее отличившихся студентов стали премировать ценными подарками. Так, в марте 1941 г. студенты, показавшие лучшие результаты в индивидуальной лыжной гонке: В. А. Манниев, Н. Ф. Балашов, Н. И. Калинин, К. А. Воронцова были награждены такими призами [4: 133].

Какие же спортивные традиции зародились в 1930-е гг. и продолжились до настоящего времени?

Эффективной формой внеучебной физкультурной работы в институте и средством вовлечения молодежи в занятия спортом были различные формы спортивных состязаний, ставшие в дальнейшем традиционными.

Внутриинститутские состязания

В первую очередь это внутриинститутские спартакиады, которые явились новой формой спортивно-массовой работы. Военно-физкультурная кафедра разработала «Положение о спартакиаде Карельского педагогического института», где указывалась цель ее проведения: «поднятие физкультурной работы, вовлечение студенчества в физкультурный коллектив, мобилизация студенчества на овладение техникой по противовоздушной обороне, комплексом ГТО I и II ступени и на повышение спортивной техники» [4: 89]. В 1937 г. в педагогическом институте провели первую межфакультетскую спартакиаду по программе: противохимическая оборона (ПВХО), лыжи, гимнастика, коньки и легкая атлетика (прыжки с места).

С 1938 г. ежегодно проводились первенства института по различным видам спорта, на которых студенты сдавали нормы ГТО и получали судейскую квалификацию. Согласно программе преподавания физической культуры (1937), соревнования проводились по стрельбе, лыжам и легкой атлетике. Самыми популярными в это время были соревнования по стрельбе из мелкокалиберной винтовки и револьвера, которые проводили несколько раз в год. Лучшими стрелками в 1938 г. являлись студенты Лукин, Александровский и Вилаев¹¹.

Состязания по легкой атлетике (прыжки в длину, бег на 1000 и 500 м) проводились летом. В 1938 г. в них принимало участие 40 студентов. Чемпионами этого легкоатлетического первенства стали: по прыжкам длину — Егоров с результатом 5 м 45 см, в беге на 1000 м среди мужчин — Лесонен, в беге на 500 м среди женщин — Чеснокова¹².

По военной подготовке, кроме стрельбы из винтовки, для студентов были организованы состязания по противохимической и противовоздушной обороне. В феврале 1939 г. на таких состязаниях первое командное место занял исторический факультет в составе студентов: Тарасова, Микшиева, Мулло, Клементьева и Хайкка. Команде вручили переходящее знамя по оборонной работе. Интересно, что за активность, проявленную в оборонной работе студентов, были премированы ценными подарками и преподаватели исторического факультета В. В. Берестнева, В. В. Гравит, К. О. Синисало и Мина [4: 113].

Общегородские и республиканские соревнования

По итогам внутриинститутских соревнований составлялись команды для участия в республиканских соревнованиях. Судя по архивным документам и материалам периодической печати, сборные команды педагогического института в общегородских соревнованиях стали принимать участие с 1934 г. Так, в 1934 г. команда института принимала участие в соревнованиях по стрельбе, заняв III место¹³.

В 1935 г. женская команда педагогического института принимала участие в чемпионате Карелии по волейболу. 12 мая этого же года 30 студентов (8 юношей и 22 девушки) участвовали в легкоатлетическом кроссе имени Н. М. Шверника по улицам г. Петрозаводска. Отметим, что среди призеров этих состязаний был представитель студенческой команды Вартияйнен, занявший II место, а студент Вейколайнен занял V место среди 150 мужчин участников этого забега. Среди девушек хорошие результаты показали студентки Харламова, Федорова, Лазарева, Ступпунен, Кириллова¹⁴. 8 ноября этого же года на таком же легкоатлетическом кроссе Вартияйнен стал чемпионом, а сборная команда института в общекомандном зачете заняла III место¹⁵.

В 1936 г. на Всекарельских лыжных соревнованиях учебных заведений команда пединститута заняла III место, уступив лыжникам педтехникума и драмтехникума [6: 37].

Публикации в республиканском журнале «Красный страж» иллюстрируют участие студентов КПИ в спортивных городских соревнованиях 1936 г. Так, в феврале и марте студенты Куннер, Катияйнен, студентки Алексеева и Мелентьева принимали участие в лыжных соревнованиях между вузами и техникумами, где стали призерами, а в общем зачете команда пединститута на февральских соревнованиях заняла II место, уступив первенство команде лыжников Петрозаводского драматического техникума. В первомайской эстафете по улицам г. Петрозаводска в этом же году I место заняла команда «Динамо», II — команда педагогического техникума, а III место — команда пединститута¹⁶.

В 1937 г. стрелковые команды института участвовали в четырех республиканских соревнованиях по стрельбе и в трех из них заняли I место. В 1938 г. студенты хорошо выступили на шахматно-шашечном турнире и на первенстве Карелии по легкой атлетике. В сборную по легкой атлетике вошли студенты Егоров, Савельев и другие победители внутриинститутских соревнований¹⁷. Команда педагогического института показала лучший результат в республиканских соревнованиях по ПВХО¹⁸.

Всесоюзные соревнования

Спортивные команды Карельского педагогического института также принимали участие во всесоюзных соревнованиях. В 1937 г. студенты института под руководством В. И. Ходотова впервые приняли участие в соревнованиях на первенстве Наркомпроса РСФСР по спортивной гимнастике в Москве, а в 1938 г. — на всесоюзных химических соревнованиях ЦС ОСОВИАХИМа.

Следует отметить, в сохранившихся архивных документах не содержится информации о конкретных фамилиях и именах членов сборных студенческих команд педагогического института, участвовавших во всероссийских соревнованиях. Мы располагаем только сведениями о победах институтских спортсменов во всесоюзном первенстве по стрельбе среди педагогических институтов, где мужская команда заняла I место, а женская — III место,

Многодневные лыжные переходы занимали особое место в отечественной истории физкультуры и спорта. Они в большей степени способствовали развитию массового лыжного спорта и служили средством пропаганды политических мероприятий, проводимых в стране. Перед участниками ставились задачи по определению режима марша, физических возможностей участников похода, типов лыж для длительных переходов, необходимой обуви, одежды и снаряжения. В таких походах проводилась пропаганда массового лыжного спорта среди сельского населения.

Студенты Карельского педагогического института в 1930-е гг. являлись активными участниками таких многодневных лыжных походов. Первый студенческий пеший переход по территории Карелии проведен в 1936 г. Участники во время прохождения маршрута занимались исследовательской работой по изучению истории родного края, знакомились с местами боевых действий времен Гражданской войны и, проводя беседы с местными жителями, делали записи карельского фольклора.

Ежегодно численность лыжных походов увеличивалась. Если в 1936 г. провели только 1 переход, то за 1937 г. — 5 таких мероприятий: лыжный поход к местам боев Гражданской войны (27 чел.), военизированный поход с оркестром в противогазах на 3 км (217 чел.), лыжные походы на 50 км (10 чел.) и 48 км (5 чел.) в противогазах [4: 104, 113].

В 1938 г. студенты-лыжники принимали участие в «большой лыжной гонке» по маршруту Петрозаводск – Кондопога – Петрозаводск, организованной республиканским Комитетом по делам физкультуры и спорта. В этом же году было проведено 2 массовых похода на лыжах в противогазах в ознаменование XX годовщины РККА на 10 км (165 чел.) и на 70 км (10 юношей и 11 девушек), а также ночной военизированный поход с проработкой тактических задач (213 чел.)¹⁹.

В 1937 г. было создано спортивное общество «Учитель», в рамках которого проводились дополнительные физкультурные и тренировочные занятия со студентами и преподавателями вуза, а также педагогами городских школ.

Важным направлением в учебной программе по военной подготовке являлась организация военных летних лагерей. Ежегодный учебный лагерь для студентов педагогического института проводился в июне – августе в с. Пески. Как правило, студенты факультета естествознания находились в лагере в июне, а воспитанники математического и исторического факультетов — в августе. Для успешного прохождения практических занятий студентов разбивали на 3 группы: взвод инструкторов стрелкового спорта (3 отделения), роту инструкторов ПВХО (2 взвода по 3 отделения), роту санитарных инструкторов (2 взвода по 3 отделения). Студенты, которые по заключению врача не могли принять участие в военных сборах, занимались подготовкой сдачи нормативов по программе ГТО II ступени непосредственно в институте [4: 101]. К 1940 г. все студенты педагогического института, представители мужского пола, проходили военную подготовку.

Таким образом, в 1930-е гг. шло становление и развитие физического воспитания в системе высшего образования на территории Советского Союза. В Карельском педагогическом институте в 1932 г. была создана военно-физкультурная кафедра. Преподаватели физического воспитания не только проводили учебные занятия, но и занимались спортивно-массовой и физкультурно-оздоровительной работой. Для приобщения студентов к занятиям физической культурой применялись различные формы: введение утренней зарядки, организация кружковой работы, участие в спортивных соревнованиях, поощрительные меры к участникам и призерам состязаний. Деятельность по спортивному совершенствованию студентов позволила сформировать сборные команды института для участия в соревнованиях различного ранга. Однако проблемы, связанные с отсутствием спортивного зала, обустроенной площадки для физкультурных занятий, инвентаря значительно снижали уровень преподавания учебного предмета и вызывали нежелание студентов старших курсов заниматься физическими упражнениями и спортом.

Примечания

¹ Национальный архив Республики Карелия (далее НА РК). Ф. Р-1168. Оп. 3. Д. 1/5. Л. 8.

² О работе высших учебных заведений и о руководстве высшей школой: Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 23 июля 1936 г. // Документы советской военной школы. 1917–1943 гг. URL: http://artofwar.ru/k/kamenew_anatolij_iwanowich (дата обращения: 05.09.2021).

³ НА РК. Ф. Р-1168. Оп. 1. Д. 9/74. Л. 2.

⁴ Там же.

⁵ НА РК. Ф. Р-1168. Оп. 3. Д. 6/52. Л. 52.

⁶ Карельский государственный педагогический университет в цифрах и фактах... С. 52.

⁷ Терентьев А. Открыт первый Карельский ВУЗ — национальный пединститут // Красная Карелия. 1931. 11 ноября.

⁸ НА РК. Ф. Р-1168. Оп. 3. Д. 1/5. Л. 2.

⁹ НА РК. Ф. Р-1168. Оп. 3. Д. 4/37. Л. 23 об.

¹⁰ НА РК. Ф. Р-1168. Оп. 3. Д. 9/74. Л. 1.

¹¹ НА РК. Ф. Р-1168. Оп. 3. Д. 13/118. Л. 55.

¹² Орлов К. Соревнования по легкой атлетике // Красная Карелия. 1938. 15 июня.

¹³ Что показали общегородские соревнования по стрельбе // Красная Карелия. 1934. 21 октября.

¹⁴ НА РК. Ф. Р-1168. Оп. 1. Д. 2/34. Л. 2.

¹⁵ Итоги кросса // Красная Карелия. 1935. 13 ноября.

¹⁶ Лыжные соревнования вузов и техникумов в Петрозаводске // Красный страж. 1936. № 6. С. 23; Студенты-спортсмены // Красный страж. 1936. № 3–4. С. 36.

¹⁷ В-ий Ф. Соревнования легкоатлетов // Красная Карелия. 1938. 20 июня.

¹⁸ Орлов К. Закончены городские химические соревнования // Красная Карелия. 1938. 28 ноября.

¹⁹ НА РК. Ф. Р-1168. Оп. 3. Д. 13/118. Л. 54.

Список литературы

1. Физическая культура и спорт в СССР / под ред. Г. Б. Хотянова. М.: Физкультура и спорт, 1967. 178 с.
2. Сарычева Т. В. Советская система физической культуры как социокультурный феномен XX века (на примере Западной Сибири, 1920–1991 гг.). Томск: Печатная мануфактура, 2019. 695 с.
3. Иовлев А. М. Деятельность КПСС по подготовке военных кадров. М.: Воениздат, 1976. 238 с.
4. Калинин Р. П. Карельский государственный педагогический университет в цифрах и фактах. I. Исторические хроники. Петрозаводск: Изд-во КГПУ, 2006. 420 с.
5. История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск: Периодика, 2001. 944 с.
6. Лыжный спорт в Карелии /сост. А. Ф. Типсин, А. М. Ершов, П. И. Петров. Петрозаводск: Изд-во КГПА, 2013. 220 с.

References

1. *Fizicheskaya kul'tura i sport v SSSR* [Physical culture and sport in the USSR]. Moscow, Fizkul'tura i sport, 1967, 178 p. (In Russ.).
2. Sarycheva T. V. *Sovetskaya sistema fizicheskoy kultury kak sotsiokulturnyj fenomen XX veka (na primere Zapadnoj Sibiri, 1920–1991 gg.)* [The Soviet system of physical culture as a socio-cultural phenomenon of the XX century (on the example of Western Siberia, 1920–1991)]. Tomsk, Pechatnaya manufaktura, 2019, 696 p. (In Russ.).
3. Iovlev A. M. *Deyatel'nost' KPSS po podgotovke voennykh kadrov* [The activities of the CPSU for the training of military personnel]. Moscow, Voenizdat, 1976, 238 p. (In Russ.).
4. Kalinin R. P. *Karel'skij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet v cifrah i faktah 75 let: I. Istoricheskie hroniki* [Karelian State Pedagogical University in figures and facts 75 years: I. Historical chronicles]. Petrozavodsk, KGPU, 2006, 420 p. (In Russ.).
5. *Istoriya Karelii s drevnejshih vremen do nashih dnei* [History of Karelia from ancient times to the present day]. Petrozavodsk, Periodika, 2001, 944 p. (In Russ.).
6. *Lyzhnyj sport v Karelii* [Skiing in Karelia]. Petrozavodsk, Izd-vo K GPA, 2013, 220 p. (In Russ.).

Сведения об авторе

Е. А. Калинина — доктор исторических наук, профессор кафедры теории и методики физического воспитания Института физической культуры, спорта и туризма Петрозаводского государственного университета.

Information about the author

E. A. Kalinina — Doctor of Sciences (History), Professor of the Institute of Physical Culture, Sports and Tourism of the Petrozavodsk State University.

Статья поступила в редакцию 01.10.2021; одобрена после рецензирования 07.10.2021; принята к публикации 08.10.2021.

The article was submitted 01.10.2021; approved after reviewing 07.10.2021; accepted for publication 08.10.2021.

Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 21. 2021. Т. 12, № 4. С. 104–125.

Transactions of the Kola Science Centre. Humanitarian studies. Series 21. 2021. Vol. 12, no. 4. P. 106–125.

Научная статья

УДК 902.3"953"(470.21)

DOI: 10.37614/2307-5252.2021.4.21.008

ВАЛУННЫЕ ЯМЫ БЕЛОМОРЬЯ

Марк Михайлович Шахнович

*Центр гуманитарных проблем Баренц региона ФИЦ КНЦ РАН, Апатиты, Россия
marksuk62@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0771-675X>*

Аннотация

Цель статьи — введение в научный оборот малоизвестных и дискуссионных объектов из камней, обнаруженных при наших полевых изысканиях в 2019 г. на Терском берегу Белого моря около реки Хлебная. Памятник состоит из 27 валунных сложенных четырех типов: кольцевидных выкладок с углублением в центре — валунных ям (24), «сейда», «кучи», плоского валуна с уложенными на него камнями. Валунные ямы в границах РФ встречаются прибрежной зоне Западного и Северного Беломорья и Баренцева моря. Распространение таких объектов отмечается в Финмаркене и Финской Лапландии и соотносится с ареалом исторического расселения локальных групп саамов. Мы склоняемся к интерпретации «валунных ям» как объектов, связанных с нехристианской культовой практикой, возможно, погребального характера.

Ключевые слова:

Терский берег Белого моря, валунные ямы, погребальный обряд, Средневековье

Финансирование

Работа выполнена в рамках выполнения госзадания по теме НИР № 0226-2019-0066.

Благодарности

Выражаю признательность за консультации коллегам О. В. Кардашу, П. Уйно, Э. Суоминену, Т. Аикас, В. Аделью, К. Нордквисту, Т. Карьялайнену, В. Н. Карманову, А. В. Волокитину, А. Я. Мартынову, С. В. Гусеву, А. М. Мурыгину, Я. А. Яковлеву, Ю. Н. Рыбакову.

Для цитирования: Шахнович М. М. Валунные ямы Беломорья // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 21. 2021. Т. 12, № 4. С. 104–125. <http://dx.doi.org/10.37614/2307-5252.2021.4.21.008>.

Original article

BOULDER PITS OF THE WHITE SEA REGION

Mark M. Shakhnovitch

*Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre of RAS, Apatity, Russia
marksuk62@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0771-675X>*

Abstract

The purpose of the article is to introduce into scientific circulation little-known and controversial objects made of stones discovered during our field surveys in 2019 on the Tersk Coast of the White Sea near the Khlebnaya River. The monument consists of 27 boulder structures of four types: ring-shaped layouts with a recess in the center — boulder pits (24), "seid", "pile", a flat boulder with stones laid on it. Boulder pits within the borders of the Russian Federation are found in the coastal zone of the Western and Northern White Sea regions and the Barents Sea. The distribution of such objects is noted in Finnmark and Finnish Lapland and correlates with the area of historical settlement of local Sami groups. We tend to interpret the "boulder pits" as objects associated with non-Christian cult practices, possibly of a funerary nature.

Keywords:

Tersk Coast of the White Sea, boulder pits, funeral rite, Middle ages

Funding

The article was supported by the federal budget to carry out the state task of the FRC KSC RAS No. 0226-2019-0066.

Acknowledgments

The autor expresses his sincere gratitude to O. V. Kardash, P. Uino, E. Suominen, T. Aikas, V. Adel, K. Nordqvist, T. Karjalainen, V. N. Karmanov, A. V. Volokitin, A. Ya. Martynov, S. V. Gusev, A. M. Murygin, Ya. A. Yakovlev, Yu. N. Rybakov for consultations.

For citation: Shakhnovitch M. M. Boulder pits of the White Sea Region // Transactions of the Kola Science Centre. Humanitarian studies. Series 21. 2021. Vol. 12, no. 4. P. 104–125. <http://dx.doi.org/10.37614/2307-5252.2021.4.21.008>.

Введение

Огромная территория Мурманской области к настоящему времени археологами изучена незначительно. С 1940-х гг. разведками преимущественно обследовались локальные участки в приустьевых зонах рек и заливов по побережью Баренцева и Белого морей, где отмечается высокая концентрация разновременных объектов археологии. В континентальных районах работы проводились эпизодично и рекогносцировочно. Раскопками исследовано небольшое число памятников, в основном относящихся к различным археологическим эпохам дописьменного периода. Полные научные публикации материалов раскопок единичны.

Целенаправленный и углубленный поиск памятников периода Средневековья в Русской Лапландии в полной мере не осуществлялся и проводился эпизодично, преимущественно на западном и северном побережьях Белого моря и только около устьев рек [1, 2]. Поэтому любая новая информация, полученная при профессиональных работах, способствует заполнению «белых пятен» истории Кольского Севера последнего тысячелетия.

Цель данной публикации — введение в научный оборот результатов полевых работ автора на Терском берегу Белого моря в 2019 г. Объектом изучения стали выразительные, но малоизвестные и потому во многом дискуссионные объекты из камней — валунные ямы. Статья продолжает наши изыскания по аналитике валунных сложений Восточной Фенноскандии [3–7].

История изучения

Своеобразные, хорошо заметные валунные ямы попадали в поле зрения, наверно, всех исследователей, последние сто пятьдесят лет изучавших древности Беломорья и Русской Лапландии. А. И. Кельсиев в 1877 г., путешествуя по центральным районам Кольского полуострова, упоминает «чудские ямы»¹. В 1907 г. К. П. Рева на острове Бережной Кельяк (Кемские острова) обследовал «погребальное сооружение хорошей кладки и лопарские ямы» [9]. И. М. Мулло при работах в 1968–1970 гг. на островах Русский Кузов, Средний и Жилой (архипелаг Кузова) описывает овальные ямы на «валунных полях», которые считал «следами от древних летних жилищ» [10: 76]. В 1970–1990-х гг. А. А. Куратов и А. Я. Мартынов фиксировали на Соловецком архипелаге вместе с разнообразными «выкладками и насыпями» из валунов «круглые впадины, окруженные каменными валами» [11: 31, 12: 198]. В начале XXI в. экспедиция ИЯЛИ КНЦ РАН на западном побережье и островах Белого моря (архипелаг Кузова, острова Большой Жужмуй, Пурналок, Соностров) нашла более 100 различного вида и, вероятно, разного назначения ям [13]. Опубликованная информация о данном виде каменных сложений не выходила за рамки фиксации их основных метрических характеристик и лаконичных версий о возможном назначении.

Общее описание

В полевой сезон 2019 г. на Терском берегу Белого моря, около реки Хлебной, зафиксирована интересная группа из 27 валунных сложений. Традиционно она получила название по ближайшему гидротопониму — Хлебная I. На памятнике, представляющем единый комплекс, отмечены 4 типа сооружений из камней: кольцевидные выкладки с углублением в центре (24), «сейд», «куча», плоский валун с уложенными на него камнями.

Валунные выкладки на реке Хлебной хорошо заметны в береговом рельефе и, несомненно, были известны местным старожилам.² Причина, почему они ранее не привлекли внимание специалистов³, — это слабая археологическая изученность региона вообще и данного участка побережья в частности и, конечно, «следствие установочной зауженности целевых рамок работавших экспедиций»⁴. Расстояние от южного края памятника (сложение 1) до моря (отлив) — 1,1 км к югу, до пляжа — 0,54 км к югу, до реки — 0,2 км к востоку.

Около реки Хлебной обширный прибрежный склон валунника образовался в процессе формирования Белого моря в период финального ледниковья и начального этапа послеледниковья [16]. Поверхность каменистого участка берега поросла крупным сосняком. Почва хорошо дренируется. Дерновый покров и песчаный грунт отсутствуют и плотный слой окатанных камней находится непосредственно под мхом. Соответственно, нет культурных напластований в традиционном понимании, что сужает возможности применения археологических методик.

Сооружения начинают встречаться в 60 м к северу от края четвертой морской террасы, а ниже, на третьей песчаной террасе, судя по наличию отщепов кварца на обнажениях грунта, находится стоянка эпохи мезолита. Площадь выходов валунника на данном участке правого берега реки Хлебная значительна, около 15 га (0,5 x 0,3 км), но сложения «жмутся» друг к другу, локализуясь в 3 группах, только в южной части каменистого склона. Нельзя утверждать, что кладки как-то «увязаны» с ближайшим источником пресной воды (река). Определенная логика и система в их размещении на местности, наверно, существует, но определить ее, не понимая назначения сложений, затруднительно (рис. 1).

Рис. 1. Хлебный I. Валунная яма 18

Несмотря на близость к недавним вырубкам, комплекс выгодно отличается от многих памятников археологии Терского берега хорошей сохранностью. Сооружения воспринимаются как не потревоженные. Следы очевидных разрушений (естественное осыпание, вандализм), подновлений или перестройки отсутствуют, система конструкции (форма, размеры, характер кладки) легко «читается», расчистка камней от грунта не требуется. Следы на камнях от термического воздействия, обработки (подтеска, раскалывание) не отмечены.

Опираясь на накопленный за двадцать лет опыт раскопок валунных сложений, работа с каждым объектом в 2019 г. велась по разработанному «протоколу», задача которого — максимально подробное описание комплекса в целом и каждого сооружения по отдельности. Снят и подготовлен топографический план памятника с использованием тахеометра.

Комплекс можно разделить на 2 условных группы: западную и восточную, которые, на наш взгляд, не только разнесены на местности, но имеют и определенные качественные различия.

В восточную группу (1) отнесены сложения № 1–10, 26. Сооружения вытянулись узкой полосой длиной около 200 м с запада на восток в нижней части скального склона на контакте с песчаной террасой, что типично для такого рода памятников. Площадь участка около 10 тыс. м². Кроме валунных ям (далее — в-я), в нее входят и другие оригинальные объекты из валунов: «сейд», «куча» и плоский валун с уложенными на него камнями. Опишем данные сооружения.

«Сейд» — это крупный валун (2,5 x 2 x 1,3 м), с южной стороны стоящий на камне-«ножке», который тоже имеет значительные размеры (0,55 x 0,35 м) (рис. 2).

«Куча» располагается в западной части участка 1, в 22 м к востоку от в-я № 2, с востока к ней примыкает в-я № 4. В плане округлой формы (3,7 x 3,2 м), верх — плоский, высота — 0,5 м, сложена из крупных камней в 2–3 ряда, в центре находятся более мелкие камни (до 0,25 м) (рис. 3).

Рис. 2. Хлебный I. «Сейд». Вид с востока.

Рис. 3. Хлебный I. «Каменный курган». Вид с запада

Плоский валун с уложенными на него камнями находится в 20 м к югу от в-я № 6. Его размеры — 2,7 x 2,1 x 0,4 м. На нем лежат 6 крупных камней (0,3 x 0,25 x 0,2 м), и 4 скатившихся камня располагаются с северной стороны. Полностью задернован (рис. 4).

Валунные ямы (10 шт.) неглубокие, с оформленными невысокими валиками из камней, внешний диаметр — 3–5 м. В одном случае (в-я № 5, 6) примыкают к одному плоскому камню.

Западная группа (2) находится в 83 м к западу от западного края группы 1 (в-я № 1). В нее предварительно включены в-я № 11–25. В-я № 11–16 и 20, 21 располагаются цепочкой с юга на север.

В-я № 17–19 и 22–24 располагаются в нижней части склона западнее в-я № 12 полосой протяженностью в 350 м, на удалении друг от друга в 50–70 м. Наверно, их следует рассматривать как группу 3.

Валунные ямы в целом единообразны и отличаются только общими размерами и тщательностью выкладки внешнего валика. Одно сложение (в-я № 22) примыкает к крупному валуну (рис. 5).

Рис. 4. Хлебный I. Плоский валун с уложенными на него камнями. Вид с севера

Рис. 5. Хлебный I. Валунная яма 22

Находки отсутствовали. Проведившееся выборочное обследование с помощью металлодетектора сложений на реке Хлебной и Сонострове не было результативным. В основном из-за того, что некоторые камни в своей структуре имели природные металлические включения, создающие «фон помех».

Предварительная реконструкция

Исследованные валунные ямы следует рассматривать как единый памятник, скорее всего, многократного использования. Они приурочены к одному участку рельефа и в дошедшем до нас состоянии имеют общие конструктивные особенности: одну технологию изготовления, простое единообразное устройство, сходную конфигурацию и линейные характеристики. Схематизм, произвольность, вариативность деталей при их создании минимальны. Морфология сложений может определяться технологическим процессом, особенностями эксплуатации или определенной смысловой моделью.

На этапе первичной классификации, в согласии с разработками коллег [17, 18], валунные ямы можно разделить на отдельно располагающиеся сложения и конструкции, примыкающие к большому валуну или к вертикальной стенке скального выхода (3 шт.). Возможна их группировка и по размерам. Рядом с масштабными сооружениями (внешний диаметр до 5,5 м) соседствуют «мелкие» ямы, практически поверхностные, с углублением в почву на один камень, с относительно небольшим внутренним объемом, но с обязательным невысоким круговым валиком. Несмотря на разноплановость объектов, следует говорить о существовании общей объединяющей идеи и, вероятно, об их относительной одновременности.

Валунные ямы имеют четкие, правильные очертания и состоят из двух обязательных конструктивных элементов: небольшого внутреннего заглубления в слой камней и выкладки-валика различной величины по окружности. Видимые следы раскрытия или разброски, которые остались бы при функционировании ям как «закрытых» объектов, не фиксируются.

Валы — замкнутые. Разрывы-«проходы» в них отсутствуют, нет и ровиков по внешнему периметру, и специально оформленных, примыкающих площадок. Они одноактно, старательно выкладывались из камней, вынутых при углублении в грунт или собранных рядом с сооружением. Большинство камней могли перемещаться физическими усилиями одного человека. Валик увеличивал общий объем и глубину ямы. Четко определить его назначение (стена, ограда или опора для некой деревянной конструкции) затруднительно.

Сооружения не делались на скальных поверхностях, то есть углубление в почву было важным элементом конструкции. Из-за крупных камней дно неровное и в большинстве случаев внутреннее заглубление в каменистый слой незначительно — в 1–2 камня. Форма дна зависит от размеров внутренней части ямы и, соответственно, по вертикальному профилю может быть чашевидной, усеченно-конусовидной или плоской. Все ямы в плане округлой формы, что не позволяет делать выводы об их ориентировке относительно сторон света или значимых ориентиров в рельефе (рис. 6).

Изначальный внешний облик сооружений реконструируется в большей мере на основании субъективных представлений о возможной их функции. Предположительно конструкция из камней могла дополняться какой-то деревянной постройкой, например, столбовым сооружением типа чума с берестяным покрытием-«крышей» или внешним срубом-рамой. Возможно, внутренняя полость выстилалась берестой или кожей.

Рис. 6. Хлебный I. Валунная яма 26.

Ареал

Поиск аналогий мы ограничим территорией арктической приморской зоны Северной и Северо-Восточной Европы.

Группа валунных ям на реке Хлебной не единственная в Беломорье [12: 88–90, 13, 19: 230–232]. Ближайший известный подобный памятник (12 ям) найдена в 2014 г. в 61 км к юго-западу от реки Хлебной на высокой каменистой террасе бухты Корабельной на южном берегу Чупинского залива (Лоухский район Республики Карелия). Но углубленное изучение этих сооружений не предпринималось (рис. 7). Есть единичные сообщения о подобных ямах и на северном побережье Кольского полуострова [20: 35].

Валунные ямы встречаются также в Финнмаркене, где соотносятся с ареалом исторического расселения локальных групп саамов. Характерно, что они располагаются как около берега моря, так и на существенном удалении от него (50–70 км) [21: 39–44].

Поиск аналогий среди этнографического и археологического материала к востоку от Кольского полуострова (арктическое морское побережье до реки Обь) не дал положительных результатов. Простые, выкопанные в грунте «мясные ямы» как способ хранения аборигенами добытого мяса и рыбы существовали, но они создавались в вечной мерзлоте, что качественно меняет их морфологические характеристики.

Рис. 7. Валунная яма. Чупинский залив Белого моря. Лоухский район (Республика Карелия)

Пока не ясно, отмеченная территориальная локализация — это отражение соотношения валунных ям с определенным этносом или следствие природного отсутствия подобных каменистых выходов к востоку от Белого моря. В настоящее время бытование практики создания таких сооружений в пределах РФ ограничивается прибрежной зоной Западного и Северного Беломорья и Баренцева моря

В процессе работы возникают три традиционных вопроса: кто, когда и зачем создавал валунные объекты на реке Хлебной?

Этнокультурная принадлежность

Прежде всего, остановимся на дискуссионной проблеме этнического состава обитателей (постоянных и сезонно мигрирующих в регион) Восточной Лапландии и Беломорья в Средневековье. По мнению автора, этнокультурная ситуация на обозначенной огромной территории уже не может восприниматься в рамках устоявшейся историографической парадигмы «саамы-лопь и новгородцы». Скудные исторические сведения и археологические данные позволяют предварительно говорить об этнической «мозаичности» заселения этих районов локальными общинами «лопарского племени» и «пришлыми» торгово-промысловыми корельскими, двинскими, северонорвежскими и финскими группами. Полнота и характер их контактов пока точно не определены. Предположительно, они не ограничивались военной и грабительской конфронтацией, преимущественно отразившейся в текстах, дошедших до нас, дипломатических актов и летописных сводов.

Существует устойчивое мнение, что каждый этнос Лапландии занимал свою специфичную природную и экономическую лауну. Действительно, мы наблюдаем характерные отличия в топографии размещения поселений, создании жилых, промысловых и хозяйственных сооружений, наборе сопутствующего инвентаря. Чем древнее рассматриваемый объект, тем более выразителен и оригинален комплекс его особенностей. В то же время длительное совместное проживание в регионе с суровыми арктическими условиями создает ситуацию многосторонней «полезной» инфильтрации в разных жизненных сферах: не только хозяйствования и быта, но и в духовной культуре, даже в таких консервативных областях, как погребальный обряд и сакральные практики. Прямолинейное «увязывание» тех или иных объектов и предметов с определенными этносами и последующее использование их в аналитической работе в качестве культуродиагностирующих маркеров должно основываться на основательной базе доказательств. В этом вопросе значимость археологических исследований трудно переоценить.

По аналогии с подобными объектами в Финнмаркене хотелось бы отнести валунные ямы Беломорья к общесаамскому кругу древностей, что, как упоминалось выше, не противоречит концепции, сформировавшейся у североскандинавских коллег и их современному восприятию местным населением северного берега Белого моря. Но «поставить точку» объективно мешают 3 обстоятельства.

1. Средневековые «саамские древности» Русской Лапландии в настоящее время исследованы минимально. Интерес к «развалинам лапландцев» среди российских археологов стал формироваться только в последнее время и остается на уровне сбора первичной информации об объектах, «попутно» найденных при основных научных изысканиях (в Мурманской области они преимущественно связаны с изучением периода каменного – раннежелезного веков). Пока так называемые «саамские памятники» Русской Лапландии — это обширная абстракция, не подкрепленная нужным объемом конкретного археологического материала.

2. Археологи отмечают отсутствие культурного единства в раннесаамской общности уже в период ее начального сложения [22: 47, 23: 210].

3. «Память народная» часто бывает удивительно короткой и фантазийной. При смене населения, без преемственности традиционного уклада мышления, сбор объективной информации об исторических памятниках или невозможен, или качественно затруднен. В настоящее время наблюдается полное забвение даже хорошо заметных исторических объектов или вольная их интерпретация.

Например, по информации жителей поселка Кереть (Лоухский район Республики Карелия), валунные ямы в районе Чупинского залива Белого моря, «по рассказам стариков», использовались еще в первой половине XX в. в качестве хранилищ для заготовленного на зиму ягеля, идущего на корм коровам и домашним оленям. Объемы требовались значительные: для оленей собирали 120–250 пудов ягеля на одну голову [24: 32]. Ягель растет медленно (3–5 мм в год), и восстановление пастбища после сезонного выпаса оленей происходит только через 25 лет. Таким образом, крупные, трудозатратные по созданию валунные сооружения при данном назначении являются практически «одноразовыми», с возможностью использования не более двух раз одним поколением. Кроме того, на Хлебной они располагаются группами, а не разбросаны по всей площади ягельников, что, вероятно, было бы удобнее при сборе корма на большой площади. В нашем комплексе присутствуют и небольшие, неглубокие, соответственно малопригодные для хранения ягеля ямы. Если такая практика хранения ягеля действительно существовала, то, скорее всего, в этом случае наблюдается пример вторичного использования этих древних сооружений в более позднее время.

Таким образом, на современном этапе изучения валунных ям Беломорья отсутствует объективный набор данных для конкретного заключения об этнической принадлежности создавших их коллективов.

Датирование

Отсутствие находок и культуросодержащих почвенных отложений создает ситуацию датирования валунных ям в широком временном диапазоне — от неолита до XX в. Тем более, что следы поселения каменного века (сборы кварцевых отщепов и скребков в обнажениях дороги) хорошо заметны на песчаной террасе, примыкающей к каменистому участку с ямами с юга.

На островах Кузовского архипелага (Жилой и Средний) И. М. Мулло отмечает, что валунные ямы расположены на нижней морской террасе, на высоте 2–4 м над уровнем моря [10: 76]. Это позволяет относительно датировать их периодом Средневековья.

Назначение

Важная и сложная исследовательская проблема — это определение назначения валунных ям. Простота их конструкций создает иллюзию легкости и однозначности культурной и функциональной трактовки данного вида археологических памятников, отсутствие основы для дискуссии. Их интерпретация, однако, на современном этапе изучения противоречива и спорна. Остановимся на существующих версиях о предполагаемом характере использования «каменных ям» — производственное, бытовое, сакральное, погребальное назначение, не исключая возможности совмещения функций (например, утилитарной нагрузки с культовой). Исходный тезис для этой работы: преднамеренно сделанное углубление в земле с наращенными стенками, увеличивающими его объем, подразумевает в качестве основной конструкционной идеи объекта создание емкости, куда помещался определенный «продукт».

Места хранения. Среди зарубежных коллег доминирует традиционное, сформированное этнографами мнение, что все валунные ямы многократно использовались для долговременного хранения запасов охотников на оленей (мяса и других продуктов) в течение года.

Например, в материковых районах горной тундры Финской Лапландии, удаленных от морского побережья и не располагающихся около нерестовых рек, встречаются так называемые «тайники для пищи» («the food cache» или «purnu»). Они устраивались на беслесных «валунных полях» на высоте 300–400 м над уровнем моря. Эти искусственные ямы со стенками и круговым валиком из валунов не единообразны, различной величины и конструкции. Большинство их не большие: внутренняя часть максимально 0,5 x 0,4 м, средние размеры вместе со стенками — 1,25 x 0,9 x 0,6 м. Конструктивно — это неглубокая выложенная камнями ниша, пристроенная к валуну, или же яма небольшой глубины с вертикальными стенками. Есть и крупные сооружения, подобные объектам на реке Хлебной. Они датируются максимально широким периодом — от мезолита до XIX в. Привлекаемые для их интерпретации этнографические описания имеют самый общий характер, поэтому не исключается возможность и их сакрального назначения [17, 18, 26: 234].

Сходной версии придерживался М. Г. Косменко, рассматривая валунные ямы на западном побережье Белого моря как часть системы промысловой эксплуатации морских угодий. Все найденные им ямы были зачислены в группу «временных хранилищ промысловой добычи и различных припасов» как разновидность поморских ледников для «сбережения уловной рыбы и звериного сала», «сопутствующих крупномасштабному промыслу, ориентированному на хранение продукции с последующим сбытом накопленных партий», с датировкой — не ранее позднего Средневековья [27]. В данную интерпретацию не укладывался факт частой удаленности групп ям от морского берега, а также их «чрезмерная концентрация на ограниченном пространстве» [28: 422] (рис. 8).

Появление «поморско-хозяйственной» гипотезы, по нашему мнению, объясняется незначительным количеством исходной информации для обобщений, что закономерно на первом этапе исследовательской работы, и сложившейся у ряда российских специалистов практики некритичного калькирования интерпретационных шаблонов зарубежной «саамской» историографии на «отечественный материал». Но пока это единственная превалирующая гипотеза, поэтому остановимся подробнее на анализе возможности использования валунных ям в качестве мест хранения.

была актуальна, но не подразумевала создание больших запасов рыбы, ограничиваясь объемами для кормления на один зимний сезон.

Рис. 8. Хлебный I. Валунная яма 11

Сезонные рыбные промыслы имели доминирующее значение в жизнеобеспечении аборигенов северной тайги.⁵ Необходимость в накоплении и хранении значительных объемов продовольствия для личного потребления

Способы заготовки продуктов без соли на долгий срок у саамов и поморов, как и других северных народов [30: 206], были традиционны, просты и единообразны. Мясо животных, тушки птиц и рыбу, добытые в теплое время, преимущественно коптили, вялили, высушивали на огне, перетирали сушеными в муку, а поздней осенью и зимой замораживали⁶. Заквашивание и вываривание для приготовления «деликатесов» производилось в небольших объемах. Соль как консервант при заготовках для нетоварного потребления из-за ее дороговизны стала применяться относительно поздно и только в незимний период⁷. Засолка рыбы требует выдерживания ее в рассоле, что невозможно в валунных ямах.

Фенноскандия находится вне зоны вечной мерзлоты и, соответственно, создание широко распространенных восточнее так называемых «морозильных ям», где мясо для длительного хранения достаточно было закопать на глубине непротаивающего грунта, здесь непродуктивно [34: 109]. При минусовой температуре замороженную или вяленую рыбу и мясо саамы складывали в наземные легкие постройки простых конструкций (помосты, шалаши, вешала и т. п.)⁸. Углубленные в землю хранилища (ямы, ледники, погреба) использовались в весенний период около мест промысла для складирования свежей добычи со льдом⁹. Земляные ямы с деревянной обшивкой горбылем или кругляком, грунтово-деревянным перекрытием и боковым входом врезались в склон берега. Считается, что это поздняя практика, привнесенная в регион поморами.

Для успешного функционирования «холодильного объекта», увеличения его хладоустойчивости требуется максимальная герметизация и термоизоляция, достигающиеся максимальным углублением сооружения в почву [30: 87–90], что в валунных ямах отсутствует. Также нужно учитывать, что лед занимал в леднике от трети до половины общего объема [36: 136], а внутренние габариты большинства каменных ям чаще всего невелики.

Список нужных в «таежном хозяйстве» органических материалов, которые накапливались и сберегались, можно расширить. Гипотетически это могли быть шкуры, отходы разделки добычи — некий запас «на черный день» или для подкормки собак и оленей (кости, головы и дистальные части

конечностей крупных животных, головы рыб), а также рога и отдельные кости — сырье для косторезных работ. Для складирования перечисленного в объемах, необходимых в зимний период для потребностей немногочисленной саамской семьи, достаточно 1–2 околожилищных ям-хранилищ, входящих в систему поселенческого комплекса вместе с «мясными ямами» и ямами-«кладовками».

Долгосрочное хранение животных материалов требовало соблюдения нескольких основных условий: защита от грызунов, лесных хищников и сырости. Поэтому в качестве традиционного места складирования у народов северной тайги строились «амбарушки», установленные на специальные высокие столбы-опоры. Наши валунные сооружения, даже при предположении о существовании дополнительных защитных конструкций из бересты и дерева (прокладки, навесы, стены), эти задачи выполнить не могли.

Приготовление еды. Рассмотрим еще одно часто высказываемое предположение — валунные ямы использовались для приготовления определенных продуктов. Существует общее представление, что народы Севера, ориентированные на морской промысел или добычу нерестовой рыбы, повсеместно производили ее «квашение» в специальных ямах. Такая практика в разных вариациях существовала, но детальных описаний способов приготовления «квашенной рыбы» немного. По этнографическим данным можно наметить 2 основных вида ферментирования исходного продукта:

1) безвоздушная консервация: заворачивание в шкуру, закладка в желудок животного, погружение в болото или в воду, укладывание под гнет в «тузлук» и т. п.;

2) «прокисание» в земляных ямах. В этом случае ферментирование — это не самоцель, а естественный неизбежный результат бессолевого хранения добычи при низких плюсовых температурах. Продукт укладывался на травяные подстилки в искусственные ямы, закрываемые сверху дерном или камнями. Величина котлована зависела от поставленной задачи. Если предполагалось простое хранение добычи в местах промыслов или около жилищ, то объем емкости в земле был значительным. При специальном приготовлении небольшого количества «деликатесов» из отдельных частей рыбных тушек (голова, брюшки, жабры, икра, молоки, внутренности), часто с использованием соли, выкопанные углубления делались небольшими или использовались закопанные керамические или деревянные сосуды.

Процесс ферментации мог быть разной продолжительности — от 3–4 дней до 2–3 месяцев и проводился, как правило, осенью. При «открытом» способе характерный запах привлекает разнообразных хищников, в первую очередь медведей, поэтому ямы для «заквашивания» на территориях, где отсутствует вечная мерзлота, выкапывались недалеко от жилищ, часто внутри огороженной поселенческой зоны (Камчатка).

В кулинарии аборигенов Лапландии существовала сходная практика приготовления небольшого количества ферментированных продуктов через простейшее консервирование¹⁰. В. Таннер описывает некоторые способы приготовления «деликатесов» пазрецкими саамами в начале XX в., в том числе и в «каменных горшках» — пуорн, под которыми подразумеваются уже упоминавшиеся небольшие ямки в каменистом грунте, никак не похожие на валунные ямы на реке Хлебной.¹¹

Таким образом, валунные ямы не обладают характеристиками, необходимыми для приготовления «квашенного продукта» или для качественного длительного хранения добычи рыболовных или охотничьих промыслов.

Погребальный ритуал. Старожильческим населением Терского берега Белого моря валунные ямы определяются как «лопарские могилы», поэтому нельзя исключать версию об их погребальном назначении¹².

Даже в одной этнической группе аборигенов-нехристиан, живущих в зоне тундры и северной тайги в Средневековье, способы погребений были многообразными. Они не ограничивались только различного вида ингумациями и зависели от разных факторов: пол и возраст умерших, их социальное состояние, характер и место смерти, степень влияния соседних культурных традиций [40: 60–61]. Особо отметим, что существовали погребения, которые не оставляют следов, фиксируемых археологическими методами (поверхностные, на или в деревьях, на помостах и т. п.). Самым древним способом считается поверхностное, безгробовое захоронение, «стихийно» созданное, с прикрытием тела только хворостом или нартами, лодкой [41: 334–442].

Комплекс погребальных действий у малочисленного, территориально разобщенного населения Заполярья при отсутствии в социуме специальных представителей, «ответственных» за соблюдение правильности ритуала перехода в «мир мертвых», был не устойчив. С течением времени он не оставался неизменным, представляя собой «подвижную систему» [41: 436]. При усилении влияния более «статусных» или внешне более «привлекательных» практик соседних этносов он существенно менялся при сохранении идейного содержания воззрений о смерти и мироздании.

Если валунные ямы относятся к культуре лопи, то нужно учитывать, что на Кольском Севере достоверные «лапландские могильники» дохристианского периода пока не известны. По историческим и этнографическим данным, виды погребений у разрозненных групп саамов в Северной Европе не были единообразными и существенно отличались: под каменными кучами, в расщелинах, грунтовые и т. п.¹³. Можно согласиться с мнением, что на современном уровне источниковедческой базы сложно выделять средневековые саамские погребения на основе археологических аналогий [23: 209].

Частичное или полное сооружение и оформление могильных конструкций с использованием камней (плиты, валуны, булыжник) — повсеместная, разновременная традиция. Камень — это удобный и долговечный материал, которому в погребальном ритуале отводилась различная смысловая функция, чаще всего, «запирание» покойника.

В могильниках на территории Западной Сибири единично встречаются захоронения в незасыпанных грунтовых ямах [43]. В Восточной Финноскандии нам известны только 2 раскопанных средневековых памятника, которые можно интерпретировать как погребения открытого типа. Ближайший (97 км к юго-востоку от реки Хлебная) находится на Терском берегу Белого моря, около села Кузомень. На приустьевом участке реки Варзуга в 1969, 1979, 1982 гг. были открыты 2 группы грунтовых погребений «средневековых лопарей» — Кузомень I, II [44]. На сохранившемся могильнике Кузомень II раскопаны 3 открытых захоронения с телами, положенными в неясного характера прямоугольные деревянные конструкции и накрытые листами бересты. Погребенные лежали вытянуто, на спине, ориентировка — головой на северо-восток, ногами — по направлению течения реки. Они рассматривались как практически одновременные и датировались по вещам концом XII – началом XIII вв., что подтвердило радиоуглеродное датирование образцов органики, взятых из 2 погребений — 740 ± 10 и 750 ± 10 лет назад (приблизительно 1200–1210 гг. н. э.). По инвентарю захороненные отнесены к «финно-угорскому этническому массиву» [23: 201–211].

Еще одно сходное погребение (Тунгуда XXV) раскопано в 1990 г. на озере Тунгудском в Беломорском районе Республики Карелия. Первоначально предполагалось, что отдельно находящаяся впадина относится к рядом расположенной, протяженной системе ловчих ям. Ее раскопки позволили проследить оригинальное сооружение. В круглой яме (диаметр — 3,4 м, глубина — 1,6 м) крутые стенки и плоское дно были укрыты лапником и листьями бересты. В углублении на дне располагался прямоугольный деревянный ящик без «крышки» (1,85 x 0,8 x 0,5 м), в котором находилось завернутое в бересту «содержимое» (в современном состоянии — песок насыщенного сиреневого цвета). Поверх ящика был сделан куполообразный «свод» из бересты, а над ямой установлена конусовидная конструкция из 4 жердей [45]. Вполне вероятно, что и открытые «каменные могилы» на реке Хлебной могли дополняться какими-то простыми конструкциями или элементами из дерева, коры, бересты, шкур (срубы, рамы-обкладки, навесы-перекрытия, столбы, стены, настил и т. п.) сверху или по периметру, во внутренней камере, скрепленными или наваленными.

Нельзя исключить, что валунные ямы могли предназначаться для сакрального помещения останков (целых или фрагментированных) человека или животного (олень, собака, медведь и т. д.). Ритуальное сжигание тел, по этнографическим данным, существовало в приполярных районах [8: 64], поэтому можно предположить и возможность помещения в валунные ямы сожженных на стороне останков, археологически трудноуловимых, если кремация проводилась без сопровождающих предметов из неорганических материалов.

Сакральное назначение. Комплекс на реке Хлебной может рассматриваться и как памятник культового назначения. Неслучайным представляется нахождение в его границах других знаковых для Беломорья сооружений из валунов: «сейда», каменной кучи и плоского валуна с уложенными на него камнями. На «святилищах» Белого моря — Кузовском, Соловецком архипелагах и островах Жужмуй — в сходных условиях на выходах валунника все эти 4 вида конструкций из камней (иногда рядом с лабиринтами) встречаются совместно и по отдельности [3: 111–116]. Еще Н. Н. Виноградов отмечал, что при аналитической работе нельзя разделять разнохарактерные каменные выкладки, рассматривая их вне «сопутствующего» общего контекста [46: 15, 24]. Поэтому кратко рассмотрим каждый вид этих сложений.

Невысокие насыпи «каменных курганов» округлой в плане формы неоднократно раскапывались в 1970–1990-е гг., но маловыразительные находки не давали возможности получить точную информацию об их назначении, культурной принадлежности и времени создания. Первоначально они определялись как погребальные сооружения неясного характера «исторических саамов»: кенотафы или места захоронений остатков кремаций, но сейчас высказываются более осторожные выводы [19: 207, 217]. Каменные курганообразные насыпи Беломорья нельзя априори рассматривать как единый культурный массив с общим функциональным назначением. Их погребальный характер не исключается, что подтверждает единственное известное средневековое «погребение корелянина» на острове Анзер: под грудой камней, в углублении, ориентированном запад – восток, находились костные останки мужчины, предположительно завернутое в бересту. Там же была обнаружена «подковообразная фибула карельского типа» из белого металла, датируемая XII–XIII вв. [19: 339–341].

На плоские валуны с уложенными на них камнями на архипелаге Кузова первым в 1968 г. обратил внимание И. М. Мулло. Он рассматривал их как одну из «обособленных групп саамских каменных идолов — сейдов» [5, 10]. На островах Русский Кузов и Жилой на «валунных полях» им зафиксированы

рядом с валунами с камнями сверху и овальные ямы, которые исследователь считал «следами от древних жилищ». На острове Средний И. М. Мулло описывает ситуацию, сходную с комплексом Хлебная I. Здесь также вместе локализируются «каменные ямы», установленные на камни-ножки валуны, плоские валуны с положенными на них камнями и некое «курганное погребение» [10: 76].

Установленные на камни-«ножки» крупные валуны (так называемые «сейды») — это, наверно, самый «раскрученный» и дискуссионный вид мегалитических объектов в археологии Восточной Фенноскандии. Они одиночно и в группах встречаются в Карелии и на Кольском полуострове, обычно располагаясь в приметных местах ландшафта: на вершинах гор, на каменистых морских островах, на скальных обнажениях около водоемов, в местах проявлений древней сейсмической активности [47].

Большинству исследователей очевиден искусственный характер их создания и сакральное назначение, но в последнее время сформировалось и полярное мнение. В случае на Хлебном «сейд» — это природный объект, по нашему мнению, с сакральной функцией. Возможно, его наличие побудило к созданию валунных ям именно на этом участке каменистого склона.

Жертвенные места аборигенов Фенноскандии «встраивались» в природный ландшафт. Они обустроивались на определенных участках местности с набором нужных признаков, отвечающих определенной модели создания сакрального пространства, или приурочивались к неординарным природным объектам. Валунные ямы вполне могут быть специально оформленными семейными или личными «капищами» — особыми местами-«жертвенниками» для сакральных приношений или ритуального хранения / захоронения (голова медведей, копыта оленей и т. п.), скорее всего, разновременного и многоцветного характера. В этой связи показательна фиксация на дне ямы № 11 «ящика», сложенного из 3 небольших, вертикально установленных плоских камней прямоугольной формы (0,3 x 0,25 x 0,07 м) (рис. 9). Возможность использования валунных ям в качестве жертвенных мест не исключается исследователями саамских памятников Северной Норвегии и Финской Лапландии [17].

Рис. 9. Хлебный I. Валунная яма 11. «Ящик». Вид с севера

Косвенным аргументом в пользу гипотезы о культовом назначении объекта может быть и характерный для мест с сакральной нагрузкой на Севере топоним Starababa¹⁴, отмеченный на шведских картах первой трети XVII в.¹⁵ приблизительно в месте нахождения реки Хлебной.

Выводы и заключение

Локализация разнородных топографически взаимосвязанных сооружений из камней в одном месте позволяет говорить об их относительной одновременности, идейной тождественности, принадлежности к общей культурной традиции. Связь комплекса с обрядовой практикой представляется нам более вероятной, чем его бытового характер. Поэтому памятник Хлебный I можно предварительно определить как нехристианский комплекс с культовым статусом, предположительно, с погребальной функцией.

На начальном этапе исследований однозначно ответить на вопрос о точной культурной принадлежности валунных ям затруднительно. Возможно, это так называемые «саамские древности», работа с которыми в Русской Лапландии только начинается. Но полностью не исключается и версия, что данные сооружения оставлены в Средневековье какой-то другой этнической группой – «корелой», «поморянами», «двинянами», «норманнами». Постепенное накопление источниковой базы о валунных ямах и при более разностороннем их анализе они могут стать маркером этнодифференцирующего характера для малоизученных культур аборигенов Восточной Фенноскандии.

Статья не претендует на «окончательное решение вопроса». Это первая для территории РФ попытка свести воедино данные по этим неординарным объектам и оценить их «археологическим взглядом». Предложенная интерпретация — это рабочая гипотеза, которая должна наметить направление поисков и стимулировать развитие научной дискуссии. Необходимо дальнейшее детальное обследование разнородных валунных сложений региона, проведение целенаправленных полевых исследований по их выявлению и комплексному изучению. Уже известные выразительные валунные объекты Европейской Арктики должны более активно вводиться в научный оборот.

Примечания

¹ «Кроме каменных куч и двух несомненных чудских ям, круглых и воронкообразных (четыре сажени диаметром), у Поноя доисторических древностей берег не представляет» [8].

² Местоположение памятника указала Л. Г. Барташ. Фотографии этих валунных сложений впервые были опубликованы в книге митрополита Митрофана (Баданина) [14: 101–102].

³ Памятник в 2016 г. Л. Г. Барташ показывался Е. М. Колпакову (ИИМК).

⁴ Например, в 1970 и 1971 гг. писатель и археолог А. Л. Никитин осуществил поиск стоянок «первобытного Севера» по Терскому берегу. В обширной статье, посвященной реконструкции древних форм хозяйствования в южной части Кольского полуострова, валунные ямы он не упоминает [15: 103–111].

⁵ По подсчетам этнографов XIX в., «северный инородец» потреблял в год более 500 кг рыбы и две трети года она была основным продуктом питания [29: 86, 30: 336–337].

⁶ «Они ловят их (сельдь) неводами и захватывают целыми лодками; закупая гишпанскую соль у города Архангельска, солят они их в большом количестве; другую часть коптят, а малую часть из оных и всю весеннюю и летнюю сельдь вялят и сушат на солнце, чем во весь год по большей части и питаются» [31: 35, 32: 47–48].

⁷ «В старое, давно прошедшее время ... тушу молодого оленя бросали в озеро или реку, где она и мацерировалась до тех пор, пока не приобретала небольшой «душок» ... Запасы уже засоленной рыбы зарываются в бочках в землю, где хранятся до осени» [33: 48, 52]. «Дикого пластал, мясо положил в воду, закрыл землей, часть взял варить, пошел домой» [32: 34].

⁸ «Добычу свою лопари складывают в амбарушки, если дело в лесу, или в щели и ямы, заваливая их камнями, если дело в горах» [25: 107].

⁹ «Небольшой амбар на берегу реки ... где свалены глыбы льдин ... что бы летняя жара не могла проникать внутрь, он был построен совсем без окон» [35: 51–52].

¹⁰ «Назначенную для зимнего своего продовольствия часть рыбы лопарь закапывает в землю, в тундровые кочки, где она подвергается известной степени разложения и в таком виде особенно ценится лопарем» [37: 75].

¹¹ «Утверждается, что в древности это было так же, как и сейчас, а именно, что пищу предпочтительно ели свежей и «тщательно (!) сбереженной от порчи». Рыбу сушили или солили в каменных горшках, накрывали берестой и покрывали камнем, так называемые пуорн (puorn), чтобы лисы не могли получить к нему доступ, и держали там долгое время без обработки, пока это не понадобится зимой. Впрочем, пазрецкие саамы готовили и своеобразный деликатес; они клали рыбу под слой водорослей на берегу моря, и через несколько дней рыба «размягчилась, не прокиснув», и ее с удовольствием ели. Мясо — в основном диких оленей и лосей — хранили в источниках или озерах и оставляли там, в течение недели и более, когда мясо «закисало» [38: 131].

¹² Место погребения — специально оформленное место реального или символического захоронения человека или животного [39: 70].

¹³ «Умерших предают они погребению без гробов, и в некоторых местах кладут в одеяния, а в других совсем нагих. Оставшиеся при языческом своем суеверии Лопари погребают славнейших своих стрельцов, поблизости тех мест, где приносят богам свои жертвы. В прежние времена клали они покойников на землю, и обжав их камнями, наваливали еще и сверху по великой груде камня же, а теперь оборачивают обыкновенно на могиле сани, и кладут под них понемногу пищи и утвари, что делают тайно и принявшие Христианский закон Лопари» [42: 11]

¹⁴ *Akka* — по-фински и *Akk* — по-саамски.

¹⁵ «Orbis arctoi imprimisque amplissimi regni Sueciae tabula» 1626 г. и «Novus Atlas» 1635 г.

Список литературы

1. Державин В. Л. Северный Мурман в XVI–XVII вв. (к истории русско-европейских связей на Кольском полуострове). М.: Научный мир, 2006. 143 с.
2. Шахнович М. М. Средневековая археология Северного Прибеломорья (река Варзуга) // Новгород и Новгородская земля: история и археология. В. Новгород, 2010. Вып. 24. С. 63–80.
3. Шахнович М. М. К вопросу о валунных насыпях на островах в Белом море // Природное и историко-культурное наследие Северной Фенноскандии. Петрозаводск, 2003. С. 111–116.
4. Шахнович М. М. Валунные насыпи на территории Карелии // Кижский вестник. Петрозаводск, 2005. Вып. 10. С. 260–277.
5. Шахнович М. М. «Наземные каменные памятники» на островах Кузова в Белом море и И. М. Мулло. Хроника сложения «саамского» мифа // Первобытная и средневековая история и культура Европейского Севера: проблемы изучения и научной реконструкции. Соловки: Солти, 2006. С. 408–415.

6. Шахнович М. М., Кулькова М. А. Опыт археологического изучения валунных сложений Восточной Фенноскандии: «Ковдорские платформы» // Тверской археологический сборник. Тверь, 2015. Вып. 10. Т. II. С. 245–255.
7. Шахнович М. М., Кулькова М. А., Сониная А. В. К вопросу о валунных насыпях в Северном Приладожье: опыт комплексного исследования // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. Тверь, 2019. Вып. 12. С. 496–509.
8. Кельсиев А. И. Поездка к лопарям. Письма и предварительные отчеты Комитету. М.: Тип-я М. Лаврова, 1878. 13 с.
9. Рева К. П. О раскопках в 1907 году // Отчеты Археологической комиссии за 1907 г. СПб., 1907. С. 107.
10. Мулло И. М. Памятники древней культуры на Кузовых островах // Археология и археография Беломорья. Котлас, 1984. С. 52–81.
11. Куратов А. А. Об археологическом изучении Беломорья и прилегающих к нему территорий // Археология и археография Беломорья. Котлас, 1984. С. 5–35.
12. Мартынов А. Я. Археологические памятники Соловецкого архипелага. Архангельск, 2002. 235 с.
13. Косменко М. Г. Древности приморской зоны южного и западного Беломорья. Проблемы происхождения и адаптации культуры древнего населения // Комплексные гуманитарные исследования в бассейне Белого моря. Петрозаводск: Острова, 2007. С. 6–42.
14. Митрофан (Баданин) епископ. Кольский Север в Средние века. СПб.: Ладан, 2017. 400 с.
15. Никитин А. Л. Население юго-востока Кольского полуострова в позднем неолите // Советская этнография. 1976. № 2. С. 103–111.
16. Вашков А. А., Носова О. Ю. Динамика последнего ледникового покрова на юго-западе Кольского полуострова // Труды КНИЦ РАН. 2019. 6 (10). С. 57–64.
17. Karjalainen T. Urroaivin kivikehät / Harlin E.-Kr. & Lehtola V.-P. Peurakuopista kirkkokenttiin — Saamelaisalueen 10000 vuotta arkeologin näkökulmasta: Arkeologiseminaari Inarissa 29.9.–2.10.2005. Publications of Giellagas Institute. 2007. No 9. P. 146–153.
18. Valtonen T. Saami food caches in the Báišduottar – Paistunturi area, northern Finnish Lapland // People, Material Culture and Environment in the North. Oulu. 2006. P. 64–74.
19. Мартынов А. Я. Первобытная археология островов южной части Белого моря. Архангельск: Солти, 2010. 364 с.
20. Зенгеров В. С., Терехов А. Э., Никитин Н. В. Новые данные по способам охоты поселенцев Восточного Мурмана на северных оленей (история, орудия и способы охоты) // Вестник Кольского научного центра РАН. 2014. № 3. С. 30–37.
21. Spangen M. Anomaly or myth? Sami circular offering sites in medieval Northern Norway // Religion, cults & rituals in the medieval rural environment. 2017. Ruralia XI, Leiden: Sidestone Press. P. 39–52.
22. Карпелан К. Ранняя этническая история саамов // Финно-угорский сборник. М., 1982. С. 32–48.
23. Овсянников О. В., Рябинин Е. А. Средневековые грунтовые могильники Терского берега // Советская археология. 1989. № 2. С. 201–211.
24. Алымов В. Оленеводство у русского населения Терского берега // Карело-Мурманский край. 1929. № 4–5. С. 31–34.
25. Немирович-Данченко В. И. Лопь белоглазая (Из поездки в полярный край). М.: Изд-во Д. П. Ефимов, 1902. 127 с.

26. Seitsonen O. Petsamo Maattivuono Rotojoki: two Late Stone Age dwellings excavated by Sakari Pälsi in 1929 // *People, material culture and environment in the North*. 2006. Pp. 226–237.
27. Косменко М. Г. Каталог археологических памятников приморской зоны южного и западного Беломорья // *Комплексные гуманитарные исследования в бассейне Белого моря*. Петрозаводск: Острова, 2007. С. 79–116.
28. Лобанова Н. В. К вопросу о каменных сооружениях Карельского Беломорья (по материалам археологических разведок 2000–2005 гг.) // *Первобытная и средневековая история и культура Европейского Севера: проблемы изучения и научной реконструкции*. Соловки: Солти, 2006. С. 416–425.
29. Лебедев В. В. Семья и производственный коллектив у населения притундровой полосы северо-запада Туруханского края в XIX веке // *Советская этнография*. 1980. № 2. С. 82–91.
30. Яковлев Я. А. На столе и вокруг него. Томск: ТомГУ, 2011. 376 с.
31. Челищев П. И. Путешествие по Северу России в 1791 году. СПб.: Тип-я В. С. Балашева, 1886. 339 с.
32. Волков Н. Н. Российские саамы. Историко-этнографические очерки. Л.: МАЭ. 1947. 106 с.
33. Иванов-Дятлов Ф. Г. Наблюдения врача на Кольском полуострове (11 января – 11 мая 1927 г.). Л.: Из-во ГРГО, 1928. 136 с.
34. Адаев В. Н. Традиционная культура хантов и ненцев. Тюмень: Вектор Бук, 2007. 239 с.
35. Колпаков С. П. Дневник путешествия на Терский берег / Колпакова Н. П. Терский берег. Вологда, 1937. 98 с.
36. Мельников В. П., Фёдоров Р. Ю. Роль криогенных природных ресурсов в традиционных системах жизнеобеспечения народов Сибири и Дальнего Востока // *Вестник Томского государственного университета*. 2018. № 426. С. 133–141.
37. Гебель Г. Ф. Наша Лапландия. СПб.: Комитет для помощи поморам Русского Севера. 1909. 315 с.
38. Tanner V. Antropogeografiska studier inom Petsamo-området // *FENNIA* 49. 1928. № 4. Helsingfors. S. 123–165.
39. Ольховский В. С. Погребально-поминальная обрядность в системе взаимосвязанных понятий // *Советская археология*. 1986. № 1. С. 55–76.
40. Грачёва Г. Н. Человек, смерть и земля мертвых у нганасан // *Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (вторая половина XIX – начало XX вв.)*. Л.: Наука, 1976. С. 44–69.
41. Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Мир реальный и потусторонний. Томск: ТомГУ, 1994. Т. 2. 481 с.
42. Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. Ч. 1. О народах финского племени, известных по истории российской под общим именем Руссов. СПб.: И. Глазунов, 1799. С. 35–53.
43. Зайцева Е. А., Кениг А. В., Кемпицкая А. А. Предварительные результаты археологических исследований могильника Тохтымейпай-8 // *Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий*. 2020. Т. XXVI. С. 437–443.
44. Гурина Н. Н., Овсянников О. В., Рябинин Е. А. Средневековые древности Кольского полуострова // *Финны в Европе VI–XV вв.* М.: ИА АН СССР, 1990. Т. 2. С. 125–134.

45. Шахнович М. М. Погребальный комплекс поселения Тунгуда XXIV–XXV // Вестник Карельского краеведческого музея. Петрозаводск, 1993. Вып. 1. С. 60–68.
46. Виноградов Н. Н. Соловецкие лабиринты. Их происхождение и место в ряду однородных доисторических памятников // Материалы Соловецкого общества краеведения. Соловки, 1927. Вып. IV. 176 с.
47. Шахнович М. М. Культурный комплекс на горе Воттоваара (итоги работ в 1993 году) // Вестник Карельского краеведческого музея/ Петрозаводск, 1994. Вып. 2. С. 26–35.

References

1. Derzhavin, V. L. *Severnuyu Murman v XVI–XVII vv. (k istorii russko-yevropeyskikh svyazey na Kol'skom poluostrove)* [Northern Murman in the XVI–XVII centuries. (on the history of Russian-European relations on the Kola Peninsula)]. Moscow, Scientific World, 2006. 143 p. (In Russ.).
2. Shakhnovich, M. M. *Srednevekovaya arkheologiya Severnogo Pribelomor'ya (reka Varzuga)* [Medieval archeology of the Northern White Sea (Varzuga River)]. *Novgorod i Novgorodskaya zemlya: istoriya i arkheologiya* [Novgorod and Novgorod land: history and archeology]. V. Novgorod, 2010, issue. 24, pp. 63–80. (In Russ.).
3. Shakhnovich, M. M. *Voprosu o valunnykh nasypyakh na ostrovakh v Belom more* [On the question of boulder mounds on islands in the White Sea]. *Prirodnoye i istoriko-kul'turnoye naslediye Severnoy Fennoskandii* [Natural and historical and cultural heritage of Northern Fennoscandia]. Petrozavodsk, 2003, pp. 111–116. (In Russ.).
4. Shakhnovich M. M. *Valunnyye nasypi na territorii Karelii* [Boulder mounds on the territory of Karelia]. *Kizhskiy vestnik* [Kizhi Vestnik]. Petrozavodsk, 2005, issue 10, pp. 260–277. (In Russ.).
5. Shakhnovich M. M. “Nazemnyye kamennyye pamyatniki” na ostrovakh Kuzova v Belom more i I. M. Mullo. *Khronika slozheniya “saamskogo” mifa* [“Terrestrial stone monuments” on the islands of the Body in the White Sea and I. M. Mullo. Chronicle of the addition of the “Sami” myth]. *Pervobytnaya i srednevekovaya istoriya i kul'tura Yevropeyskogo Severa: problemy izucheniya i nauchnoy rekonstruktsii* [Primitive and medieval history and culture of the European North: problems of study and scientific reconstruction]. Solovki, Solti, 2006, pp. 408–415. (In Russ.).
6. Shakhnovich M. M., Kulkova M. A. *Opyt arkheologicheskogo izucheniya valunnykh slozheniy Vostochnoy Fennoskandii: “Kovdorskiye platformy”*. [The experience of archaeological study of boulder formations of Eastern Fennoscandia: “Kovdor platforms”]. *Tverskoy arkheologicheskoy sbornik* [Tver archaeological collection]. Tver, 2015, issue 10, vol. II, pp. 245–255. (In Russ.).
7. Shakhnovich M. M., Kulkova M. A., Sonina A. V. *K voprosu o valunnykh nasypyakh v Severnom Priladozh'ye: opyt kompleksnogo issledovaniya* [On the question of boulder mounds in the Northern Ladoga region: the experience of a comprehensive study]. *Tver', Tverskaya zemlya i sopredel'nyye territorii v epokhu Srednevekov'ya* [Tver, Tver land and adjacent territories in the Middle Ages]. Tver, 2019, issue. 12, pp. 496–509. (In Russ.).
8. Kelsiev A. I. *Poyezdka k loparyam. Pis'ma i predvaritel'nyye otchety Komitetu* [Trip to the Lapps. Letters and preliminary reports to the Committee]. Moscow, Type-ya M. Lavrov, 1878, 13 p. (In Russ.).
9. Reva K. P. *O raskopkakh v 1907 godu Otchoty Arkheologicheskoy komissii za 1907 g.* [On excavations in 1907]. [Reports of the Archaeological Commission for 1907]. St. Petersburg, 1907, p. 107. (In Russ.).
10. Mullo I. M. *Pamyatniki drevney kul'tury na Kuzovykh ostrovakh* [Monuments of ancient culture on the Kuzovy Islands]. *Arkheologiya i arkheografiya Belomor'ya* [Archeology and archeography of the White Sea]. Kotlas, 1984, pp. 52–81. (In Russ.).

11. Kuratov A. A. Ob arkhelogicheskoy izuchenii Belomor'ya i prilegayushchikh k nemu territoriy [On the archaeological study of the White Sea and adjacent territories]. *Arkheologiya i arkhografiya Belomor'ya* [Archeology and archeography of the White Sea]. Kotlas, 1984, pp. 5–35. (In Russ.).
12. Martynov A. Ya. Arkheologicheskiye pamyatniki Solovetskogo arkhipelaga [Archaeological monuments of the Solovetsky Archipelago]. Arkhangelsk, 2002, 235 p. (In Russ.).
13. Kosmenko M. G. Drevnosti primorskoy zony yuzhnogo i zapadnogo Belomor'ya [Antiquities of the coastal zone of the southern and western White Sea. Problems of origin and adaptation of the culture of the ancient population]. *Problemy proiskhozhdeniya i adaptatsii kul'tury drevnego naseleniya Kompleksnyye gumanitarnyye issledovaniya v bassejne Belogo moray* [Complex humanitarian studies in the White Sea basin]. Petrozavodsk, Islands, 2007, pp. 6–42. (In Russ.).
14. Mitrofan (Badanin) bishop. *Kol'skiy Sever v Sredniye veka* [The Kola North in the Middle Ages]. St. Petersburg, Ladani, 2017, 400 p. (In Russ.).
15. Nikitin A. L. Naseleniye yugo-vostoka Kol'skogo poluostrova v pozdnem neolite [The population of the South-East of the Kola Peninsula in the late Neolithic]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet ethnography], 1976 no. 2, pp. 103–111. (In Russ.).
16. Vashkov A. A., Nosova O. Yu. Dinamika poslednego lednikovogo pokrova na yugo-zapade Kol'skogo poluostrova [Dynamics of the last glacial cover in the southwest of the Kola Peninsula]. *Trudy KNC RAN* [Proceedings of the Kola Scientific Research Center of the Russian Academy of Sciences], 2019, 6 (10), pp. 57–64. (In Russ.).
17. Karjalainen T. Urroaivin kivikehät, Harlin E.-Kr. & Lehtola V.-P. Peurakuopista kirkkokentiin — Saamelaisalueen 10000 vuotta arkeologin näkökulmasta: Arkeologiseminaari Inarissa 29.9.–2.10.2005. Publications of Giellagas Institute, 2007, no. 9, pp. 146–153.
18. Valtonen T. Saami food caches in the Báíšduottar–Paistunturi area, northern Finnish Lapland. *People, Material Culture and Environment in the North*. Oulu, 2006, pp. 64–74.
19. Martynov A. Ya. *Pervobytnaya arkhelogiya ostrovov yuzhnoy chasti Belogo moray* [Primitive archeology of the islands of the Southern part of the White Sea]. Arkhangelsk, Solti, 2010, 364 p. (In Russ.).
20. Zengerov V. S., Terekhov A. E., Nikitin N. V. Novyye dannyye po sposobam okhoty poselentsev Vostochnogo Murmana na severnykh oleney (istoriya, orudiya i sposoby okhoty) [New data on the methods of hunting reindeer by settlers of Eastern Murmansk (history, tools and methods of hunting)]. *Vestnik Kol'skogo nauchnogo tsentra RAN* [Bulletin of the Kola Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2014, no. 3, pp. 30–37. (In Russ.).
21. Spangen M. Anomaly or myth? Sami circular offering sites in medieval Northern Norway. *Religion, cults & rituals in the medieval rural environment*, 2017, Ruralia XI, Leiden, Sidestone Press, pp. 39–52.
22. Karpelan K. Rannyya etnicheskaya istoriya saamov [Early ethnic history of the Sami]. *Finno-ugorskiy sbornik* [Finno-Ugric collection]. Moscow, 1982, pp. 32–48. (In Russ.).
23. Ovsyannikov O. V., Ryabinin A. E. Srednevekovyye gruntovyye mogil'niki Terskogo berega [Medieval burial ground of the Tersky coast]. *Sovetskaya arkhelogiya* [Soviet Archaeology], 1989, no. 2, pp. 201–211. (In Russ.).
24. Alymov V. Olenevodstvo u russkogo naseleniya Terskogo berega [Reindeer breeding among the Russian population of the Tersk coast]. *Karelo-Murmanskiy kray* [Karelo-Murmansk Krai], 1929, no. 4–5, pp. 31–34. (In Russ.).
25. Nemirovich-Danchenko V. I. Lop' beloglazaya (Iz poyezdki v polyarnyy kray) [White-eyed Lope (from a trip to the Polar region)]. Moscow, D.P. Efimov Publishing house, 1902, 127 p. (In Russ.).

26. Seitsonen O. Petsamo Maattivuono Rotojoki: two Late Stone Age dwellings excavated by Sakari Pälsi in 1929. People, material culture and environment in the North, 2006, pp. 226–237.
27. Kosmenko M. G. Katalog arkhelogicheskikh pamyatnikov primorskoy zony yuzhnogo i zapadnogo Belomor'ya [Catalog of archaeological monuments of the Primorsky zone of the Southern and Western White Sea]. *Kompleksnyye gumanitarnyye issledovaniya v bassejne Belogo morya* [Complex humanitarian studies in the White Sea basin]. Petrozavodsk, Islands, 2007, pp. 79–116. (In Russ.).
28. Lobanova N. V. K voprosu o kamennykh sooruzheniyakh Karel'skogo Belomor'ya (po materialam arkhelogicheskikh razvedok 2000–2005 gg.) [On the question of stone structures of the Karelian White Sea (based on the materials of archaeological surveys 2000–2005)]. *Pervobytnaya i srednevekovaya istoriya i kul'tura Yevropeyskogo Severa: problemy izucheniya i nauchnoy rekonstruksii* [Primitive and medieval history and culture of the European North: problems of study and scientific reconstruction]. Solovki, Solti, 2006, pp. 416–425. (In Russ.).
29. Lebedev V. V. Sem'ya i proizvodstvennyy kollektiv u naseleniya pritundrovoy polosy severo-zapada Turukhanskogo kraya v XIX veke [Family and production team among the population of the tundra strip of the North-West of the Turukhansk region in the XIX century]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet ethnography], 1980, no. 2, pp. 82–91. (In Russ.).
30. Yakovlev Ya. A. *Na stole i vokrug nego* [On the table and around it]. Tomsk, Tomsk State University, 2011, 376 p. (In Russ.).
31. Chelishchev P. I. Puteshestviye po Severu Rossii v 1791 godu [Journey through the North of Russia in 1791], St. Petersburg, V. S. Balasheva printing house, 1886, 339 p. (In Russ.).
32. Volkov N. N. *Rossiyskiye saamy. Istoriko-etnograficheskiye ocherki* [Russian Sami. Historical and ethnographic essays], Leningrad, MAE, 1947, 106 p. (In Russ.).
33. Ivanov-Dyatlov F. G. *Nablyudeniya vracha na Kol'skom poluostrove* (11 yanvarya – 11 maya 1927 g.) [Observations of a doctor on the Kola Peninsula (January 11 – May 11. 1927)]. Leningrad, From GRGO, 1928, 136 p. (In Russ.).
34. Adaev V. N. *Traditsionnaya kul'tura khantov i nentsev* [Traditional culture of Khanty and Nenets]. Tyumen, Vector Book, 2007, 239 p. (In Russ.).
35. Kolpakov S. P. / Kolpakova N. P. *Dnevnik puteshestiya na Terskiy bereg* [Diary of a trip to the Tersk coast]. Vologda, 1937, 98 p. (In Russ.).
36. Melnikov V. P., Fedorov R. Yu. Rol' kriogennykh prirodnykh resursov v traditsionnykh sistemakh zhizneobespechivaniya narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [The role of cryogenic natural resources in traditional life support systems of the peoples of Siberia and the Far East]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], 2018, no. 426, pp. 133–141. (In Russ.).
37. Gebel G. F. *Nasha Laplandiya* [Our Lapland]. St. Petersburg, Committee for the help of the Pomors of the Russian North, 1909, 315 p. (In Russ.).
38. Tanner V. Antropogeografiska studier inom Petsamo-området. FENNIA 49, 1928, no. 4, Helsingfors, s. 123–165.
39. Olkhovsky V. S. Pogrebal'no-pominal'naya obryadnost' v sisteme vzaimosvyazannykh ponyatiy [Funeral rites in the system of related concepts]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology], 1986, no. 1, pp. 55–76. (In Russ.).
40. Grachev G. N. Chelovek, smert' i zemlya mortvykh u nganasan Priroda i chelovek v religioznykh predstavleniyakh narodov Sibiri i Severa (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [Man, death, and the land of the dead, the Nganasans]. *Priroda i chelovek v religioznykh predstavleniyakh narodov Sibiri i Severa (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.)* [Nature and man in the religious beliefs of the peoples of Siberia and the North (the second half of X IX – the beginning of XX century)]. Leningrad, Nauka, 1976, pp. 44–69. (In Russ.).

41. *Ocherki kul'turogeneza narodov Zapadnoy Sibiri. Mir real'nyy i potustoronniy* [Essays on cultural Genesis of the peoples of Western Siberia. The real and otherworldly world]. Tomsk, Tomsk State University, 1994, vol. 2, 481 p. (In Russ.).
42. Georgi I. G. *Opisaniye vsekh obitayushchikh v Rossiyskom gosudarstve narodov: ikh zhiteyskikh obryadov, obyknoveniy, odezhd, zhilishch, uprazhneniy, zabav, veroispovedaniy i drugikh dostopamyatnostey. Ch. 1. O narodakh finskogo plemeni, izvestnykh po istorii rossiyskoy pod obshchim imenem Russov* [Description of all the peoples living in the Russian state: their everyday rituals, customs, clothes, dwellings, exercises, amusements, faiths and other memorabilia. P. 1. About the peoples of the Finnish tribe, known in Russian history under the common name of Russ]. St. Petersburg, I. Glazunov, 1799, pp. 35–53. (In Russ.).
43. Zaitseva E. A., Koenig A.V., Kempitskaya A. A. Predvaritel'nyye rezul'taty arkhеologicheskikh issledovaniy mogil'nika Tokhtymeypay-8 [Preliminary results of archaeological research of the burial ground Tokhtymeipai-8]. *Problemy arkhеologii, etnografii i antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of archeology, ethnography and anthropology of Siberia and adjacent territories], 2020, vol. XXVI, pp. 437–443. (In Russ.).
44. Gurina N. N., Ovsyannikov O. V., Ryabinin A. E. Srednevekovyye drevnosti Kol'skogo poluostrova [The Medieval antiquity of the Kola Peninsula]. *Finny v Yevrope VI–XV vv.* [Finns in Europe VI–XV centuries]. Moscow, IA of the USSR, 1990, vol. 2, pp. 125–134. (In Russ.).
45. Shakhnovich M. M. Pogrebal'nyy kompleks poseleniya Tunguda XXIV–XXV [Funeral complex of Tunguda settlement XXIV–XXV]. *Vestnik Karel'skogo krayevedcheskogo muzeya*. [Bulletin of the Karelian Museum of Local Lore]. Petrozavodsk. 1993, issue 1, pp. 60–68. (In Russ.).
46. Vinogradov N. N. Solovetskiye labirinty. Ikh proiskhozhdeniye i mesto v ryadu odnorodnykh doistoricheskikh pamyatnikov [Solovetsky labyrinths. Their origin and place among homogeneous prehistoric monuments]. *Materialy Solovetskogo obshchestva krayevedeniya* [Materials of Solovetsky Society of Local Lore]. Solovki, 1927, issue IV, 176 p. (In Russ.).
47. Shakhnovich M. M. Kul'tovyy kompleks na gore Vottovaara (itogi rabot v 1993 godu) [Cult complex on Mount Vottovaara (results of work in 1993)]. *Vestnik Karel'skogo krayevedcheskogo muzeya* [Bulletin of the Karelian Museum of Local Lore]. Petrozavodsk, 1994, issue 2, pp. 26–35. (In Russ.).

Сведения об авторе

М. М. Шахнович — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник ЦГП КНЦ РАН.

Information about the author

M. M. Shakhnovitch — PhD (History), Leading Research Fellow of the Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre of RAS.

Статья поступила в редакцию 20.09.2021; одобрена после рецензирования 07.10.2021; принята к публикации 08.10.2021.

The article was submitted 20.09.2021; approved after reviewing 07.10.2021; accepted for publication 08.10.2021.

Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 21. 2021. Т. 12, № 4. С. 126–140.

Transactions of the Kola Science Centre. Humanitarian studies. Series 21. 2021. Vol. 12, no. 4. P. 126–140.

Научная статья

УДК 908 (470.21)

DOI: 10.37614/2307-5252.2021.4.21.009

ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ САКРАЛЬНОГО ЛАНДШАФТА ТЕРИБЕРКИ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА В МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Алена Сергеевна Давыдова✉

Центр гуманитарных проблем Баренц региона ФИЦ КНЦ РАН, Апатиты, Россия

alyona-797@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-7967-5953>

Аннотация

В статье раскрывается понятие «паломнический ландшафт». Рассматриваются «паломники», посещающие Терiberку, в контексте развития туризма в Мурманской области. Статья основывается на результатах анкетных опросов и устных бесед с жителями сел Терiberка и Лодейное. Анализируются основные типы туристов, посещающих Терiberку, и мотивы их путешествия с точки зрения местного населения. Делается вывод о том, что путешествие в Терiberку — это поиск квазирелигиозной аутентичности и самореализации посредством участия в «ритуале» осмотра «достопримечательностей» и мест.

Ключевые слова:

паломнический ландшафт, туристы, Мурманская область, Терiberка

Финансирование

Статья выполнена по теме государственного задания ЦГП КНЦ РАН № 0226-2019-0066.

Для цитирования: Давыдова А. С. Воспроизведение сакрального ландшафта Терiberки в контексте развития туризма в Мурманской области // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 21. 2021. Т. 12, № 4. С. 126–140. <http://dx.doi.org/10.37614/2307-5252.2021.4.21.009>.

Original article

REPRODUCTION OF THE SACRED LANDSCAPE OF TERIBERKA IN THE CONTEXT OF TOURISM DEVELOPMENT IN THE MURMANSK REGION

Alena S. Davydova✉

Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre of RAS, Apatity, Russia

alyona-797@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-7967-5953>

Abstract

The article reveals the concept of a pilgrim landscape. The “pilgrims”, who visit Teriberka, are considered in the context of tourism development in the Murmansk region. The study was carried out by questionnaires and oral conversations with residents of the villages Teriberka and Lodeinoe. The main types of tourists visiting Teriberka and the motives of their travel from the point of view of the local residents are analyzed. The study has shown concluded that a trip to Teriberka is a search for quasi-religious authenticity and self-realization through participation in the “ritual” of sightseeing “sights” and places.

Keywords:

pilgrim landscape, tourists, the Murmansk region, Teriberka

Funding

The article was made on the topic of the state assignment of the Barents Centre of the Humanities of KSC RAS No. 0226-2019-0066.

For citation: Davydova A. S. Reproduction of the sacred landscape of Teriberka in the context of tourism development in the Murmansk region // Transactions of the Kola Science Centre. Humanitarian studies. Series 21. 2021. Vol. 12, no. 4. P. 126–140. <http://dx.doi.org/10.37614/2307-5252.2021.4.21.009>.

Введение

Териберка является одним из старинных поселений на Кольском полуострове: ему более 500 лет. История Териберки, как и многих населенных пунктов в России, вобрала в себя и расцвет поселка, и его полный упадок.

Первое упоминание об этом населенном пункте относится к XVI в., когда здесь появилось русское становище рыбопромышленников [1]. В прошлом Териберка была самой богатой рыбацкой деревней Кольского полуострова, многонациональной и открытой для международных контактов, особенно во времена поморской торговли до революции 1917 г. [2]. Пик социально-экономического развития в Териберке пришелся на советский период (50-е гг. прошлого столетия) [3]. Основой процветания села всегда были рыболовство, судоремонтные мастерские, сельское хозяйство (оленоводство, птицефермы, разведение американской норки). В середине 1990-х гг. Териберка столкнулась с глубоким социально-экономическим кризисом, обусловленным рыночными преобразованиями в РФ, а также введением квот на вылов рыбы в Северной Атлантике. Кризис проявился в развале экономики поселка, росте безработицы до 40–50 % трудоспособного населения, резком снижении уровня жизни и ухудшении демографической ситуации [4].

В настоящее время положение Териберки нельзя характеризовать однозначно. С одной стороны, — запущенность территории, заброшенность жилых помещений, обилие социальных проблем, низкое качество жизни местного населения, а с другой, Териберка сегодня — это один из самых популярных туристических маршрутов в России. Мотивация к этому самая разная — от возможности насладиться видами побережья Баренцева моря, красотами арктической природы, северным сиянием, историко-культурным наследием былого расцвета поселения, которое ныне состоит из заброшенных и полуразрушенных зданий и останков рыболовных судов. Туристический поток в сельском поселении составляет не менее 40 тыс. чел. в год и сохраняет стойкую тенденцию к росту. Отправной точкой роста туризма принято считать выход фильма Андрея Звягинцева «Левиафан». Вот один из типичных высказываний на эту тему в Сети:

Если бы герой Алексея Серебрякова вернулся в Териберку сегодня, он бы ее не узнал. Парадоксально, но обреченное на смерть и забвение село восстанавливается благодаря фильму о безысходности и предопределенности. На фоне покореженных островов кораблей и проржавевших машин видны силуэты столичных тревел-блогеров и модных фотографов. В кафе у бухты варят приличный капучино, рядом — огромные качели для эффектных фотосессий¹.

С 2015 г. Териберка становится местом проведения различных фестивалей. Самый популярный из них — «Териберка. Новая жизнь». В 2021 г. он вошел в культурную программу председательства Российской Федерации в Арктическом совете². Мероприятие пользуется большим спросом среди туристов. По данным Правительства Мурманской области, в 2021 г. в первый день его посетило 3 тыс. чел.³

Пейзаж Териберки вызывает, действительно, противоречивые чувства: на фоне разрушенных и заброшенных строений строятся кафе и гостиницы, в любое время года можно встретить многочисленных путешественников. На сегодняшний день непонятно, что именно привлекает такое количество посетителей в Териберку. Действительно ли нашумевший фильм является триггером для мотивации поездки? И можно ли рассматривать «достопримечательности», попавшие в сферу индустрии массового туризма, в качестве культурно-религиозного ландшафта, подобно

Грейсленду (дому певца-кумира нескольких поколений Элвиса Пресли) [5]. Могилы Элвиса Пресли, Джима Моррисона становятся массовыми туристическими достопримечательностями и местами осуществления как светских, так и религиозных ритуальных действий. Массовому туризму сопутствуют разные культурные практики, в том числе и религиозные [6].

Теоретический контекст исследования

До 1970-х гг. изучение туризма практически не представляло собой отдельную академическую область [7], а исследования взаимосвязи между религией и туризмом часто подходили к этим двум предметам как к двум отдельным областям социальной жизни.

Первоначальная дифференциация между туризмом и паломничеством начала проявляться в 1970-х гг., основываясь на утверждении Дина МакКаннелла [8] о том, что турист был паломником в подлинности. Позднее Нельсон Грабурн [9] охарактеризовал туризм как своего рода ритуал, предполагая существование параллельных процессов как в формальном паломничестве, так и в туризме, которые можно интерпретировать как «священные путешествия». Он утверждал, что эти путешествия посвящены самопреобразованию и приобретению знаний и статуса через контакт с необычным или священным.

С тех пор теории концентрировались на различных типологиях туристов и паломников в части особых различий между опытом, связанным с посещением достопримечательностей, и повседневной жизнью [10--12]. За последние два десятилетия новый всплеск внимания к паломничеству возник благодаря исследователям, изучающим различные пересечения туризма с политическими, культурными, поведенческими, экономическими и географическими сюжетами [13].

Большинство новых исследований отражают тенденцию к дедифференциации, и ряд ученых утверждают, что различия между туризмом, паломничеством и даже светским паломничеством продолжают сужаться [14, 15]. Различиями все чаще пренебрегают, поскольку религиозные и светские сферы туризма быстро сходятся, а религиозный туризм занимает более заметную рыночную нишу в международном и российском туризме [16–18 и др.].

Процесс превращения паломничества в товар привел к тому, что все больше организаторов туристических маршрутов склонны объявлять маршруты и объекты паломничества культурным наследием [19–23]. В то же время появляются исследования коммерческого паломничества [24], а также духовного предпринимательства [25].

Эти тенденции привели к пониманию паломничества в связи с различными явлениями — от любования наследием, экологией и природой до медитативной ходьбы, исцеления, спортивного отдыха, туристической или рекреационной деятельности и т. д. [26: 23–26]. По мере погружения в эту тему становится все сложнее понять, какими мотивами руководствуются путешественники, или, как их называет Петер Маргри, “walkers”. Не углубляясь подробно в бриколизированные рассуждения о паломничестве и туризме, попробуем подойти к изучению мотивов “walkers” с помощью исследований «ландшафта паломничества».

Х. Э. Кампо [27], а позднее и Д. Олдерман [28] использовали термин «ландшафт паломничества», чтобы подчеркнуть отношения между людьми и местом. По их мнению, ни одно место не является священным само по себе. Скорее, паломничества являются «социальными конструкциями». Эта перспектива фокусирует наше внимание на той роли, которую играют «люди в их создании, присвоении, организации и представлении» [27: 42]. Паломнические ландшафты

не просто возникают, а подвергаются тому, что А. Ситон [29] называет сакрализацией — последовательным процессом, в ходе которого туристические достопримечательности «маркируются» как значимые, (квази)религиозные святыни. Посетители и создают пейзажи паломничества с помощью различных социальных практик.

Ландшафт и туризм также были объединены в исследованиях. Например, К. Белл и Д. Лайалл пишут о «ландшафте как динамической арене», которая активизирует сакральное в приключениях и экотуризме [30: 21]. Воображение и интерпритации места создают ощущение сакральности само по себе, и в этом процессе оно становится священным. Например, усадьба Грейсленд не является культурно-религиозным ландшафтом просто потому, что когда-то она была домом Элвиса Пресли. Скорее, ее святость проистекает из поведения, отношения и действий посетителей [31]. Именно участники коммуникаций создают сакральный ландшафт, опираясь на его предыдущие смыслы и истории [32]. При этом под сакральным пейзажем понимается не статический физический пейзаж. Понятие используется с антропологической точки зрения — как нечто, внутри и посредством чего люди живут, наделяют его смыслами и конструируют его физически, символически и социально [33].

Материал и методы

В основе этой работы лежат полевые материалы, собранные автором в экспедициях в поселки Териберка и Лодейное (в 2020 и 2021 гг.). При помощи полуформализованного интервью ($N = 8$: 2 мужчин, 6 женщин) был собран устный материал.

Дополнительно в статье используются обобщенные данные социологического исследования, проведенного автором в 2020 г. на территории Териберки и Лодейного:

- уличный анкетный опрос ($N = 36$);
- онлайн-опрос жителей ($N = 32$). Онлайн-опросник был составлен при помощи Google-форм и размещен в социальной сети «ВКонтакте» в группах: «Сельское поселение Териберка» (<https://vk.com/public180187981>); «Моя Териберка/Интернет-газета» (https://vk.com/my_teriberka); «Подслушано в Териберке» (<https://vk.com/podslushanovteriberke>).

Наиболее активными возрастными группами, принявшими участие в количественном исследовании, стали респонденты в возрасте от 46 до 60 лет (40,6 % от всей совокупности опрошенных) и категория 36–45 лет (31,3 %).

Подавляющее большинство ответов было получено от респондентов-работников бюджетной сферы — 40 % и пенсионеров — 37 %; 5 % — студенческой молодежи; 5 % — неработающих; 5 % — отнесли себя к категории фрилансеров; 3 % — рабочих. Среди них: 60 % — женщины; 40 % — мужчины.

Результаты и обсуждение

Типологии туристов обычно представляют культурных туристов как мотивированных аутентичностью, культурным взаимодействием и возможностью узнать что-то новое в результате их туристических встреч [34]. В книге «Туристический взгляд» Джон Урри [35] отстаивал идею о том, что туриста интересует экзотика, определенная специально и переосмысленная в соответствии с требованиями общества потребления, основной характеристикой которого является придание ценности развлечениям, удовольствиям. Используя концепцию рефлексивности социолога Энтони Гидденса, Урри утверждал, что места и пейзажи превращаются в объекты рефлексивного потребления туристом. Урри отмечает, что существует 2 типа туристов: один — «романтический», а другой — «коллективный». «Романтический»

тип туристов отличается тем, что к его мотивации можно отнести любование природой, пейзажем, сельской местностью, пасторальностью, уединением, нетронутостью [35]. Во многом этот тип туриста индивидуален. «Коллективный» тип, в свою очередь, требует для своего развития большое количество людей и ориентацию на них. Согласно Урри, присутствие других людей необходимо для того, чтобы эти места были «успешными». В отличие от «романтического», «коллективный» турист требует мест с большим потоком людей. Именно это необходимо для того, чтобы туристам захотелось посетить эти места. Они могут быть связаны со зрелищем, основанном на световом шоу или шоу с лазерными лучами и т. п.

Если следовать классификации Урри, то подавляющая часть туристов, приезжающих в Териберку, относится к романтическому типу. Об этом свидетельствуют, данные, полученные количественным методом опроса, где в качестве основных мотивов посещения были указаны любование природой и стремление отдохнуть от городской жизни.

Дополним классификацию Урри исследованиями типов туристов Эрика Коэна [36], который, на основе особого сочетания предпочтений, новизны / волнения и знакомства / безопасности, разделил туристов на 4 категории.

1. Организованные массовые туристы путешествуют в группе с другими туристами, не обязательно знакомыми друг с другом, по заранее определенному и жесткому маршруту. Это путешественники, покупающие путевки у туроператоров на популярные направления; такие путевки обычно включают в себя расходы на транспорт, проживание и, возможно, питание, билеты на туристические достопримечательности и шоу, трансферы из аэропорта в туристический пункт назначения и т. д. Они проводят большую часть своего времени в среде, изолированной от местного населения и аутентичной культуры.

2. Индивидуальные массовые туристы перемещаются самостоятельно или с группой путешественников, уже знакомых друг с другом, с турпакетом, в котором есть заранее выбранные продукты. Эти пакеты могут быть организованы туроператорами или туристическими агентствами и обычно включают оплату проезда до места назначения, размещения и, возможно, других мероприятий, то есть покупку билетов на туристические достопримечательности, шоу, в парки (например, тематические катания на лыжах) и оплату трансфера из аэропорта. Хотя Коэн считал этот и предыдущий тип туризма институционализированными, индивидуальные массовые туристы отличаются от организованных массовых туристов, поскольку они могут изменить свой маршрут или даже продолжительность пребывания в одном из пунктов назначения.

3. Путешественники-исследователи передвигаются сами по себе, стремясь исследовать новые туристические направления, избегая, таким образом, наиболее туристически развитых мест. Как правило, туристы-исследователи предпочитают контакт с местным населением, а не общение с другими туристами во время путешествия, хотя они и пользуются туристической инфраструктурой определенного типа.

4. Туристы-скитальцы хотят почувствовать себя частью местного сообщества, пусть даже временно. Они стремятся проводить дни с местными жителями, полностью погружаясь в их культуру и привычки.

По указанной выше классификации самый распространенный тип туристов в Териберке и Лодейном — индивидуальный. Это можно подтвердить и отзывами самих туристов. Вот одно из таких высказываний:

В определенных кругах написать про Териберку стало почти как написать про Сочи — здесь, кажется, уже перебивали все, называющие себя «самостоятельными путешественниками»⁴.

Помимо указания на преобладающий тип туриста, в тексте есть отсылка к сравнению Териберки со знаменитым курортом в России — Сочи. Это подтверждает популярность данного направления.

На втором месте по частоте находятся упоминания о путешественниках-исследователях. Тип «организованные массовые туристы» опрошенные относят, в основном, к допандемийному времени (до весны 2020 г.), когда приезжали путешественники из других стран. Мне не встретилось ни одного упоминания о «туристах-скитальцах». Наоборот, многие местные жители сетовали на незаинтересованность приезжающих местной культурой, историей места, отстраненность от жизни местного населения, потребительское отношение к природному и культурному наследию Териберки. С полной уверенностью можно говорить о том, что в Териберке происходит процесс, который Терон Нуньес назвал аккумуляцией [37].

Работы Нуньеса связаны с традицией, которая берет свое начало у Мелвилла Херсковица [38] и Роджера Бастида [39]. Они утверждали, что существует процесс доминирования одной культуры над другой и, хотя этот процесс может быть постепенным, он почти всегда однозначен и телеологичен. На протяжении всего развития антропологии туризма существуют различные ответвления этой теории, которая максимизирует давление туризма как фактора, изменяющего местную культуру [40–43].

Если рассматривать отношения между туристами и хозяевами с этой позиции, то изменения в культуре являются результатом способности местной культуры к сопротивлению, с одной стороны, и интенсивного давления, вызванного туризмом, с другой.

Теребирчане часто указывали на то, что от пребывания туристов на их территории, скорее, больше минусов, чем плюсов. Большинство не против развития туризма, но считают этот процесс односторонним, направленным лишь на внешних инвесторов и туристов, так как не видят улучшения качества своей жизни. Скорее, наоборот, у них вызывает удивление и негативное отношение ущерб, наносимый туристами, проявляемое ими неуважение к принимающей стороне, потребительское отношение к природному наследию.

В антропологии туризма хорошо описаны процессы взаимодействия принимающих сторон и гостей. Некоторые из этих исследований были собраны в основополагающей книге Валена Смита «Хозяева и гости: антропология туризма» [44], которая в настоящее время считается краеугольным камнем «антропологии туризма». Взгляды ранних социологов на туризм также были пронизаны «моделью воздействия» туризма [45]. При этом ряд исследователей утверждают, что коммодитизация и аккумуляция необязательно разрушают значение культурных продуктов, хотя могут изменить его или добавить новые значения к старым (см., напр., [10]).

Из устных бесед с жителями Териберки и Лодейного можно сделать вывод о том, что представления местного населения о ведущих мотивах приезжающих не слишком отчетливы. Об этом свидетельствует также большой разброс мнений и в количественном исследовании. Кто-то называет в качестве основного мотива приезда морскую рыбалку, кто-то — красивую природу, страсть к путешествиям, посещение места съемки культового фильма Андрея Звягинцева «Левиафан», самый легкий путь к океану. Некоторые из опрошенных искренне не понимают причин, которые приводят туристов в Териберку.

Ответы на вопрос: «Каким Вы видите будущее Териберки?», — передают пессимистический настрой териберчан. Мало кто видит Териберку и Лодейное перспективными и развивающимися турпоселками. По мнению местного населения, обилие социальных проблем и неразвитость туристической инфраструктуры мешают развитию поселков. Число задействованных в турбизнесе представителей местного населения крайне мало. Социальная запущенность и безынициативность териберчан подчеркивается людьми, имеющими свой бизнес в Териберке:

*У меня вот 12 человек работает здесь. Все пьют. Хорошие мужики. Я сам их кодирую. Хочу, чтобы местные работали*⁵.

Желание сохранить участие местного населения в развитии поселка можно рассматривать как стремление сохранить его аутентичность, в том числе и во внешнем виде:

*Надо все делать аутентичным — в духе русской культуры, поморской. Писать только по-русски. Я категорически против надписей на китайском языке*⁶.

Информант говорит о надписи на китайском языке, размещенной на электронном табло на одном из сельских магазинов. При оценке отношения к туристам в Териберке больше всего отрицательных высказываний относилось к путешественникам из Китая:

*Есть такие. Иностранцы ведут себя осторожно. Но есть люди, в частности, Китай. Хоть я, ну из тех, кто — «Пролетарии всех стран — объединяйтесь», но тут не могу поддержать их. Ну нет (смеется)*⁷.

*Ограничить доступ китайцам. Китайцы — это ужас! Они могут сесть в туалет в огороде всем семейством. Для них нет никаких границ. Не умеют себя вести*⁸.

Надписи на китайском языке воспринимаются многими жителями негативно и с недоумением. В ситуации «вторжения» туристов, когда необходимо сохранять культуру и историю уникального исторического поселения, присутствие элементов другой культуры кажется излишним.

Необходимость сохранить культуру и историю в «чистом» виде неоднократно подчеркивается информантами:

*Историю нельзя забывать. А ее сейчас никто не помнит. Никто не следит за памятниками. <...> Необходимо, чтобы экскурсоводы правдиво рассказывали историю. Следили за поведением туристов*⁹.

По мнению териберского священнослужителя, Териберка — самое «чистое место». Нетронутый край земли, на который туристы могут принести зло:

«Сынок, единственное место осталось на нашем Кольском полуострове, куда сектанты еще не дошли, но уже собираются. Давай, все» <...> Третье: туризм. Я раньше не впускал это. О Териберке мало информации, мы не впускали никого. Потому что вместе с туристами придет шлак, придет безнравственность, придет грязь, вирус зла. Пусть они пьют ацетон, но они мои родные, больные, хромые, убогие. Но теперь уже пошло такое, что, пожалуйста, пусть приходит туризм, мы уже отучили всех врагов (очевидно, речь идет о представителях иной веры — А. Д.) оттуда. Пусть приходит официальный туризм, хороший»¹⁰.

Отвечая на вопрос «почему китайцы так любят сюда приезжать?» все информанты указывали в качестве основной причины — «северное сияние» и связанные с ним репродуктивные ожидания.

Некоторые информанты при обосновании мотивов приезжающих подчеркивают, что «Териберка — это Россия, а россияне должны знать свою Родину!». История Териберки — это часть общей, российской истории, которой, по мнению местного населения, приезжающие почему-то не интересуются, впрочем, как и представители власти.

Информанты из Териберки настаивали на том, что к ним едут исключительно потому, что именно здесь то самое историческое место, куда издавна стекались потоки людей. При этом они оговаривались, что так было раньше, а сейчас поселок не развивается:

Вот раньше Териберка была... Если бы не воровали... Раньше финны приезжали в гости. Жизнь кипела. Весь берег был в рыбе, в день ходило более тысячи лодок в море. Становиц было много раньше. Все было. Все разрушено. Нас хотят отсюда выселить. А я не хочу отсюда уезжать, я уже уезжала, вернулась. Тянет сюда.

Инт.: А как Вы думает одинаковые ли проблемы у поселений, связанные с турпотоком?

Инф.: Проблемы у поселений разные. У нас нет воды. Свет часто отключают <...> Едут-то к нам. В Териберку. Что там у Лодейного? Какая история? Истории разные, люди разные. У Лодейного нет истории. Да и у нас теперь. Понастроили борделей. Вот посмотрите (показывает на рядом стоящее здание гостиницы) это ведь самый настоящий бордель. Вы знаете, что там происходит? Голые проститутки выбегают оттуда. Это не наши, это из Лодейного, конечно же»¹¹.

Жители Териберки противопоставляют себя как городским жителям, так и жителям Лодейного (это подтверждают ранее проведенные социологические исследования [46, 47]). Информанты разных поколений подтверждают существование противостояния между жителями населенных пунктов, находящихся в пяти километрах друг от друга:

Инт.: А это правда, что существует противостояние между поселками?

Инф.: Есть негласное разделение. Раньше молодые мужики ходили стенка на стенку. И сейчас есть такое разделение¹².

Инт.: Расскажите, что за противостояние между поселками?

Инф.: Издавна. Вот у нас случай недавно был. Умер человек. У нас здесь, в Териберке. А наш могильщик был в запое. И мужик из Лодейного отказался его закапывать. Сказал, если бы свой, я бы согласился¹³.

Мотивом для путешествия в Териберку может быть «зов в Арктику»:

Инт.: А как Вы думаете, почему тогда люди сюда приезжают?

Инф.: Арктика зовет!

Далее информантка в процессе рассуждений приходит к выводу, что плохое поведение туристов в Териберке и Лодейном объясняется тем, что нет объединяющей идеи, которая могла бы регулировать их поведение:

Ох (вздыхает), понимаете. Мы не против. Но такое поведение. Мусорят. Вот рыбки головы по всему берегу валяются. Весь берег усеян рыбными отходами. Некоторые на машинах ездят прямо к озеру. Стирают там вещи. У нас это единственный источник питьевой воды. Никто их не контролирует. Нет идеи. Вот как на Оптиной пустыни. Один приход <...> Вот вы въезжаете, видите крест, до этого там крест ставили ребята-афганцы. Потом кто-то спилил, спилили крест. Стыдно за поселок. За безинициативное состояние <...> А у нас население отдельно, власть отдельно. Население безинициативное. На два поселка всего 660 человек осталось <...> Развитие Териберки — часть роста страны. Хочется, чтобы страна росла»¹⁴.

Информантка указывает в качестве примера Оптину пустынь — знаменитое место православного паломничества в качестве «образцового», где путешествующие словно связаны одной идеей, и эта идея отсылает не только к национальному единству всей страны, закреплённому в вере, но и к невольному сравнению туристов с паломниками.

Вместо заключения

Самым распространенным типом туристов, по мнению жителей Териберки и Лодейного, является индивидуально-романтический. Это самостоятельные, индивидуальные туристы, у которых побудительным мотивом к путешествию служит любование природой, стремление к уединению, попытка самосовершенствования. По устным высказываниям териберчан трудно определить, какая мотивация путешествия в Териберку является ведущей. Выяснить, «туристы» они или духовно мотивированные «паломники» не удастся на основании полученного материала, да и дихотомию паломника и туриста следует признать давно устаревшей [48]. Целесообразно использовать термин «паломник» для описания современных путешествий в метафорическом смысле для обозначения туристов, которые используют путешествия как способ формирования идентичности. «Типологии», как отмечает Эденсор, «могут определять закономерности, но их следует рассматривать как описывающие различные туристические практики, а не типы людей, как принятые роли, а не социальные категории» [49].

Если исходить из начального тезиса о том, что посетители создают и конструируют пейзаж с помощью различных социальных практик, то можно сделать вывод о разнообразии паломнических ландшафтов. Подобно паломническим ландшафтам в Америке, они могут быть пейзажами паломничества и связываться с религиозно-культурным ландшафтом, когда происходит освящение фигур и тем из популярной культуры и средств массовой информации. Эти места паломничества вызывают ностальгию и превращают культуру в товар. Рассказы местного населения в Сети о краже валунов туристами с каменного пляжа «Яйца дракона» это попытка взять с собой «кусочек» Териберки. Последнее похоже на замещение сувенирной продукции, которая в Териберке практически отсутствует. Приобретение сувенирной продукции — это сакрализация локуса, который создается и поддерживается практиками путешественников [51: 44–45]. Подтверждением этого процесса служат культурные практики, совершаемые туристами: складывание пирамид из камней, нанесение имен и названий городов на скалы. Последнее вызывает у местного населения резко негативную реакцию и связывается с разрушением органичности природного и культурного ландшафта Териберки, так как жители хотели бы сохранить его в «чистом» виде. Если исходить из идей Дина Макканела, который предоставил теоретический контекст для концептуализации туриста как светского паломника в поисках подлинности, то туристы в Териберке вполне могут быть объединены поиском аутентичности, которая, по всей видимости, ассоциирована с Арктикой. И путешествие в Териберку — это поиск квазирелигиозной аутентичности, правды и самореализации посредством участия в «ритуале» осмотра достопримечательностей и сакрализации туристических мест.

Возможно, исследователям следует воспользоваться моментом, чтобы осмыслить тот факт, что религиозный туризм более не является четко отделенным от массовых видов туризма, поскольку он не представляет собой значительный рынок, который продолжает расти. Было бы недальновидно не признать, что можно отождествить определенное поведение человека как в туризме, так и в паломничестве. Грейсленд или Пер-Лашез являются туристическими направлениями, но они также представляют (хотя бы для определенной группы) храм, который совсем не светский и в который они, по мнению Дерека Олдермана [28], таким образом совершают паломничество.

Примечания

¹ Хтонь. Хибины и драконьи яйца: что посмотреть в Мурманской области // Тимур Юсупов отправился в Мурманскую область, чтобы оценить уровень сервиса, побывать на месте съемок «Левиафана», переночевать в стеклянной полусфере и увидеть Хибинские горы // Стиль. URL: <https://style.rbc.ru> (дата обращения: 20.09.2021).

² Праздник со вкусом Арктики. Как фестиваль в Териберке дал жару на Русском Севере. URL: <https://lenta.ru/articles/2021/08/23/teriberka/> (дата обращения: 15.09.2021).

³ Фестиваль «Териберка» в первый день посетило 3000 гостей // Сайт Правительства Мурманской области. URL: <https://gov-murman.ru/info/news/414278/> (дата обращения: 21.09.2021).

⁴ Териберка: на последнем берегу // LIVEJOURNAL. URL: <https://me-frai.livejournal.com/217018.html> (дата обращения: 20.09.2021).

⁵ Мужчина. Бизнесмен. Старше 40 лет.

⁶ Он же.

⁷ Женщина, назвала себя активистом поселка. На пенсии. Старше 55 лет.

⁸ Женщина. На пенсии. Старше 65 лет.

⁹ Женщина, назвала себя активистом поселка. На пенсии. Старше 55 лет.

¹⁰ Отец Сергей из Териберки: «У «Левиафана» должна быть вторая часть». Интервью с настоящим священником из поселка, упомянутого в фильме Андрея Звягинцева // Правмир. URL: <https://www.pravmir.ru/otets-sergiy-iz-teriberki-u-leviafana-dolzha-byit-vtoraya-chast/> (дата обращения: 20.09.2021).

¹¹ Женщина. На пенсии. Старше 65 лет.

¹² Мужчина. Работник сферы обслуживания. Около 30 лет.

¹³ Женщина. На пенсии. Старше 60 лет.

¹⁴ Женщина, назвала себя активистом поселка. На пенсии. Старше 55 лет.

Список литературы

1. Державин В. Л. Северный Мурман в XVI–XVII вв.: К истории русско-европейских связей на Кольском полуострове. М.: Научный мир, 2006. 140 с.
2. Жданов В. П., Орловская Л. Ф. Североморск. Мурманск: Мурманское книжное издательство, 1978. 160 с.
3. Рябова Л. А., Корчак Е. А. Перспективы развития малых прибрежных поселений Мурманской области: поселок Териберка // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2013. № 3 (34). С. 47–52.
4. Eikeland S., Ryabova L., Ivanova L. Northwest Russian fisheries after the disintegration of the USSR: market structure and spatial impacts. *Polar Geography*. 2005. Vol. 29. No. 3. P. 224–236.
5. Derek H. Alderman Writing on the Graceland Wall: On the Importance of Authorship in Pilgrimage Landscapes // *Tourism Recreation Research*. 27. No. 2. P. 27–33. DOI: 10.1080/02508281.2002.11081217.
6. Margry P. J. Shrines and Pilgrimage in the Modern World: New Itineraries into the Sacred. Amsterdam: University Press, 2008. 362 p.
7. Nash D. The study of tourism: Anthropological and sociological beginning. London: Elsevier Science, 2005. 305 p.
8. MacCannell D. Staged authenticity: Arrangements of social space in tourist settings // *American Journal of Sociology*. 1973. Vol. 79. No. 3. 589–603.
9. Grabum N. H. H. Tourism: The sacred journey. In V. L. Smith (Ed.), *Hosts and guests: The anthropology of tourism*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1977. P. 17–31.
10. Cohen E. Authenticity and commoditization in tourism // *Annals of Tourism Research*. 1988. Vol. 15. No. 3. P. 371–386. [https://doi.org/10.1016/0160-7383\(88\)90028-X](https://doi.org/10.1016/0160-7383(88)90028-X).

11. Cohen E. Pilgrimage centres: Concentric and excentric // *Annals of Tourism Research*. 1992. Vol. 19. No. 1. P. 33–50.
12. Smith V. L. Introduction: The quest in guest // *Annals of Tourism Research*. 1992. Vol. 19. No. 1. P. 1–17.
13. Timothy D. J., Olsen D. H. (Eds.). *Tourism, religion and spiritual journeys*. London / New York: Routledge, 2006. 258 p.
14. Bilu Y. Divine worship and pilgrimage to holy sites as universal phenomena. In R. Gonen (Ed.). *To the holy graves: Pilgrimage to the holy graves and Hillulot in Israel: The Israel Museum*, 1998. P. 11–26.
15. Kong L. Mapping 'new' geographies of religion: Politics and poetics in modernity // *Progress in Human Geography*. 2001. Vol. 25 (2). P. 211–233.
16. Балабейкина О. А., Гаврилова К. С., Кузнецова Ю. А. Религиозный туризм как составляющая брендинга Архангельской области // *Север и рынок: формирование экономического порядка*. 2021. № 3. С. 118–127. DOI:10.37614/2220-802X.3.2021.73.008.
17. Лустина Т. Н., Панова А. Г., Бокарева Е. В., Смирнова Е. Г., Кезикова Т. С., Бахвалова О. А. Развитие религиозного туризма (на примере Ленинградской области) // *Сервис plus*. 2021. Т. 15. № 1. С. 10–17. DOI: 10.24411/2413-693X-2021-10102.
18. Грущенко Э. Б. Развитие индустрии туризма на Соловецких островах // *Наука*. 2020. 2016. № 5 (11). С. 357–361.
19. Fladmark J. M. (Ed.). *In search of heritage: As pilgrim or tourist?* Oxford: Routledge, 1998. 493 p.
20. Roseman S. R. Santiago de Compostela in the Year 2000. From Religious Center to European City of Culture. In: E. Badone & S. R. Roseman (Eds.). *Intersecting journeys. The anthropology of pilgrimage and tourism*. Urbana: University of Illinois Press, 2004. P. 68–88.
21. Margry P. J. Memorialising Europe. Revitalizing and reframing a 'Christian' Continent // *Anthropological Journal of European Cultures*. 2008. Vol. 17 (2). P. 6–33.
22. Roseman S. R., Herrero N., Fife W. The cultural politics of tourism and heritage in Galicia. *Anthropological Perspectives // International Journal of Iberian Studies*. 2008. Vol. 21 (2). P. 73–86.
23. Sánchez-Carretero C. Heritage regimes and the Camino de Santiago: Gaps and logics. In: R. Bendix, A. Eggert & A. Peselmann (Eds.). *Heritage regimes and the state*. Göttingen: Universitätsverlag Göttingen, 2012. P. 141–155.
24. Fernández-Poyatos, María-Dolores et al. The way of Saint James and the Xacobeo 2010 in the tourism websites of the Spanish autonomous communities // *Revista Latina de Comunicación Social*. 2011. Vol. 67. P. 23–46.
25. Fonneland T. Spiritual Entrepreneurship in a Northern Landscape: Spirituality, Tourism and Politics // *Temenos*. Vol. 48. No. 2. 2012. P. 155–178.
26. Knox D., K. Hannam, Margry P. Y., Salazar N. B. Is Tourist a Secular Pilgrim or a Hedonist in Search of Pleasure? // *Tourism Recreation Research*. 2014. Vol. 39. Issue 2. P. 235–267/ <https://doi.org/10.1080/02508281.2014.11081769>.
27. Campo J. E. American pilgrimage landscapes // *Annals of the American Academy of Political & Social Science*. 1998. No. 558. P. 40–56.
28. Alderman D. H. Writing on the Graceland wall: On the importance of authorship in pilgrimage landscapes // *Tourism Recreation Research*. 2002. Vol. 27(2). P. 27–33.
29. Seaton A. V. War and thanatourism: Waterloo 1815–1914 // *Annals of Tourism Research*. 1999. No. 261. P. 130–158.

30. Bell C., Lyall J. The Accelerated Sublime: Thrill-Seeking Adventure Heroes in the Commodified Landscape. In: Simon Coleman and Mike Crang (eds). *Tourism: Between Place and Performance*. New York: Berghahn Books, 2002. P. 21–37.
31. Rodman G. B. *Elvis after Elvis: The Posthumous Career of a Living Legend*. New York: Routledge, 1996. 231 p.
32. Teemy T. Mantsinen Pilgrimage as a Reproduction of Sacred Landscape in Finnish Karelia and the Russian Border Zone // *Temenos*. Vol. 56. No. 1. 2020. P. 7–31. DOI: <https://doi.org/10.33356/temenos.89107>.
33. Tilley C., Cameron-Daum K. *Anthropology of Landscape: The Extraordinary in the Ordinary*. London: UCL Press, 2017. 346 pp.
34. Cohen E. Rethinking the Sociology of Tourism // *Annals of Tourism Research*. 1979. No. 6. P. 18–35
35. Urry J. *The Tourist Gaze: Leisure and Travel in Contemporary Societies* (2nd edition). London: SAGE Publications Ltd, 2002. 184 p.
36. Cohen E. Who is a tourist? A conceptual clarification // *Sociological Review*. 1974. Vol. 22. No. 4. P. 527–555. <https://doi.org/10.1111/j.1467-954X.1974.tb00507.x>.
37. Nuñez T. Tourism, tradition, and acculturation: Weekendismo in a Mexican village // *Ethnology*. 1963. Vol. 2. No. 3. P. 347–352.
38. Herskovits M. *Acculturation: the Study of cultural contact*. New York: J. J. Augustin Publisher, 1938. 155 p.
39. Bastide R. *Les religions africaines au Brésil; vers une sociologie des interpenetrations de civilisations*. Paris: Presses universitaires de France, 1960. 578 p.
40. Nash D. Tourism as a form of imperialism. In: Smith V. L. (ed.) *Hosts and Guests: the Anthropology of Tourism*. UK: Basil Blackwell, 1977. P. 37–52.
41. Graburn N. Teaching the anthropology of tourism // *International Social Science Journal*. 1980. Vol. 32. No.1. P. 56–68.
42. Boorstin D. J. *The Image: a Guide to Pseudo-Events in America*. New York: Vintage Books, 1992. 336 p.
43. Cohen E. Authenticity and commoditization in tourism // *Annals of Tourism Research*. 1988. Vol. 15. P. 371–386.
44. Smith V. L. *Hosts and Guests: The Anthropology of Tourism*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1989. 341 p.
45. Leite N., Graburn N. Anthropological Interventions in Tourism Studies. *Handbook of Tourism Studies*. London: Sage, 2009. P. 35–64.
46. Жигунова Г. В. Социальные проблемы развития отдаленных территорий Кольского полуострова // *Социальные риски и управление ими в современном обществе*. 2015. С. 27–30.
47. Жигунова Г. В. Социокультурное пространство отдаленных поселений Кольского Севера // *Социальное развитие северных территорий России и зарубежных стран: опыт, проблемы, перспективы*. 2015. С. 77–81.
48. Collins-Kreiner N. The geography of pilgrimage and tourism: Transformations and implications for Applied Geography // *Applied Geography*. 2010. Vol. 30 (1). P. 153–164. DOI:10.1016/j.apgeog.2009.02.001.
49. Bauman Z. From pilgrim to tourist — or a short history of identity. In S. Hall & P. du Gay (Eds.). *Questions of cultural identity*. London: Sage, 1996. P. 18–36. DOI: <http://dx.doi.org/10.4135/9781446221907.n2>.
50. Edensor T. Performing tourism, staging tourism: (Re)producing tourist space and practice // *Tourist Studies*. 2001. Vol. 1 (1). P. 59–81.
51. MacCannell D. *The Tourist. A New Theory of Leisure Class*. Berkley, Los Angeles: University of California Press, 1999. 231 p.

References

1. Derzhavin V. L. *Severnyj Murman v XVI–XVII vv.: K istorii rusko-evropejskih svjazej na Kol'skom poluostrove* [Northern Murman in the XVI–XVII centuries: On the history of Russian-European relations on the Kola Peninsula]. Moscow, Nauchij mir, 2006, 140 p. (In Russ.).
2. Zhdanov V. P., Orlovskaja L. F. *Severomorsk* [Severomorsk]. Murmansk, Murmanskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1978, 160 p. (In Russ.).
3. Rjabova L. A., Korchak E. A. Perspektivy razvitija malyh pribrezhnyh poselenij Murmanskoy oblasti: poselok Teriberka [Development prospects of small coastal communities in the Murmansk region: the case of Teriberka]. *Sever i rynek: formirovanie jekonomicheskogo porjadka* [The North and the Market: Forming the Economic Order], 2013, no. 3 (34), pp. 47–52. (In Russ.).
4. Eikeland S., Ryabova L., Ivanova L. Northwest Russian fisheries after the disintegration of the USSR: market structure and spatial impacts. *Polar Geography*, 2005, vol. 29, no. 3, pp. 224–236. <https://doi.org/10.1080/789610203>.
5. Derek H. Alderman Writing on the Graceland Wall: On the Importance of Authorship in Pilgrimage Landscapes. *Tourism Recreation Research*, 27, no. 2. pp. 27–33. DOI: 10.1080/02508281.2002.11081217.
6. Margry P. J. *Shrines and Pilgrimage in the Modern World: New Itineraries into the Sacred*, Amsterdam: University Press, 2008, 362 p.
7. Nash D. *The study of tourism: Anthropological and sociological beginning*, London, Elsevier Science, 2005, 305 p.
8. MacCannell D. Staged authenticity: Arrangements of social space in tourist settings. *American Journal of Sociology*, 1973, vol. 79, no. 3, pp. 589–603.
9. Graburn N. H. H. *Tourism: The sacred journey*, In V. L. Smith (Ed.), *Hosts and guests: The anthropology of tourism*, Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1977, pp. 17–31.
10. Cohen E. Authenticity and commoditization in tourism. *Annals of Tourism Research*, 1988, vol. 15, no. 3, pp. 371–386. [https://doi.org/10.1016/0160-7383\(88\)90028-X](https://doi.org/10.1016/0160-7383(88)90028-X).
11. Cohen E. Pilgrimage centres: Concentric and excentric. *Annals of Tourism Research*, 1992, vol. 19, no. 1, pp. 33–50.
12. Smith V. L. Introduction: The quest in guest. *Annals of Tourism Research*, 1992, vol. 19, no. 1, pp. 1–17.
13. Timothy D. J., Olsen D. H. (Eds.), *Tourism, religion and spiritual journeys*, London / New York, Routledge, 2006, 258 pp.
14. Bilu Y. Divine worship and pilgrimage to holy sites as universal phenomena. In R. Gonen (Ed.), *To the holy graves: Pilgrimage to the holy graves and Hillulot in Israel*: The Israel Museum, 1998, pp. 11–26.
15. Kong L. Mapping 'new' geographies of religion: Politics and poetics in modernity. *Progress in Human Geography*, 2001, vol. 25 (2), pp. 211–233.
16. Balabejkina O. A., Gavrilova K. S., Kuznecova Ju. A. Religioznyj turizm kak sostavljajushhaja brendinga Arhangel'skoj oblasti [Religious tourism as a component of the branding of the Arkhangelsk region]. *Sever i rynek: formirovanie jekonomicheskogo porjadka* [The North and the Market: Forming the Economic Order], 2021, no. 3 (34), pp. 118–127. (In Russ.) DOI:10.37614/2220-802X.3.2021.73.008.
17. Lustina T. N., Panova A. G., Bokareva E. V., Smirnova E. G., Kezikova T. S., Bakhvalova O. A. Razvitiye religioznogo turizma (na primere Leningradskoy oblasti) [Development of religious tourism (on the example of the Leningrad region)]. *Servis plus* [Plus Service], 2021, vol. 15, no. 1, pp. 10–17. (In Russ.) DOI: 10.24411 / 2413-693X-2021-10102.

18. Grushenko E. B. Razvitiye industrii turizma na Solovetskikh ostrovakh [Development of the tourism industry on the Solovetsky Islands]. *Nauka* [Science], 2016, no. 5 (11), pp. 357–361. (In Russ.).
19. Fladmark J. M. (Ed.), *In search of heritage: As pilgrim or tourist?* Oxford, Routledge, 1998, 493 p.
20. Roseman S. R. Santiago de Compostela in the Year 2000. From Religious Center to European City of Culture, In: E. Badone & S. R. Roseman (Eds.), *Intersecting journeys, The anthropology of pilgrimage and tourism*, Urbana: University of Illinois Press, 2004, pp. 68–88.
21. Margry P. J. Memorialising Europe. Revitalizing and reframing a ‘Christian’ Continent. *Anthropological Journal of European Cultures*, 2008, vol. 17 (2), pp. 6–33.
22. Roseman S. R., Herrero N., Fife W. The cultural politics of tourism and heritage in Galicia. *Anthropological Perspectives. International Journal of Iberian Studies*, 2008, vol. 21 (2), pp. 73–86.
23. Sánchez-Carretero C. Heritage regimes and the Camino de Santiago: Gaps and logics, In: R. Bendix, A. Eggert & A. Peselmann (Eds.), *Heritage regimes and the state*. Göttingen: Universitätsverlag Göttingen, 2012, pp. 141–155.
24. Fernández-Poyatos, María-Dolores et al. The way of Saint James and the Xacobeo 2010 in the tourism websites of the Spanish autonomous communities. *Revista Latina de Comunicación Social*, 2011, vol. 67, pp. 23–46.
25. Fonneland T. Spiritual Entrepreneurship in a Northern Landscape: Spirituality, Tourism and Politics. *Temenos*, vol. 48, no. 2, 2012, pp. 155–178.
26. Knox D., K. Hannam, Margry P. Y., Salazar N. B. Is Tourist a Secular Pilgrim or a Hedonist in Search of Pleasure? // *Tourism Recreation Research*, 2014, vol. 39, issue 2, pp. 235–267/ <https://doi.org/10.1080/02508281.2014.11081769>.
27. Campo J. E. 1998. American pilgrimage landscapes. *Annals of the American Academy of Political & Social Science*, no. 558, pp. 40–56.
28. Alderman D. H. Writing on the Graceland wall: On the importance of authorship in pilgrimage landscapes. *Tourism Recreation Research*, 2002, vol. 27 (2), pp. 27–33.
29. Seaton A. V. War and thanatourism: Waterloo 1815–1914. *Annals of Tourism Research*, 1999, no. 261, pp. 130–158.
30. Bell C., Lyall J. The Accelerated Sublime: Thrill-Seeking Adventure Heroes in the Commodified Landscape, In: Simon Coleman and Mike Crang (eds), *Tourism: Between Place and Performance*, New York: Berghahn Books, 2002, pp. 21–37.
31. Rodman G. B. *Elvis after Elvis: The Posthumous Career of a Living Legend*, New York: Routledge, 1996, 231 pp.
32. Teemy T. Mantsinen Pilgrimage as a Reproduction of Sacred Landscape in Finnish Karelia and the Russian Border Zone. *Temenos*, vol. 56, no. 1, 2020, pp. 7–31. DOI: <https://doi.org/10.33356/temenos.89107>.
33. Tilley C., Cameron-Daum K. *Anthropology of Landscape: The Extraordinary in the Ordinary*, London, UCL Press, 2017, 346 p.
34. Cohen E. Rethinking the Sociology of Tourism. *Annals of Tourism Research*, 1979, no. 6, pp. 18–35.
35. Urry J. *The Tourist Gaze: Leisure and Travel in Contemporary Societies* (2nd edition), London, SAGE Publications Ltd, 2002, 184 p.
36. Cohen E. Who is a tourist? A conceptual clarification. *Sociological Review*, 1974, vol. 22, no. 4, pp. 527–555. <https://doi.org/10.1111/j.1467-954X.1974.tb00507.x>.
37. Nuñez T. Tourism, tradition, and acculturation: Weekendismo in a Mexican village. *Ethnology*, 1963, vol. 2, no. 3, pp. 347–352.

38. Herskovits M. Acculturation: the Study of cultural contact, New York: J. J. Augustin Publisher, 1938, 155 p.
39. Bastide R. Les religions africaines au Brésil; vers une sociologie des interpenetrations de civilisations, Paris: Presses universitaires de France, 1960, 578 p.
40. Nash D. Tourism as a form of imperialism, In: Smith V. L. (ed.) Hosts and Guests: the Anthropology of Tourism, UK: Basil Blackwell, 1977, pp. 37–52.
41. Graburn N. Teaching the anthropology of tourism. International Social Science Journal, 1980, vol. 32, no. 1, P. 56–68.
42. Boorstin D. J. The Image: a Guide to Pseudo-Events in America, New York: Vintage Books, 1992, 336 p.
43. Cohen E. Authenticity and commoditization in tourism. Annals of Tourism Research, 1988, vol. 15, pp. 371–386.
44. Smith V. L. Hosts and Guests: The Anthropology of Tourism, Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1989, 341 p.
45. Leite N., Graburn N. Anthropological Interventions in Tourism Studies. Handbook of Tourism Studies, London, Sage, 2009, pp. 35–64.
46. Zhigunova G. V. Social'nye problemy razvitiya otdalennykh territorij Kol'skogo poluostrova [Social problems of the development of remote areas of the Kola Peninsula]. *Social'nye riski i upravlenie imi v sovremennom obshchestve* [Social risks and their management in modern society], 2015, pp. 27–30. (In Russ.).
47. Zhigunova G. V. Sociokul'turnoe prostranstvo otdalennykh poselenij Kol'skogo Severa [Socio-cultural space of remote settlements of the Kola North]. *Social'noe razvitie severnykh territorij Rossii i zarubezhnykh stran: opyt, problemy, perspektivy* [Social development of the Northern territories of Russia and foreign countries: experience, problems, prospects], 2015, pp. 77–81. (In Russ.).
48. Collins-Kreiner N. The geography of pilgrimage and tourism: Transformations and implications for Applied Geography. Applied Geography, 2010, vol. 30 (1), pp. 153–164. DOI:10.1016/j.apgeog.2009.02.001.
49. Bauman Z. From pilgrim to tourist — or a short history of identity, In S. Hall & P. du Gay (Eds.), Questions of cultural identity. London, Sage, 1996, pp. 18–36. DOI:http://dx.doi.org/10.4135/9781446221907.n2.
50. Edensor T. Performing tourism, staging tourism: (Re)producing tourist space and practice. Tourist Studies, 2001, vol. 1 (1), pp. 59–81.
51. MacCannell D. The Tourist. A New Theory of Leisure Class, Berkley, Los Angeles: University of California Press, 1999, 231 p.

Сведения об авторе

А. С. Давыдова — кандидат исторических наук, научный сотрудник ЦГП КНЦ РАН.

Information about the author

A. S. Davydova — PhD (History), Research Fellow of the Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre of RAS.

Статья поступила в редакцию 25.09. 2021; одобрена после рецензирования 30.09. 2021; принята к публикации 08.10. 2021.

The article was submitted 25.09. 2021; approved after reviewing 30.09. 2021; accepted for publication 08.10.2021.

Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 21. 2021. Т. 12, № 4. С. 141–153.
Transactions of the Kola Science Centre. Humanitarian studies. Series 21. 2021. Vol. 12, no. 4. P. 141–153.

Научная статья
УДК 004.946:39(=511.12)
DOI: 10.37614/2307-5252.2021.4.21.010

СААМСКИЕ ВЕБ-СООБЩЕСТВА ГЛАЗАМИ МОДЕРАТОРОВ (НА ПРИМЕРЕ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «ВКОНТАКТЕ»)

Олеся Анатольевна Сулейманова[✉]

*Центр гуманитарных проблем Баренц региона ФИЦ КНЦ РАН, Апатиты, Россия
sul-olesya@yandex.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0001-5109-958X>*

Аннотация

В статье рассматривается проблема модерации сетевых этнических сообществ на примере саамских виртуальных групп «ВКонтакте». Проведен экспертный опрос с модераторами веб-сообществ, на основе которого определены цели создания групп, их основные функции и перспективы дальнейшего развития. По мнению опрошенных модераторов, приоритетная цель создания данных групп — объединение представителей саамского народа на единой, хоть и виртуальной площадке, в рамках которой могут быть реализованы определенные индивидуальные и коллективные интересы (поиск единомышленников, получение знаний, чувство общей этнической принадлежности и т. п.). Среди основных функций саамских веб-сообществ модераторы выделяют те, которые присущи подобным виртуальным этническим объединениям: коммуникативную, интегративную, информационно-познавательную, развлекательную и ряд других. Наиболее важными для распространения модераторы считают такие темы, как сохранение саамского языка и культуры (в том числе значительная часть контента связана с материальной культурой), экологические проблемы и традиционные промыслы. При этом отмечается, что наибольший отклик у аудитории данных групп получают посты, посвященные искусству, развлекательной и повседневно-бытовой тематике. Модераторы тщательно отслеживают тематическую направленность контента и стараются избегать различных «острых» тем и дискуссий, особенно связанных с политикой. Аудитория саамских сетевых сообществ оценивается модераторами как бесконфликтная, но в то же время как недостаточно активная. В целом, модераторы высоко оценивают технологические возможности социальных сетей для распространения актуальной информации, налаживания контактов, самопрезентации, социализации саамской молодежи, трансляции своей культуры и выражения этнической идентичности.

Ключевые слова:

виртуальное сообщество, коммуникация, модерация, саамы, социальная сеть «ВКонтакте»

Финансирование:

Статья выполнена по теме гос. задания ЦГП КНЦ РАН № 0226-2019-0066.

Для цитирования: Сулейманова О. А. Саамские веб-сообщества глазами модераторов (на примере социальной сети «ВКонтакте») // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 21. 2021. Т. 12, № 4. С. 141–153. <http://dx.doi.org/10.37614/2307-5252.2021.4.21.010>.

Original article

THE SAAMI WEBCOMMUNITIES IN THE EYES OF MODERATORS (ON THE EXAMPLE OF “VKONTAKTE” SOCIAL NETWORK)

Olesya A. Suleymanova[✉]

*Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre of RAS, Apatity, Russia
sul-olesya@yandex.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0001-5109-958X>*

Abstract

The article discusses the problem of moderation of ethnic network communities on the example of the Sami virtual groups "VKontakte". An expert survey was conducted with moderators of webcommunities, on the basis of which the goals of creating groups, their main functions and prospects for further development were determined. According to the interviewed moderators, the priority goal of creating these groups is to unite representatives of the Sami people on a single, albeit virtual platform, within which certain individual and collective interests can be realized (searching for like-minded people, gaining knowledge, a sense of common ethnicity, etc.). Among the main functions of the Sami webcommunities, the moderators single out those that are inherent in such virtual ethnic associations: communicative, integrative, information-cognitive, entertainment and a number of others. The moderators consider the most important topics for dissemination to such topics as the preservation of the Sami language and culture (including a significant part of the content related to material culture), environmental problems and traditional crafts. At the same time, it is noted that the greatest response from the audience of these groups is received by posts devoted to art, entertainment and everyday life topics. Moderators carefully monitor the thematic focus of the content and try to avoid various "sensitive" topics and discussions, especially those related to politics. The audience of the Sami online communities is assessed by the moderators as conflict-free, but at the same time not active enough. In general, the moderators highly appreciate the technological capabilities of social networks for disseminating relevant information, establishing contacts, self-presentation, socializing Sami youth, broadcasting their culture and expressing ethnic identity.

Key words:

virtual community, communication, moderation, Sami, social network "VKontakte"

Funding

The article was made on the topic of the state assignment of the Barents Centre of the Humanities of KSC RAS No. 0226-2019-0066.

For citation: Suleymanova O.A. The Saami webcommunities in the eyes of moderators (on the example of «VKontakte» social network) // Transactions of the Kola Science Centre. Humanitarian studies. Series 21. 2021. Vol. 12, no. 4. P. 141–153. <http://dx.doi.org/10.37614/2307-5252.2021.4.21.010>.

Коренные народы, находящиеся на грани исчезновения во многих частях мира, были одними из первых приверженцев современных информационно-коммуникационных технологий не только для того, чтобы быть связанными в пространстве и времени, но и для того, чтобы их голос был услышан в эпоху глобализации [1: 28].

Развитие современных информационных технологий и Интернета привело к появлению новых форм коммуникации и интеграции. «Интернет позволяет не только обмениваться и торговать информацией, но и выступает как среда для формирования новых практик и сообществ — типичных объектов антропологических интересов, а следовательно, не может не привлекать внимания антрополога» [2: 6]. В настоящее время изучение новых практик виртуального взаимодействия и специфика развития этничности в Интернете («киберэтничности») является одним из актуальных научных направлений. На данный момент опубликован целый ряд работ, посвященных виртуальным этническим сообществам [3–7].

Виртуальные объединения играют значимую роль в повседневной и общественной жизни индивидов и сообществ, в том числе этнических. Представители различных этнических групп создают виртуальные сообщества с целью трансляции своей культуры и традиций. Мы солидаризируемся с определением Г. И. Грибановой и В. И. Юдина, что виртуальные этнические объединения — «это сообщества, не привязанные к определенному месту и времени, но все же служащие интересам определенной социальной группы, члены которой объединены чувством общей этнической принадлежности, формирующей политическую, социальную и культурную реальность, в рамках которой реализуются определенные интересы и осуществляются различные виды деятельности» [1: 20].

В 2019–2020-е гг. нами были проведены исследования, посвященные различным аспектам, связанным с идентификацией и функционированием киберсообществ кольских саамов на материале социальной сети «ВКонтакте» [8, 9]. В ходе проведенных исследований было проанализировано 13 саамских вебсообществ¹, тематическая направленность, которых связана с презентацией культуры кольских саамов. Изучение виртуальных групп осуществлялось на основе анализа контента (сообщений на стенах, обсуждений, вопросов, комментариев) и наблюдения. Анализ текстового, аудио- и визуального контента позволил сделать выводы о разносторонней, хотя и неравномерной, демонстрации традиционного этнокультурного комплекса и системы современных представлений о нем, а также о значительных усилиях саамской общественности по актуализации традиционной культуры. Было выявлено, что саамские виртуальные объединения полифункциональны и способствуют социальной коммуникации и интеграции на разных уровнях — территориальном, этническом, межнациональном, межинституциональном, межличностном [8: 119]. В те же годы нами были проведены экспертные интервью с администраторами и модераторами данных сообществ с целью отражения специфики функционирования саамских виртуальных групп, так сказать, «изнутри». Следует отметить, что, несмотря на активизацию интереса к изучению этнических сетевых сообществ, проблеме их модерации в статьях исследователей отводится незначительное место. Среди работ, посвященных модерации в социальных сетях [10, 11] можно отметить исследование И. В. Гужовой «Создание этносообществ кыргызов-мигрантов в социальной сети “ВКонтакте” как способ сохранения национальных корней (по материалам онлайн-интервью с модераторами сообществ)» [10]. Автор на основе анализа глубинных интервью раскрывает функциональные и коммуникативные возможности модераторов этносообществ кыргызов-мигрантов, которые позволяют им транслировать в социальных сетях тот или иной проект этнической идентичности [10: 82]. Как отмечают исследователи, «Интернет становится удобной площадкой для развития этничности за счет индивидуальных этнопроектов: уже сегодня киберэтничность прирастает этнически окрашенными персональными амбициями» [4: 106].

В рамках данной статьи предпринята попытка обобщения результатов экспертного опроса с модераторами саамских вебсообществ в социальной сети «ВКонтакте», проведенного в 2019–2020 гг. Модератор — это индивид, «актор, который отслеживает информационные сообщения» [11: 134] в онлайн-беседах, сообществах и пабликах в социальных сетях. Он обладает меньшими правами, чем администратор, но большими, чем рядовой пользователь, поскольку может подвергать редактированию и удалять чужие сообщения. Не редки случаи, когда администраторы сами осуществляют модерацию своих виртуальных сообществ. Среди опрошенных нами «экспертов» как раз и оказались такие представители. Следует также отметить, что большинство модераторов (администраторов) саамских виртуальных групп отказались принять участие в опросе. Один из информантов предоставил ответы на вопросы нашего опросного листа в письменной форме. В результате, было опрошено трое «экспертов» — Мария Дугина (один из модераторов и администраторов Мурманской областной общественной организации саамов «Самь Нураш» — «Саамская молодежь» (525 участников)); Сергей Николаев² (один из модераторов и администраторов группы “Sápmi” (623 участника)); Андрей Данилов³ (один из модераторов и администраторов групп «Самь бллмэ vkontakte.ru/Саамы вконтакте» (1299 участников), «Ловозерский р-он — о чем молчат другие» (905 участников), «Фонд саамского наследия и развития» (139 участников), “Sápmi” (623 участника)).

Несмотря на различную функциональную направленность, все упомянутые выше виртуальные группы освещают саамскую тематику и ориентированы на одну целевую аудиторию — представителей саамского сообщества и тех, кому интересна саамская культура. Как показал анализ саамских вебсообществ, каждую отдельную виртуальную группу одновременно может администрировать и модерировать несколько человек, как по личной инициативе, так и представляя интересы определенных общественных объединений. Кроме того, киберактивисты одновременно могут заниматься развитием сразу нескольких виртуальных сообществ (например, саамский общественник Андрей Данилов). «Для многих выражение своей этнической идентичности в сети Интернет становится не просто способом привлечь внимание, а действительно способом отразить “себя”. Особенно хорошо это заметно в среде активистов этнических движений, которые поддерживают отображение своей этнической принадлежности всеми способами и во всех аккаунтах в социальных сетях» [12: 39].

Как верно отмечает С. С. Носова, «роль организатора коммуникации и его ядра играет модератор. Именно он является инициатором коммуникации, гарантом соблюдения определенных правил и выполняет роль медиатора между участниками сообщества и внешней аудиторией» [13: 96]. Основанием для создания виртуального сообщества является какая-либо «центральная идея» (цель). В зависимости от заданной цели того или иного виртуального сообщества модераторы формируют тематическую направленность их контента. «Модераторы виртуальных сообществ часто являются их создателями, это определяет их понимание целей рождения сообщества, как правило, они целенаправленно создают контент ресурса, заинтересованы в численности и активности группы, транслируют (явно или латентно) свои ценностные установки, стереотипы, убеждения» [10: 81].

Исследователи отмечают, что «сегодня наибольшую активность в киберпространстве проявляют сообщества, прежде всего диаспоры и дисперсно расселенные этнические меньшинства, компенсирующие посредством Сети дефицит реальной территориальной близости и коммуникации» [5: 106]. Опрошенные нами модераторы подтверждают, что приоритетной целью создания администрируемых ими групп явилась попытка объединить представителей саамского народа (которые территориально разделены, проживая в разных регионах и странах) на единой, хоть и виртуальной площадке, в рамках которой могут быть реализованы определенные индивидуальные и коллективные интересы (получение знаний, распространение информации, налаживание контактов и т. п.). Коммуникация, интеграция, обмен информацией, знаниями происходят и внутри саамского сообщества, и за его пределами. Из цитат информантов:

Когда была организована наша группа, да, создана наша организация «Самь Нураш», мы уже ставили посыл, чтобы объединить саамскую молодежь в плане того, чтобы показать, что ты не один, да, что саамов, саамов много. <....> Тем более саамская молодежь, она проживает обширно на Кольском полуострове. Кольский полуостров, он большой, и для людей очень удобно распространять какую-то информацию по поводу каких-то мероприятий, о каких-то событиях. <....> Ну, как минимум, такие группы помогают распространить информацию, опять же, о тех же общественных заседаниях, куда можно прийти, где будут подниматься те или иные вопросы, да, проблемы в саамской сфере. Вот, и мне кажется, без таких групп люди бы мало знали о том, что что-то происходит, так как можно прийти и что-то обсудить. <....> Каких-то конкретных проблем не решает (<про группу «Самь Нураш» — О. С.>), но предоставляет и распространяет информацию (И. 1);

Первоначальный замысел был именно в общении с соплеменниками, в виду того, что я проживал в другом регионе. Через три года направление изменилось, упор был сделан именно на культурную составляющую — мифология и легенды саамского народа (И. 2);

... потому что недостаток информации о саамах, о саамской земле, тематике Нет в СМИ такой тематики. И молодежь, она же не читает газеты. Есть у нас, кто газеты читает? Телевизор тоже мало кто смотрит, в сущности. А «ВКонтакте» — это вещь! <....> Каждый человек, хоть раз в неделю, туда заходит и может просмотреть новости. Поэтому цель, скорее всего, распространение информации. <....> Очень моментально расходится новость! <....> Например, какую-то новость у нас берет «СеверПост»⁴, и уже через двадцать – тридцать минут после нашей публикации, и через десять минут после публикации в «СеверПосте» со мной уже связываются федеральные СМИ. То есть видите, как в течение часа охватываем всю страну и весь мир. <....> Поэтому с этой точки зрения, создание резонанса — одна из целей. <....> О том, что мы пишем в наших группах — это вызывает огромный резонанс! И люди смотрят и пишут в личку, и звонят, и при встрече говорят мне: «Андрей, молодец! Спасибо, Андрей, ты правильно написал!». Но всякое бывает. Я, конечно, понимаю, что у людей это на слуху, в том числе, у саами, в первую очередь. Потому что в эти группы заходят очень много саами. И соцсеть переходит в сарафанное радио (И. 3).

Помимо того, что социальные сети, по сравнению с традиционными СМИ, способствуют оперативному распространению информации, основное их преимущество в возможности обратной связи и «установления непосредственного контакта аудитории с производителями информационного контента, включая их совместное участие в этом процессе» [14: 34]. Кроме того, социальная сеть «ВКонтакте» предоставляет «технологические возможности создания и поддержания коммуникаций с другими пользователями сервиса через механизмы обмена личными сообщениями, комментирования размещенных пользователем текстов и мультимедийных материалов, размещения сообщений на стене пользователя либо в темах в рамках группы» [8: 116]. Подобные возможности социальных сетей способствуют привлечению огромного числа участников. На сегодняшний день социальная сеть «ВКонтате» является самым посещаемым ресурсом русскоязычного сегмента Интернета, в то время как Мурманская область находится на втором месте в России по количеству участников этой сети от общей доли населения. Из цитат информантов:

Был форум «Саами»⁵, который есть, кстати, и сейчас. <....> Но сам по себе форум, он раньше был до «ВКонтатке», он очень был популярная вещь. То есть люди сидели на форумах различных. А потом они все перешли в социальную сеть, ну в частности, в «ВКонтакте». Поэтому одной из причин стало, что люди перешли в обсуждения и просмотры в «ВКонтатке». Она стала реально конкурировать с форумами. И сам форум он не удобен. Не удобен по поиску, не удобен по оформлению, тратится много времени, индексация не очень. А в «ВКонтакте» — это очень нормально продумано (И. 3);

Ну, она <социальная сеть «ВКонтакте» — О. С.> еще и десять лет назад была уже такой как бы хорошей платформой для общения и распространения всякой информации тем более для саамов (И. 1).

На основании экспертного опроса и анализа контента саамских вебсообществ выделены их основные функции: коммуникативная, интегративная, информационно-познавательная, развлекательная и др. Модераторы и администраторы саамских вебсообществ преследуют цели

активизации практической культурно-проектной деятельности, просветительские, сохранения культуры и традиций, презентации этнической идентичности и самовыражения. При этом они отмечали, что «рядовые» участники сетевой коммуникации вступают в данные группы с целью поиска единомышленников, получения различных знаний и из чувства сопричастности к данному этническому сообществу. Из цитат информантов:

Люди ищут новости из первых рук, новые контакты, родственников, информацию (И. 2);

У всех <функции — О. С.> разные. У нас были ребята, которые понимали, что у них среди их людей чего-то вот не хватает, то есть им хочется научиться вышивать, да, им хочется научиться говорить по-саамски, а среди их друзей они не могут найти человека, который бы разделял их интересы. А в нашей группе они могут найти такого человека (И. 1).

Все модераторы отмечали, что наиболее значимой и обсуждаемой темой является проблема сохранения саамского языка. В связи с этим в контенте виртуальных саамских сообществ используются идиомы, высказывания на саамском и русском языках. Кроме того, дублируются на саамский язык и названия сообществ, приветствия, прощания, благодарности, обращения администраторов. Некоторые веб-сообщества предоставляют возможности для изучения родного языка (в группах выкладываются различные словари и аудиозаписи на саамском языке). «Использование саамского языка на различных “саамских” веб-ресурсах: форумах, группах в социальных сетях, сайтах, организованных представителями этнических сообществ, и на прочих площадках — служит специфическим способом демонстрации этнической принадлежности, средством представления этнокультурной информации и этнической коммуникации» [15: 174]. Из цитат информантов:

Проблема одна — в языке, но мы успешно пользуемся переводчиком, электронным Гугл-переводчиком. <....> Мы могли бы даже выйти на администрацию сети «ВКонтакте» и сделать интерфейс на саамском языке, как делают наши коллеги удмурты, к примеру, башкиры и прочие. Но опять же это надо много времени и сил затрачивать. Но опять пока у нас не хватает времени и сил, хоть это можно было сделать. И тогда представляете, открываете «ВКонтакте», а там все на саамском языке. Мечта, да? (И. 3);

Мне кажется, такие группы, они, конечно, идеальны просто для того, чтобы поднимать эту тему. У нас очень много ссылок на какие-то словари саамского языка. У нас очень много ссылок на какие-то статьи или, ну, аудиозаписи, да, где там поют на саамском, что-то говорят на саамском. Вот, и через такие группы это можно, конечно, увидеть, узнать о том, что есть такие-то книги, такие-то словари, песни. <....> В 2013 году, когда вот у нас остро шло обсуждение, какой же все-таки алфавит оптимальнее для нашего языка: кириллица или латиница, потом я узнала, что наше взрослое поколение, да, они просто потом обратились именно уже в Мурманске, да, и потом открыли проект просто по каким-то опять методическим пособиям. То есть, если бы молодежь этого, это бы не обсуждала, да, даже в нашей группе, может быть, даже не дошло бы дело до этого. Мы открывали, правда, участники уже сами платили за курсы саамского языка, именно для молодежи. Марина Гавриловна Медведева преподавала нам разговорный саамский язык. То есть по инициативе «Самь Нураш» были открыты такие курсы (И. 1).

Помимо проблемы сохранения саамского языка, высокую значимость для модераторов и участников сообществ имеют правовые аспекты жизни саамов, коммерциализация саамской символики и ее «профанация», проблемы трансляции культурного наследия, социализации саамской молодежи, экологические проблемы и традиционные промыслы. «Направление дискуссий по тому или иному вопросу внутри сетевого сообщества во многом зависит от персональной позиции модератора страницы (сообщества)» [14: 38]. Модераторы саамских вебсообществ тщательно отслеживают тематическую направленность контента групп и стараются избегать различных провокационных тем и дискуссий, особенно связанных с политикой. Из цитат информантов:

Стараяемся избегать каких-то критических статей. Но критических статей, в смысле провокационных статей на тему критики власти. Хотя самые острые — это проблемы, которые у нас связаны с сохранением природы. <....> Также какие-то диалоги с властью — это тоже одно из важных средств донесения, формирования мнения и донесения до властей (И. 3);

Мы стараемся избегать каких-то острых тем. <....> Мы носим чисто информативный характер. Вот, допустим, проходила выставка саамской рукодельницы, доносим тоже информацию о том, что будет такая выставка. <....> Мы не распространяем, не развиваем тему, например, политики, потому что это не наш формат. И если что-то идет насчет политики, то стараемся это как-то пресекать. Почему? Потому что у нас все-таки направленность именно на культурное какое-то просвещение, а не на политическое (И. 1).

Один из вопросов интервью касался темы трансляции религиозных ценностей в постах групп. Выяснилось, что религиозная тематика также находится по своеобразным «запретом». Из цитаты информанта:

Когда всплывает, я стараюсь не трогать этот вопрос. В личке можно поговорить, обсудить. Религиозный вопрос — это же самый острый вопрос! То есть это вопрос, из-за которого происходили войны. Представляете, что можно сделать! Это очень тонкая грань, которую трогать очень опасно! (И. 3).

Модераторы саамских веб-сообществ не только отслеживают тематическую направленность своих групп, но и следят за цензурой. Они имеют право удалять сообщения и посты, которые могут оскорбить чувства участников сообществ или несут откровенно провокационный характер, а тех, кто разместил их в группе, могут «отправить в бан». «Как правило, бан заключается в лишении или ограничении каких-либо прав пользователя (на создание/отправление новых сообщений или создание новых тем на веб-форуме, на отправление сообщений в чате, на комментирование в блогах и др.). Возможность введена в целях оградить интернет-сообщество от троллей, спамеров, вандалов и прочих лиц, чьи сообщения вредят продуктивной работе ресурса» [11: 135–136]. По утверждению, опрошенных нами модераторов, такие прецеденты в саамских группах случаются крайне редко. Так, на вопрос, приходилось ли удалять какую-либо информацию, опубликованную в веб-сообществах, модераторы отвечали следующее:

Да, приходилось. <....> Ну, знаете, когда, может быть, ребенок еще неосознанно что-то пишет такое. <....> Ну, бранную лексику от школьников. Ну, или что-то неприемлемое по отношению к саамам, опять же, от людей младшего возраста почему-то. Но это, мне кажется, распространено почему-то среди школьников — писать гадости (И. 1);

Обычно спам (И. 2);

Я не сторонник цензуры любой. Но не удаляю никогда любую информацию, даже, если бывают и случаи, когда в какой-то группе какой-то пост, а я его перепостил у себя....<....> Человек удалил у себя эту новость, а у меня в группе она остается висеть. И он просит у меня удалить эту запись. Я говорю: «Я не буду удалять, так как я считаю, что Вы высказались, не надо было значит высказываться». Один пост я удалял. Это я не скажу, какой это пост был. Но на меня вышла девушка, она поняла ошибку. О чем был пост? Пост был не о личности как таковой, а о состоянии, скажем так, о состоянии традиционного вида деятельности. Она поняла, написала мне в личку буквально через пять минут, сказала что: «Андрей, мол, такая-то ситуация», — как-то объяснила, — «Пожалуйста, удали все это, исправлю». Естественно, я удалил, потому что человек сразу все это сделал, все переправил, и все это сделал хорошо, поэтому. <....> И недавно я удалил пост, который, троллингский пост. Я не удаляю, тролли не удаляю, но существует такое большое табу среди даже троллей и среди людей, которые даже пишут обсуждения, не затрагивать семью, родственников и прочее. Ни один тролль, он никогда, какой бы он ни был, не будет собирать сплетни. Такой пост был один раз. Я удалил и отправил в бан на неделю. <....> В других группах было, правда, она после моего замечания, она сама удаляла эти посты. Но человек не понимает этого, поэтому мне пришлось пойти на такую крайнюю меру (И. 3).

В целом, аудитория саамских сетевых сообществ оценивается модераторами как бесконфликтная, но в то же время как недостаточно активная, что, по их мнению, связано с небольшой численностью групп. Из цитат информантов:

Интересно, что среди саами не идет такого бурного обсуждения. Это связано именно со спецификой, может быть, национальности, я бы сказал. Саами — они такие. Они люди открытые, но они не будут много говорить. <....> В гости к ним прийти, поговорить без проблем. <....> Да — читают, посещаемость хорошая, пишут в личку: «Андрей, молодец! А не мог бы ты поднять эту тему? А вот тут у нас это...». <....> Но говорить где-то, почему-то это не получается. Я не знаю почему. <....> Есть активные саами, но дело в том, что.... Смотрите, сколько саамов в Мурманской области — 1599, а из них старики и дети, которые, как бы, половина населения, это уже 800 человек. А из них те, которые пользуются, например, «ВКонтакте», ну человек 600–500 (И. 3);

Ну, опять же, это, может быть, года три назад, я бы сказала, да, что группа активная и оказываем влияние на молодежь Кольского полуострова, на саамскую молодежь Кольского полуострова. Что именно благодаря нашей группе многие узнают, что вообще происходит. Именно нам многие люди пишут, нам, что там вообще творится, о конференциях, о собраниях. Сейчас более такие пассивные, кажется, немножко. Ну, если взять от общего процента, то, да, активных, ну, даже десять не будет, и даже восемь процентов от ста (И. 1).

Всех пользователей социальных сетей принято разделять по характеру участия на «пассивных» и «активных». При этом изучение поведения индивидов в виртуальной среде свидетельствует о том, что «в основном участники сетевых сообществ предпочитают не создавать информацию, а скорее, ее потреблять» [11: 138]. Модераторы отмечают, что тяжело спрогнозировать, какие темы вызовут наибольший отклик у аудитории сообществ, на чаще всего это посты, посвященные искусству, развлекательной и повседневно-бытовой тематике. Из цитат информантов:

Например, выставила о выставке в Лавозерском музее, о картинах талантливого лавозерского художника, тоже привлекло внимание. А потом выставила, что будет идти спектакль, да, вход свободный, а спектакль по мотивам саамских сказок, это опять не привлекло внимание. Поэтому сложно сказать, какие новости задевают людей, какие — нет (И. 1);

Ну, опять же знаете, какие темы больше всего вызывают просмотры — фотографии о саами, какие-то уникальные видео. <....> Вот одна из последних была... Женищина, она — Кузнецова, по-моему, она рисовала веником на замороженной стене сарая. <....> Вот стена кирпичная здания, она покрывается инеем, и вот она с помощью метелки и лопаты рисовала оленей. <....> Взяли эту новость, опубликовали у себя. Это фурор был вообще! Самая популярная новость за все время, по-моему! <....>. То есть какие-то повседневные, а не правовые (И. 3).

Модерация в социальных сетях осуществляется на общественных началах (безвозмездно) и требует больших временных затрат, поэтому у администраторов сообществ не всегда имеется возможность активно развивать каждую группу. Из цитаты информанта:

Ну, у нас в последнее время, честно говоря, как-то, ну, на спад все идет. То есть, если еще пару лет назад прям каждый день что-то туда постили, и не только это был репост сделан, да, а именно, мы сами что-то писали. На данный момент, к сожалению, там, в основном можно видеть только репосты других или просто ссылки на какие-то статьи интересные. В этом плане хотелось бы, конечно, улучшить. <....> Не то, чтобы интерес угас, но, сами понимаете, это все на общественных началах. То есть сидеть по несколько часов, я думаю, мало у кого есть возможность, там или студенты, или работающие, у всех свои дела. Пока нет такой возможности постоянно, как-то активно-активно заниматься группой (И. 1).

В этой связи киберактивисты осознают, что для дальнейшего развития виртуальных саамских сообществ необходимо искать и подготавливать кадры, в рядах которых должны присутствовать заинтересованные и активные люди, обладающие необходимыми профессиональными навыками как в сфере информационных технологий, так и в журналистике, филологии. Из цитаты информанта:

Ну, дальнейшие перспективы... Мне кажется, лет еще пять точно ничего не изменится. Ну, мы, конечно, найдем человека, который будет специально заниматься этими вопросами. <....> Будем искать через личные связи, потому что очень много знакомых среди молодежи, которые учатся на филологов. Все-таки слово — это их профессия. И даже если они пойдут в журналистику, то даже вести группу в «ВКонтакте», в принципе, не составит труда (И. 1).

Несмотря на все имеющиеся достоинства социальной сети «ВКонтакте», модераторы считают, что она теряет свою популярность среди пользователей, и как следствие, в будущем саамское сообщество планирует создать свою собственную социальную сеть или перейти на другие платформы. Из цитат информантов:

ВК⁶ был тогда наиболее удобен и доступен. Сейчас, к сожалению, это не так. Поэтому интерес к развитию сообщества, в общем-то пока, отсутствует. <....> К сожалению, социальная сеть «ВКонтакте» потеряла свою привлекательность, поэтому перспектива видна только одна — миграция на другие, более интересные площадки. <....> Когда было желание ее развивать — она развивалась и была довольно заметной. Сейчас такого желания нет, в перспективе его тоже не видно. <....> В данный момент группа для меня является лишь средством связи с некоторыми людьми (И. 2);

Перспективы у нас есть. Социальные сети сейчас играют очень огромную роль. И у нас очень огромные планы! Были планы создать свою социальную сеть отдельно. И они остаются. И мы нарабатываем базу, чтобы свою социальную сеть отдельно создать. <....> Мы не хотим работать на соцсети, на другого дядю, как говорится. Мы раскручиваем полосатый свой бренд, поэтому, о чем я говорил, чтобы свою соцсеть делать. <....> Есть очень много наработок. Вот там внутри, у нас ведется огромная работа, и мы встречаемся, чуть ли не раз в неделю, много

переписываемся, то есть делаем отдельный проект. <....> Вы представляете, сорок тысяч <о численности саамов — О. С.> в Норвегии, двадцать тысяч в Финляндии, в Швеции пятнадцать тысяч и у нас тысяча пятьсот. И создать непросто социальную сеть, которая сейчас существует везде, это своего рода является частью программы поиска родственников. То есть человек, заводя страничку в этой социальной сети саамской, он указывает своих родственников, например, фотографии, что известно, строит свое генеалогическое древо. Потом указал кого-то, а тот тоже — страничка есть. У них переклестнулось, они смотрят, и автоматически выстраивается общее генеалогическое древо. Представляете, какую сеть огромную родственников можно найти! То есть не отметками на фотографиях, а как сейчас у нас в социальных сетях, найти друзей, подключил друга, например. Как функция в «Одноклассниках», к примеру. Родственник, одноклассник, по категории делить, — близкий родственник, семья. И этим самым выстраивается общая родовая сеть с фотографиями, данными. И плюс люди между собой могут внутри общаться, создавать группы семейные, внутри общаться (И. 3).

Таким образом, по материалам, полученным в ходе экспертного опроса, можно заключить следующее. Несмотря на то, что модераторы саамских веб-сообществ высоко оценивают технологические возможности социальных сетей для распространения актуальной информации, налаживания контактов, самопрезентации, социализации саамской молодежи, трансляции своей культуры и выражения этнической идентичности, отмечаются и определенные проблемы, которые связаны: с техническими возможностями социальной сети «ВКонтакте» и снижением ее популярности среди пользователей; со спецификой функционирования групп («пассивность» аудитории, «троллинг»); с процессом модерации (дефицит времени и человеческих ресурсов).

Примечания

¹ Подробно об исследовании см. в статье: И. А. Разумова, О. А. Сулейманова. Саамские сетевые сообщества в «этническом Интернете» России // Ученые записки Петрозаводского гос. ун-та. 2019. № 2 (179). С. 114–122.

² См. информант № 2.

³ См. информант № 3.

⁴ «СеверПост» — Мурманское информационное агентство. URL.: <https://severpost.ru/> (дата обращения: 17.09.2021).

⁵ «Форум саами. Forum Sápmi». URL.: <https://saami.forum24.ru/> (дата обращения: 15.09.2021).

⁶ Сокращение от «ВКонтакте».

Список информантов

Информант № 1 (И. 1.) — Мария Дугина, 1992 г. р., модератор и администратор веб-сообщества Мурманской областной молодежной общественной организации саамов «Самь Нураш» («Саамская молодежь»). URL: <https://vk.com/saminurash>.

Информант № 2 (И. 2.) — Сергей Николаев, 1971 г. р., модератор и администратор саамского веб-сообщества “Sápmi”. URL: <https://vk.com/sapmi>.

Информант № 3 (И. 3.) — Андрей Данилов, 1971 г. р., модератор и администратор нескольких саамских веб-сообществ «ВКонтакте»: «Самь оллимэ vkontakte.ru/Саамы вконтакте». URL: <https://vk.com/club932308>; «Ловозерский р-он — о чем молчат другие». URL: <https://vk.com/lujavrri>; “Sápmi”. URL: <https://vk.com/sapmi>; Фонд саамского наследия и развития. URL: <https://vk.com/foundsaami>.

Список литературы

1. Грибанова Г. И., Юдин В. И. Виртуальные сообщества в современной этнополитике (на примере народа саами) // Этносоциум и межнациональная культура. 2020. № 11 (149). С. 19–29.
2. Соколовский С. В. Киборги в киберпространстве: современные исследования в области кибер- и цифровой антропологии // Этнографическое обозрение. 2020. № 1. С. 5–22.
3. Гимадеева Д. Р. Татарские сетевые группы как вид этнических сообществ // Культура. Духовность. Общество. 2012. № 1. С. 277–282.
4. Глухов А. П., Окушова Г. А. Российские мигранты из стран Центральной Азии: цифровизация идентичности // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2017. № 37. С. 139–161.
5. Головнев А. А., Белоруссова С. Ю., Киссер Т. С. Веб-этнография и киберэтничность // Уральский исторический вестник. 2018. № 1 (58). С. 100–108.
6. Махмутов З. А., Габдрахманова Г. Ф. Особенности этнической идентичности виртуальных татарских сообществ в социальной сети «ВКонтакте» // Историческая этнология. 2016. Т. 1, № 2. С. 276–292.
7. Шарафиев Э. И. К вопросу о виртуальных сообществах татар-кряшен в социальной сети «ВКонтакте» как источник исторической информации // Кряшенское историческое обозрение. 2017. № 2. С. 66–76.
8. Разумова И. А., Сулейманова О. А. Саамские сетевые сообщества в «этническом Интернете» России // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 2 (179). С. 114–122.
9. Сулейманова О. А. Презентация культуры кольских саамов в социальной сети «ВКонтакте»: динамика визуальных образов материальной культуры // Этнография. 2020. № 3 (9). С. 169–199.
10. Гужова И. В. Создание этносообществ кыргызов-мигрантов в социальной сети «ВКонтакте» как способ сохранения национальных корней (по материалам онлайн-интервью с модераторами сообществ) // Социальные сети как площадка этнической коммуникации и средство предписания этнонациональной идентичности. Сборник материалов исследования. Томск, 2015. С. 76–90.
11. Скуратор А. Б. Модерация и «пассивные» пользователи в практике деятельности локальных интернет-сообществ // Вестник Бурятского государственного университета. 2006. Вып. 6. С. 134–141.
12. Волокитина Н. А. Репрезентация этнической идентичности в современном интернет-пространстве // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. 2019. Т. 2, № 8. С. 35–39.
13. Носова С. С. Организация социального взаимодействия представителей этносообществ в социальных сетях (на примере узбекских и таджикских виртуальных групп на платформах Facebook, «Одноклассники» и «ВКонтакте») // Социальные сети как площадка этнической коммуникации и средство предписания этнонациональной идентичности. Сборник материалов исследования. Томск, 2015. С. 91–101.
14. Демченко Е. В. Роль электронных СМИ и социальные медиа в создании новой коммуникативной среды диаспоры (на примере удмуртов) // Проблемы эффективного развития и самореализации субъекта труда и жизненной стратегии. Человеческий капитал. 2017. № 10 (106). С. 33–41.
15. Бодрова О. А., Разумова И. А. О современных технологиях репрезентации и сохранения этнической культуры кольских саамов // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2021. № 1 (52). С. 172–178.

References

1. Gribanova G. I., Yudin V. I. Virtual'nye soobshchestva v sovremennoj etnopolitike (na primere naroda saami) [Virtual communities in modern ethnopolitics (on the example of the Sami people)]. *Etnosocium i mezhnacional'naya kul'tura* [Ethnosocium and interethnic culture], 2020, no. 11 (149), pp. 19–29. (In Russ.).
2. Sokolovskij S. V. Kiborgi v kiberprostranstve: sovremennye issledovaniya v oblasti kiber- i cifrovoj antropologii [Cyborgs in Cyberspace: Contemporary Research in Cyber and Digital Anthropology]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], 2020, no. 1, pp. 5–22. (In Russ.).
3. Gimadeeva D. R. Tatarskie setevye gruppy kak vid etnicheskikh soobshchestv [Tatar network groups as a type of ethnic communities]. *Kul'tura. Duhovnost'. Obshchestvo*. [Culture. Spirituality. Society], 2012, no. 1, pp. 277–282. (In Russ.).
4. Gluhov A. P., Okushova G. A. Rossijskie migranty iz stran Central'noj Azii: cifrovizaciya identichnosti [Russian migrants from Central Asian countries: digitalization of identity]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya* [Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science], 2017, no. 37, pp. 139–161. (In Russ.).
5. Golovnev A. A., Belorussova S. Yu., Kisser T. S. Veb-etnografiya i kiberetnichnost' [Web ethnography and cyber-ethnicity]. *Ural'skij istoricheskij vestnik* [Ural Historical Bulletin], 2018, no 1 (58), pp. 100–108. (In Russ.).
6. Mahmutov Z. A., Gabdrahmanova G. F. Osobennosti etnicheskoj identichnosti virtual'nyh tatarskikh soobshchestv v social'noj seti “VKontakte” [Features of the ethnic identity of virtual Tatar communities in the social network VKontakte]. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology], 2016, vol. 1, no 2, pp. 276–292. (In Russ.).
7. Sharafiev E. I. K voprosu o virtual'nyh soobshchestvah tatar-kryashen v social'noj seti “VKontakte” kak istochnik istoricheskoj informacii [On the question of the virtual communities of the Tatars-Kryashens in the social network VKontakte as a source of historical information]. *Kryashenskoe istoricheskoe obozrenie* [Kryashenskoe Historical Review], 2017, no 2, pp. 66–76. (In Russ.).
8. Razumova I. A., Sulejmanova O. A. Saamskie setevye soobshchestva v “etnicheskom Internete” Rossii [Sami network communities in the “ethnic Internet” of Russia]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific notes of Petrozavodsk State University], 2019, no 2 (179), pp. 114–122. (In Russ.).
9. Sulejmanova O. A. Prezentaciya kul'tury kol'skikh saamov v social'noj seti “VKontakte”: dinamika vizual'nyh obrazov material'noj kul'tury [Presentation of the culture of the Kola Sami in the social network VKontakte: the dynamics of visual images of material culture]. *Etnografiya* [Ethnography], 2020, no. 3 (9), pp. 169–199. (In Russ.).
10. Guzhova I. V. Sozdanie etnosoobshchestv kyrgyzov-migrantov v social'noj seti “VKontakte” kak sposob sohraneniya nacional'nyh kornej (po materialam onlajn-interv'yu s moderatorami soobshchestv) [Creation of ethnic communities of Kyrgyz migrants in the VKontakte social network as a way to preserve national roots (based on online interviews with community moderators)]. *Social'nye seti kak ploshchadka etnicheskoj kommunikacii i sredstvo predpisaniya etnonacional'noj identichnosti. Sbornik materialov issledovaniya*. [Social networks as a platform for ethnic communication and a means of prescribing ethnic identity. Collection of research materials]. Tomsk, 2015, pp. 76–90. (In Russ.).

11. Skurator A. B. Moderaciya i “passivnye” pol'zovateli v praktike deyatel'nosti lokal'nyh internet-soobshchestv [Moderation and “passive” users in the practice of local Internet communities]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Buryat State University], 2006, issue. 6, pp. 134–141. (In Russ.).
12. Volokitina N. A. Rezentatsiya etnicheskoj identichnosti v sovremennom internet-prostranstve [Representation of ethnic identity in the modern Internet space]. *Social'naya integraciya i razvitie etnokul'tur v evrazijskom prostranstve* [Social integration and development of ethnocultures in the Eurasian space], 2019, Vol. 2, no 8, pp. 35–39. (In Russ.).
13. Nosova S. S. Organizaciya social'nogo vzaimodejstviya predstavitelej etnosobshchestv v social'nyh setyah (na primere uzbekskih i tadzhikskih virtual'nyh grupp na platformah Facebook, “Odnoklassniki” i “VKontakte”) [Organization of social interaction of representatives of ethnic communities in social networks (on the example of Uzbek and Tajik virtual groups on the platforms Facebook, Odnoklassniki and VKontakte)]. *Social'nye seti kak ploshchadka etnicheskoj kommunikacii i sredstvo predpisaniya etnonacional'noj identichnosti. Sbornik materialov issledovaniya* [Social networks as a platform for ethnic communication and a means of prescribing ethnic identity. Collection of research materials], Tomsk, 2015, pp. 91–101. (In Russ.).
14. Demchenko E. V. Rol' elektronnyh SMI i social'nye media v sozdanii novoj kommunikativnoj sredy diaspory (na primere udmurtov) [The role of electronic media and social media in creating a new communicative environment of the diaspora (on the example of the Udmurts)]. *Problemy effektivnogo razvitiya i samorealizacii sub"ekta truda i zhiznennoj strategii. Chelovecheskij kapital* [Problems of effective development and self-realization of the subject of labor and life strategy. Human capital], 2017, no 10 (106), pp. 33–41. (In Russ.).
15. Bodrova O. A., Razumova I. A. O sovremennyh tekhnologiyah reprezentacii i sohraneniya etnicheskoj kul'tury kol'skih saamov [On modern technologies of representation and preservation of the ethnic culture of the Kola Sami]. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of archeology, anthropology and ethnography], 2021, no 1 (52), pp. 172–178. (In Russ.).

Сведения об авторе

О. А. Сулейманова — кандидат исторических наук, научный сотрудник ЦГП КНЦ РАН.

Information about the author

O. A. Suleymanova — PhD (History), Research Fellow of the Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre of RAS.

Статья поступила в редакцию 25.09.2021; одобрена после рецензирования 05.10.2021; принята к публикации 08.10.2021.

The article was submitted 25.09.2021; approved after reviewing 05.10.2021; accepted for publication 08.10.2021.

Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 21. 2021. Т. 12, № 4. С. 154–161.

Transactions of the Kola Science Centre. Humanitarian studies. Series 21. 2021. Vol. 00, no. 0. P. 154–161.

Научная статья

УДК 004.622+159.931

DOI: 10.37614/2307-5252.2021.4.21.011

ПРОБЛЕМАТИКА ВОСПРИЯТИЯ ИЗОБРАЖЕНИЯ ОТСКАНИРОВАННОГО БУМАЖНОГО ЛИСТА КАК АУТЕНТИЧНОГО ОБРАЗА ОБЪЕКТА

Илья Александрович Травин✉

Центр гуманитарных проблем Баренц региона ФИЦ КНЦ РАН, Апатиты, Россия

i.travin@ksc.ru✉

Аннотация

Рассматривается вопрос восприятия исследователем отсканированного изображения бумажных листов: как отдельных, так и в составе книги. Подчеркнута важность и своевременность проведения работ по получению цифровых копий книг и листов с текстом / фотографиями. Проблему составляет аутентичность их изображения физическому предмету. Охарактеризованы способы сканирования и визуальные особенности изображения на электронном экране в зависимости от того, проводятся ли работы по сканированию бумажного листа целиком или за вычетом полей и краев листа. В настоящее время отсутствуют технологии передачи фактуры бумажного листа при сканировании, что приводит к ошибочному решению этой задачи путем повышения четкости сканирования. Наибольшая аутентичность образа физического объекта может быть достигнута сканированием листа целиком — без заведомого отделения полей и краев листа.

Ключевые слова:

сканер, сканирование, бумажный лист, образ, изображение, книга, фотография, аутентичность, фактура

Финансирование

Статья выполнена по теме гос. задания ЦГП КНЦ РАН № 0226-2019-0066.

Для цитирования: Травин И. А. Проблематика восприятия изображения отсканированного бумажного листа как аутентичного образа объекта // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 21. 2021. Т. 12, № 4. С. 154–161. <http://dx.doi.org/10.37614/2307-5252.2021.4.21.011>.

Original article

THE PROBLEM OF PERCEPTION OF THE SCANNED PAPER SHEET IMAGE AS AN AUTHENTIC IMAGE OF THE OBJECT

Iliia A. Travin✉

Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre of RAS, Apatity, Russia

i.travin@ksc.ru

Abstract

The article considers the issue of the researcher's perception of the scanned image of paper sheets: both separate and as part of a book. The importance and timeliness of work on obtaining digital copies of books and sheets with text / photographs was emphasized. The problem is the authenticity of their depiction of a physical object. The methods of scanning and visual features of the image on an electronic screen are characterized, depending on whether the work is carried out to scan a paper sheet in its entirety or minus the margins and edges of the sheet. Currently, there are no technologies for transferring the texture of a paper sheet when scanning, which leads to an erroneous solution to this problem by increasing the clarity of scanning. The greatest authenticity of the image of a physical object can be achieved by scanning the entire sheet, without deliberately separating the margins and edges of the sheet.

Keywords:

scanner, scan, paper sheet, image, picture, book, photograph, authenticity, texture

Funding

The article is done in accordance with the theme of the state order of the BCH KSC RAS, No. 0226-2019-0066.

For citation: Travin I. A. The problem of perception of the scanned paper sheet image as an authentic image of the object // Transactions of the Kola Science Centre. Humanitarian studies. Series 21. 2021. Vol. 12, no. 4. P. 154–161. <http://dx.doi.org/10.37614/2307-5252.2021.4.21.011>.

В настоящее время закономерно усиливается интерес к возможности получения образов материальных объектов в виде массива цифровых данных и последующего отображения этого массива в виде изображения на электронном экране. Научный прогресс предоставляет обществу возможность фиксации образов материальных объектов в виде цифровых изображений и передачи массивов цифровых данных на большие расстояния. Это позволяет отображать образы для визуального восприятия на электронном экране, при необходимости удаленном от материального объекта во времени и пространстве. Большой интерес представляет способность сохранения данных в электронном виде и последующая замена физического взаимодействия человека непосредственно с материальным объектом на взаимодействие с массивом данных, изображающим образ материального объекта. В этом случае исключается необходимость физического контакта человека с изучаемым материальным объектом, что требуется при изучении редких, ценных, ветхих объектов. Этими объектами могут выступать книги, фотографии, рисунки и другие материальные предметы, частью которых являются изображения, нанесенные тем или иным способом на бумагу.

Нельзя не согласиться с мнением В. В. Прудниковой, которая пишет, что «даже обычные фотографии и картины теряют со временем свои качества. Хранение их электронных копий позволяет донести до последующих поколений уникальные культурные шедевры. Наконец, хранение документов и изданий в электронной форме позволяет организовать электронные базы данных, четкая структура и развитые средства поиска и навигации в которых облегчают процесс обнаружения нужных материалов и их фрагментов» [1: 182]. Изготовление и сохранение электронных копий документов также важно для решения вопроса сохранения культурного наследия. Материальные предметы постоянно находятся в процессе старения, что не лучшим образом сказывается на состоянии предмета через определенное время, и при этом всегда существует вероятность полной и безвозвратной утраты предмета в силу форс-мажорных обстоятельств.

В. А. Жданова справедливо утверждает, что проблема сохранения культурного наследия всегда стоит особенно остро в музейном деле [2: 112]. Следует заметить, что способность технически зафиксировать образ материального объекта в виде цифрового массива данных может применяться не только в музейном деле, но также в архивной и библиотечной деятельности.

Конечно, в случае работы с цифровым массивом данных у исследователя исчезает восприятие объекта как материального предмета, но при определенных условиях это может быть хорошей альтернативой работе непосредственно с объектом именно как с физическим предметом. В качестве положительного фактора использования такой альтернативы можно отметить невозможность механического воздействия на предмет. Соответственно, абсолютно исчезают вероятность его износа и последующая утрата от износа.

П. И. Шипилин и Т. Б. Назарчук поднимают вопрос о взаимодействии исполнителя работы непосредственно с объектом: «о действии “фактора присутствия” также по отношению к копии говорить не приходится, он ощущается только при непосредственном контакте с книжным экземпляром, в любом случае для него губительным» [3: 112]. Контакт непосредственно с книжным экземпляром / фотографией / рисунком имеет различные последствия, как положительные эмоциональные, связанные с восприятием реального исторического объекта исследователем, так и негативные — непосредственно для материального

предмета. Как было отмечено выше, эти последствия могут быть выражены и в небольшом физическом износе книги / фотографии / рисунка, и в возникновении рисков внезапной полной утраты материального объекта либо заметной утраты целостности его состояния (появление потертостей, порезов, надрывов и т. п.). Использование цифровых копий дает возможность полностью избежать этих негативных последствий.

Вопросы получения цифровых файлов образов художественных работ поднимались в работах Н. А. Гагман [4], В. В. Чистякова [5], В. А. Славных [6]. В настоящий момент фотографирование страниц книги с текстом (или с фотографией, рисунком) для получения цифровой копии вряд ли можно рекомендовать к получению хорошего качественного результата. Такой способ копирования довольно сложен технически — при решении задач уменьшения геометрических искажений образа получаемого объекта или при получении ровного однородного освещения объекта. Затраты времени на преодоление этих трудностей могут быть очень велики. Такой способ пригоден лишь в случае невозможности использования каких-либо электромеханических / электронных сканеров вообще. Подчеркнем, что копирование страниц книг / фотографий / плоских листов с изображениями посредством фотографирования было распространено в безальтернативных условиях исполнения работ по копированию изображений — в тот довольно продолжительный исторический период, когда компьютеризация рабочих мест и распространение сетей передачи цифровых данных либо еще не были начаты, либо не были распространены так широко, как сейчас. В современных условиях следует отдать предпочтение специализированным устройствам — сканерам, разработанным непосредственно для проведения сканирования плоских объектов (чаще всего — бумажных) с изображениями.

Одним из способов перевода книжных изданий либо фотографий / рисунков в массив цифровых данных с использованием сканера может быть последовательное постраничное сканирование бумажного оригинала с последующей обработкой изображений и компиляцией изображений страниц в один общий электронный файл (в случае работы с книгой) или же использование изображений без изменений.

Для бесконтактного сканирования бумажных оригиналов используются книжные сканеры, так как они идеально подходят для сканирования книг или сброшюрованных документов (архивных дел), а также широко применяются для оцифровки оригиналов, требующих деликатного обращения [7: 363]. Книжные сканеры дают возможность ускорить работу по сканированию книг, при этом специализированные модели книжных сканеров позволяют более бережно обращаться с книгой, чем стандартные плоские сканеры со стеклом и крышкой. Существуют модели, в которых присутствует углубление в плоскости сканирующего стола (для корешка книги), что делает возможным перелистывание страниц без физического контакта оператора сканера с книгой. Эта особенность специализированного сканера востребована при сканировании книг, когда нежелательно раскрывать их слишком сильно либо применять физический контакт с книгой даже при перелистывании страниц.

В любом случае, отсканированный бумажный лист (страница книги, фотография) предстает уже как самостоятельное электронное изображение с образом информации, изначально наполнявшей физический бумажный лист. Текст или иллюстрации, рукописные заметки, фотографические изображения, доступны теперь уже лишь для визуального восприятия

на электронном экране, но не как физический предмет, который можно наблюдать рядом с собой в физическом пространстве и взаимодействовать с ним. Это самостоятельное электронное изображение можно использовать способом, кардинально отличным от первоначального, — при формировании глобальной цифровой информации посредством переноса части или всей цифровой информации об изображении с первоначального хранилища цифровых данных на другое хранилище или исполняемое устройство (электронный экран, принтер) с последующей визуализацией.

Полученные изображения можно составлять в электронные издания, которые размещаются в электронных библиотеках, что способно многократно повысить доступность материала для изучения. Скорость выдачи такого материала исследователю многократно превышает привычную скорость выдачи материала в стандартной библиотеке. Как пишет В. В. Старовойтов, «в настоящее время электронные библиотеки содержат два основных типа книг: 1) книги, набранные на компьютере и сохраненные в формате pdf или djvu; 2) книги, оцифрованные с помощью сканера и фотокамеры и представленные набором изображений без обработки» [8: 66].

При увеличении доли цифрового материала в доступном информационном поле общество постепенно ассимилирует новую форму получения и использования данных. По мере развития технологий такая форма восприятия информации (визуализация образа материального предмета на электронном экране вместо физического контакта с этим предметом) становится привычной настолько, что уже может считаться обычной. Электронные файлы изображений книг в виде электронных изданий занимают информационную нишу полностью и начинают влиять на информизацию общества наравне с привычными средствами информации.

Электронные издания стали средством комплексного информационного воздействия на человека, сравнимым с радио, кино и телевидением, а в чем-то даже превосходящим эти важные средства массовой коммуникации [1: 171]. При такой высокой доле информационного воздействия очень важной становится возможность сохранения и выдачи именно аутентичного образа изображения, что актуально, в первую очередь, для исследователей.

Аутентичность образа материального объекта неразрывно связана с восприятием объекта целиком в пространстве перед изучающим. При физическом контакте с объектом исследователь имеет возможность рассматривать объект с различных сторон, и при наличии потертостей, выпадении частей бумаги из листа, загрязнении полей текста — визуально фиксировать эти следы износа и характеризовать их как признаки исторической аутентичности. Сканирование листа целиком (даже с захватом пустующего пространства вокруг листа), приближает восприятие образа изображения на электронном экране к образу физического объекта, сканирование которого было проведено. Мелкие сторонние детали на поверхности (заметки, пометки, ремарки) бумажного листа и очаги его износа, формируют индивидуальный образ, который обладает определенной аутентичностью.

Если мы говорим о книге, возраст которой составляет много лет с момента выхода из типографии, то у нее количество поверхностных дефектов бумаги (в частности, обложки) и степень сдвига общей гаммы цвета листов в сторону желтого спектра цвета будет отличаться от книги, изданной недавно. В случае активного использования книги, количество поверхностных дефектов бумаги будет тем выше, чем большую заинтересованность к книге проявляли читатели. Все эти особенности

и формируют аутентичный образ именно этого определенного экземпляра книги. Книга предстает уже в виде материального объекта, с присущими именно ему отличиями и особенностями, которые дают основания уверенно выделить именно эту книгу среди подобных, а также возможность навскидку определить примерный возраст и степень сохранности издания.

Вопрос визуальной аутентичности бумажного листа с изображениями содержит в себе также и вопрос достоверной передачи поверхностной фактуры бумажного листа (либо книги целиком) как цельного физического объекта. Тактильные ощущения исследователя позволяют ему идентифицировать книгу и / или бумажный лист как физический объект с определенными характеристиками. К сожалению, современные стандартные средства сканирования и получения изображений бумажных листов / книг технически не предоставляют возможностей сохранения и воспроизведения подобной информации. Даже в случае применения специфических сканеров для цифрового сканирования шероховатости поверхностей подобная информация не может быть отображена на исполнительном устройстве (электронный экран, принтер) стандартного пользователя персонального компьютера, поэтому вряд ли можно рекомендовать применение такого специфического оборудования. Косвенно этот вопрос можно решить с помощью увеличения качества изображения сканером (книжным сканером, стандартным плоским сканером), добиваясь передачи наиболее мелких деталей. Но, в итоге, это лишь даст иллюзию передачи фактуры, что не является прямым и единственно верным решением вопроса. На данном этапе развития технологии приходится признать невозможным сохранение, передачу и воспроизведение данных о фактуре материала в цифровом файле при проведении сканирования стандартными способами. При осуществлении сканирования стандартным плоским сканером либо книжным сканером, данный вопрос о фактуре объекта не может быть решен. Эта часть информации физического бумажного листа / книги не может быть передана в электронное изображение отсканированного бумажного листа / книги. Информация о фактуре поверхности является потерянной информацией и по этому признаку, аутентичность образа электронного изображения отсканированного бумажного листа полностью проигрывает физическому контакту исследователя с реальным физическим объектом.

Повышение качества образа электронного изображения применительно к проблематике аутентичности его физическому бумажному листу можно решить только в ключе визуализации самой плоскости отсканированного изображения. Этого можно достичь при сканировании листа целиком — со всеми поверхностными дефектами и следами износа, невзирая на увеличение размера цифрового файла в сравнении с размером файла при сканировании одного лишь текста / фотографического изображения/рисунка на листе.

Отображение отсканированного листа на электронном экране будет тем более похожим на образ физического реального объекта и соответствующим при этом повышенной аутентичности, чем больше информации о характерных полях с дефектами и следами износа бумаги будет присутствовать на полученном при сканировании, изображении.

При выполнении работ по сканированию бумажных листов с текстом (страницы книг) или с фотографическим изображением у оператора сканера возникает дилемма: сканировать лист целиком или же сканировать только необходимое изображение (текст, фотография), оставив безинформационные края листа (часто подверженные износу) за пределами сканируемого поля сканера. В случае

возникновения такой ситуации, оператору сканера следует разобраться непосредственно с весомостью аутентичностью образа объекта и оценить важность сохранения его в изображении или допустить возможность утери образа в угоду лаконичности изображения с текстовой или визуальной информацией.

Уменьшение рабочего поля сканера при сканировании приводит к исчезновению образа «изображение бумажного листа, имеющего физические границы и поля, подвергшегося влиянию времени и обладающего признаками утраты поверхностного слоя бумаги, частей бумаги, или ровных краев листа», и, скорее, приближает к образу «изображение бумажного листа, по-видимому, не обладающего признаками краевого износа бумаги».

Уменьшая при сканировании изображение целого листа в угоду большей презентабельности текста или фотографии в цифровом виде, можно получить эффект утери цельного образа первоначального аутентичного физического объекта. Неровные, подверженные износу и утере частей, кромки бумажного листа, несут важную визуальную информацию, формирующую визуальный аутентичный образ. Именно эти, уже подверженные физическому износу части бумажного листа и составляют для исследователя (зрителя, наблюдателя) «фактор присутствия», отмеченный П. И. Шипилиным и Т. Б. Назарчук [3: 112].

Следует также разграничить, с одной стороны, вопрос о визуальной аутентичности образа изображения материальному объекту, с другой стороны, требования к качеству получаемой электронной копии. И. Е. Хворова отмечает, что «требования к качеству получаемых цифровых копий четко не сформулированы. Отсутствуют критерии оценки качества электронных копий бумажных документов: параметры изображения, тоновое воспроизведение (контрастность), яркость, шум, точность цветопередачи, резкость, разрешение, геометрические искажения и др.» [9: 25]. Хорошее качество электронной копии — это то, чего добивается оператор сканера при выполнении сканирования. Одним из главных методов увеличения качества считается метод изменения «разрешения сканирования» (количество отображаемых сканером электронных точек изображения на стандартизированную площадь бумажного листа). Е. В. Латышева по вопросу увеличения качества копий пишет, что «разрешение приходится увеличивать, постоянно сверяться с оригиналом, разбирая буквы и значки» [10: 32].

Улучшить качество получаемого изображения можно с помощью увеличения разрешения сканируемого изображения (при определенно высоком уровне передачи точности цвета системой сканера), но проблему аутентичности изображения объекту таким способом решить невозможно. Вероятно, это уже вопрос о необходимости сохранения образа целостного объекта. Заведомо убирая бумажные поля со следами воздействия из поля сканирования в пользу насыщения изображения лишь смысловой информацией, оператор сканера отделяет информацию, визуально приближающую изображение к воссозданию аутентичности объекта на электронном экране. Более того, такое решение поставленной задачи по сканированию делает невозможным воссоздание более полного образа объекта в некий момент времени позднее, так как массив нужной информации безвозвратно утерян изначально. Его невозможно восстановить, поскольку нет никакой нужной информации в цифровом файле. В случае необходимости получения информации о целом листе бумаги работа по сканированию должна быть повторена, что означает увеличение общих затрат времени как минимум в два раза.

Если в последующей работе с отсканированным «без полей» изображением важен лишь смысл текста или фотографии, то можно допустить сканирование бумажного листа с установленным полем сканера таким образом, что получаемое изображение несет в себе лишь образ напечатанного / написанного текста или фотографического изображения, рисунка. Но, в целом, вряд ли можно рекомендовать такой метод получения цифровой копии, так как аутентичность образа безвозвратно теряется. Между тем для музейных и архивных электронных библиотек часто важна именно полная аутентичность изображения образа материальному объекту.

Можно рекомендовать производить сканирование с захватом всего листа, включая свободные поля и следы износа бумаги по краям. Именно такое изображение будет обладать большей аутентичностью. При необходимости в дальнейшем можно сделать изменение в электронном файле, несущем в себе отсканированное изображение, и отделить поля и края бумаги в файле-копии. Данное новое изображение будет более удобно для получения электронных копий отсканированного текста. В любом случае, при таком проведении работ всегда будет возможен возврат к первоначальному изображению, для работы с ним.

Список литературы

1. Прудникова В. В. Автоматическая оцифровка книг // Вестник МГУП. 2011. № 1. С. 171–183.
2. Жданова В. А. Digital humanities: цифровая «революция» в области искусствоведения // Человек в мире культуры. 2017. № 4. С. 112–117.
3. Шипилин П. И., Назарчук Т. Б. Актуальные проблемы оцифровки артефактных, редких и ценных документов на примере научной библиотеки Таврической академии КФУ и научного архива ГИАМЗ «Херсонес Таврический» // Научный вестник Крыма. 2017. №1 (6). С. 110–115.
4. Гагман Н. А. Фотографирование произведений искусства. М.: Искусство, 1975. 133 с.
5. Чистяков В. В. Современные технологии получения изображений музейных предметов: метод. рекомендации / ФГУП «ГИВЦ» Роскультуры, Федеральное агентство по культуре и кинематографии. М., 2009. 15 с.
6. Славных В. А., Тарасов Д. А., Филимонов В. В. Цифровая фотосъемка произведений живописи // Передача, обработка, восприятие текстовой и графической информации: мат-лы междунар. науч.-практич. конф. (Екатеринбург, 19–20 марта 2015). Екатеринбург: УрФУ, 2015. С. 209–219.
7. Проскуряков Н. Е., Ануфриева А. Ю. Определение технологических режимов и параметров качества микрофильмов // Известия ТулГУ. Технические науки. 2013. № 3. С. 361–368.
8. Старовойтов В. В. О цифровой реставрации исторических текстовых документов // Системный анализ и прикладная информатика. 2015. № 1. С. 60–67.
9. Хворова И. Е. Процесс оцифровки документов для создания электронного архива // История и архивы. 2017. № 1 (7). С. 22–29.
10. Латышева Е. В. Применение цифровых компьютерных технологий при работе с редкими и ценными изданиями // Крымский архив. 2018. № 1 (28). С. 31–35.

References

1. Prudnikova V. V. Avtomaticheskaya ocifrovka knig [Automatic digitization of books]. *Vestnik MGUP* [MSUPA Bulletin], 2011, no. 1, pp. 171–183. (In Russ.).
2. Zhdanova V. A. Digital humanities: cifrovaya “revolyuciya” v oblasti iskusstvovedeniya [Digital humanities: digital “revolution” in the field of art history]. *Chelovek v mire kul'tury* [Man in the world of culture], 2017, no. 4, pp. 112–117. (In Russ.).

3. Shipilin P. I., Nazarchuk T. B. Aktual'nye problemy ocifrovki artefaktnyh, redkih i cennyh dokumentov na primere nauchnoj biblioteki Tavricheskoj akademii KFU i nauchnogo arhiva GIAMZ "Hersones Tavricheskij" [Actual problems of digitizing artifact, rare and valuable documents on the example of the scientific library of the Tauride Academy of KFU and the scientific archive of the GIAMZ "Tauric Chersonesos"]. *Nauchnyj vestnik Kryma* [Scientific Bulletin of Crimea], 2017, no. 1 (6), pp. 110–115. (In Russ.).
4. Gagman N. A. *Fotografirovanie proizvedenij iskusstva* [Photographing works of art]. Moscow, Iskusstvo, 1975, 133 p. (In Russ.).
5. Chistyakov V. V. *Sovremennye tekhnologii polucheniya izobrazhenij muzejnyh predmetov* [Modern technologies for obtaining images of museum objects: guidelines]. Moscow, 2009, 15 p. (In Russ.).
6. Slavnyh V. A., Tarasov D. A., Filimonov V. V. Cifrovaya fotos"emka proizvedenij zhivopisi [Digital photography of paintings]. *Peredacha, obrabotka, vospriyatie tekstovoj i graficheskoy informacii* [Transmission, processing, perception of text and graphic information]. Yekaterinburg, Publ. UrFU, 2015, pp. 209–219. (In Russ.).
7. Proskuryakov N. E., Anufrieva A. Yu. Opredelenie tekhnologicheskikh rezhimov i parametrov kachestva mikrofil'mov [Determination of technological modes and quality parameters of microfilms]. *Izvestiya TulGU. Tekhnicheskie nauki* [Bulletin of TulSU. Technical science], 2013, no. 3, pp. 361–368. (In Russ.).
8. Starovojtov V. V. O cifrovoj restavracii istoricheskikh tekstovykh dokumentov [About digital restoration of historical text documents]. *Sistemnyj analiz i prikladnaya informatika* [Systems analysis and applied informatics], 2015, no. 1, pp. 60–67. (In Russ.).
9. Prudnikova V. V. Avtomaticheskaya ocifrovka knig [Automatic digitization of books], p. 171. (In Russ.).
10. Shipilin P. I., Nazarchuk T. B. Aktual'nye problemy ocifrovki [Actual problems of digitizing], p. 112. (In Russ.).
11. Hovorova I. E. Process ocifrovki dokumentov dlya sozdaniya elektronnoho arhiva [The process of digitizing documents to create an electronic archive]. *Istoriya i arhivy* [History and archives], 2017, no. 1 (7), pp. 22–29. (In Russ.).
12. Latysheva E. V. Primenenie cifrovyyh komp'yuternyyh tekhnologij pri rabote s redkimi i cennymi izdaniyami [Application of digital computer technologies when working with rare and valuable publications]. *Krymskij arhiv* [Crimean archive], 2018, no. 1 (28), pp. 31–35. (In Russ.).

Сведения об авторе

И. А. Травин — заведующий сектором формирования цифровой информации ЦГП КНЦ РАН.

Information about the author

I. A. Travin — head of the sector of digital information generation of the Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre of RAS.

Статья поступила в редакцию 30.09.2021; одобрена после рецензирования 07.10.2021; принята к публикации 08.10.2021.

The article was submitted 30.09.2021; approved after reviewing 07.10.2021; accepted for publication 08.10.2021.

АСПИРАНТСКИЕ ТЕТРАДИ POSTGRADUATE NOTEBOOKS

Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 21. 2021. Т. 12, № 4. С. 162–170.

Transactions of the Kola Science Centre. Humanitarian studies. Series 21. 2021. Vol. 12, no. 4. P. 162–170.

Научная статья

УДК 93/94

DOI: 10.37614/2307-5252.2021.4.21.012

Н. И. БАХТИН В МОРСКОМ МИНИСТЕРСТВЕ: К ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ ЧИНОВНОГО ОКРУЖЕНИЯ КНЯЗЯ А. С. МЕНШИКОВА ВО ФЛОТЕ В КОНЦЕ 1820-Х – НАЧАЛЕ 1830 Х ГГ.

Ксения Владимировна Доник

Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург, Россия

donikksenia@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7179-5897>

Аннотация

В статье освещаются отдельные аспекты службы известного государственного деятеля Н. И. Бахтина (1796–1869) в бытность его чиновником по особым поручениям при князе А. С. Меншикове. Известно, что в 1827–1834 гг. Н. И. Бахтин служил в Морском министерстве, система управления которого в этот период претерпевала изменения. На основании новых архивных источников, сохранившихся по преимуществу в личных фондах, восстанавливаются обстоятельства перехода Н. И. Бахтина на службу в морскую администрацию из Военного министерства и его деятельность в качестве чиновника по особым поручениям. Помимо биографической новизны, они могут рассматриваться как отражение процесса формирования морского управленческого аппарата в этот период в целом. События жизни и службы Н. И. Бахтина рассматриваются в контексте процессов бюрократизации флотского управления и взаимоотношений с ключевой фигурой этих процессов — князем А. С. Меншиковым.

Ключевые слова:

Николай I, Меншиков, Бахтин, флот, администрация, реформы, бюрократия

Для цитирования: Доник К. В. Н. И. Бахтин в Морском министерстве: к истории формирования чиновного окружения князя А. С. Меншикова во флоте в конце 1820-х – начале 1830 х гг. // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 21. 2021. Т. 12, № 4. С. 162–170. <http://dx/doi.org/0.37614/2307-5252.2021.4.21.012>.

Original article

NIKOLAI BAKHTIN IN THE NAVAL MINISTRY: ON THE HISTORY OF THE FORMATION OF THE BUREAUCRATIC ENTOURAGE OF PRINCE ALEXANDER MENSHIKOV IN THE NAVY IN THE LATE 1820S – EARLY 1830S

Ksenia V. Donik

Russian National Library, St. Petersburg, Russia

donikksenia@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7179-5897>

Abstract

The article describes some aspects of the service of the famous statesman Nikolai Bakhtin (1796–1869), when he was a special assignment official under Prince Alexander Menshikov. In 1827–1834 Bakhtin was in the service of the Naval ministry, the management system of which was undergoing changes during this period. The study based on new archival sources reconstructs the circumstances of Bakhtin to serve in the Naval directorate from the War ministry and his activities as an official on special assignments under Menshikov. In addition to the facts of Bakhtin's biography, these circumstances can be interpreted as a reflection of the process of the formation of the maritime administrative apparatus during this period. The events of Bakhtin's life and service are considered in the context of the processes of bureaucratization of naval management and relations with the key figure of these processes — Prince Menshikov.

Keywords:

Nicholas I, Menshikov, Bakhtin, fleet, administration, reforms, bureaucracy

For citation: Donik K. V. Nikolai Bakhtin in the Naval ministry: on the history of the formation of the bureaucratic entourage of prince Alexander Menshikov in the navy in the late 1820s – early 1830s // Transactions of the Kola Science Centre. Humanitarian studies. Series 21. 2021. Vol. 12, no. 4. P. 162–170. <http://dx/doi.org/10.37614/2307-5252.2021.4.21.012>.

На рубеже 1820–1830-х гг. Морское ведомство претерпевало значительные изменения в аппарате своего управления. Реформы центральных морских учреждений, инициированные императором Николаем I, были призваны ввести министерскую структуру и приблизить военно-морскую администрацию к модели центрального управления, существовавшей в Военно-сухопутном ведомстве. Военное министерство занималось хозяйственно-экономическими вопросами армии, а основным военно-административным центром, возвышавшимся над всем зданием военного управления, являлся Главный штаб. Устройство военного управления должно было послужить образцом для морского¹.

Начало административных преобразований в Морском ведомстве совпало с рядом ревизий и внутриведомственных конфликтов, которые повлияли, помимо прочего, и на выбор кандидатуры реформатора. После того, как Комитет образования флота, организованный в том числе для разработки планов реорганизации, фактически устранился от решения своей задачи [1: 121–127], Николаем I было принято решение назначить состоявшего при Главном штабе генерал-адъютанта князя Александра Сергеевича Меншикова (1787–1869) в качестве своего рода советника морскому министру вице-адмиралу А. В. Моллеру для осуществления уже готового проекта по созданию новой морской администрации. Этот проект был передан Меншикову Николаем I при поручении ему заняться морскими делами 28 ноября 1826 г. На самом деле появление Меншикова в качестве «советника» при Моллере стало началом постепенной институционализации ранее не имевшего отношения к морской службе штабного и свитского генерала в сфере морского управления: в дальнейшем он не только осуществит поставленные перед ним задачи создания новых учреждений по типу сухопутных с практическим перенесением военных порядков во флот, но и на долгие годы (до 1855 г.) возглавит реорганизованное ведомство.

В историографии фигура Меншикова получила по преимуществу негативные оценки. Не останавливаясь здесь на детализации развернувшегося после Крымской войны сложного процесса формирования исторического мифа о Меншикове, заметим лишь, что эти оценки были неразрывно связаны с военным конфликтом. Частью исторического образа Меншикова стало расхожее мнение о его случайном попадании во флот, объясняемое иррациональными мотивами царя [2: 82]. Однако причины назначения Меншикова в морское управление в конце 1820-х гг., как представляется, могли быть связаны именно с контекстом ведомственных преобразований этого периода. Его раскрытие и толкование имеет определенные источниковедческие и методологические проблемы. Основываясь на изучении ряда источников, мы можем выделить несколько составляющих этого контекста: желание власти быстро и эффективно упорядочить морское управление, сделав флот более контролируемым в плане расходования финансовых средств; сопротивление морского генералитета административным реформам по сухопутному образцу, а также существенная роль морского nepотизма и связанных с ним злоупотреблений различных видов.

С одной стороны, внедрение новой централизованной административной структуры преследовало цель установления более современного и унифицированного с другими отраслями государственного управления флотом; с другой стороны, со времен Петра Великого введение обновленной администрации с «правильно» подобранной бюрократией считалось эффективным скорым механизмом в борьбе с явлениями коррупции и общим беспорядком [3: 147]. Так, заметно, что законодательные акты о новых морских учреждениях сохраняли в себе элементы дисциплинарной

казуистики, которые на практике, по всей видимости, уходили корнями именно в актуализированную государством повестку «приведения в порядок» ведомства. Оставляя в стороне подробные обстоятельства прихода Меншикова во флот, отметим, что на него возлагалась функция установления искомого «порядка», который, по мнению императора, лучше всего уже был реализован в Главном штабе.

На всем протяжении первой четверти XIX в. Военное ведомство непрерывно находилось в поле зрения власти, его аппарат управления изменялся и совершенствовался. В 1815 г. был создан Главный штаб, Канцелярию которого с 1816 г. возглавил энергичный и способный князь А. С. Меншиков, флигель-адъютант, ставший при начальнике штаба князе П. М. Волконском знатоком военных канцелярско-делопроизводственных механизмов. Но приступая к морским делам уже в новое царствование с целью завести такие же порядки во флоте, мог ли Меншиков справиться с возложенными на него задачами в одиночку? На самом деле, если проследить историю кадровых решений по морской администрации за десятилетие с 1826 по 1836 гг., несложно заметить, что Меншиков представлял своего рода «вершину айсберга»: около него в морских канцеляриях постепенно сосредотачивался ряд чиновников и штаб-офицеров из Военного ведомства. В историографии николаевского времени давно и точно подмечена такая характерная для него черта как милитаризация управления [4: 470]: император действительно назначал генералов в качестве министров невоенных отраслей. Флот — это часть военной машины, но, можно сказать, и с ним в этот период произошло то же самое. При этом «вторжение» носило не случайный, спонтанный, а вполне целенаправленный и системный характер.

Основные административные преобразования в Морском ведомстве произошли в 1827 г.: была проведена министерская реформа, появились ключевые департаменты и учреждения будущего Морского штаба. Уже на первых порах изучения Меншиковым флотского управления в его окружении появляются чиновники, как правило, имевшие опыт службы в департаментах Военного министерства. Для этого периода уместно говорить о трех заметных фигурах, которые являлись опорой князя при исполнении различных поручений, ведении канцелярских дел, а также разработке законопроектов морских государственных учреждений. Это Константин Иванович Фишер, Николай Иванович Бахтин и Андрей Андреевич Жандр. Находясь на государственной службе и выполняя различные функции при общем начальнике — князе Меншикове, — все они со временем установили достаточно доверительные личные отношения с ним, никогда, однако, не отклоняясь от соблюдения принятых на службе и в обществе иерархий. Более того, в этих отношениях за Меншиковым почти не прослеживается патронажного покровительства.

Первый из чиновников — К. И. Фишер — историкам николаевского времени известен как автор ироничных детализированных воспоминаний о Меншикове, его окружении и внутриминистерской жизни в дореформенной России. Фишер оказался в этом окружении первым и стал свидетелем появления в нем других лиц. В своих «Записках сенатора» Фишер упоминает о том, что, приступая к реформам морского управления, князь Меншиков «взял» себе в помощь лично известного по Главному штабу полковника А. Г. Вилламова², а также ему «был дан» чиновник Андреев (также из Военного ведомства)³. Самого Фишера Меншиков использовал для разных поручений; по его собственному свидетельству, он работал у князя «мимоходом»⁴. Однако Меншикову был нужен чиновник, который имел бы

способности вместе с ним составлять проекты будущих учреждений. Таковым стал Николай Иванович Бахтин (1796–1869). Именно тогда, в 1827 г., по свидетельству Фишера, бывший генерал-провиантмейстер Военного ведомства А. И. Абакумов рекомендовал князю Бахтина⁵.

Изучение документов личного архивного фонда князя Меншикова позволяет выявить определенную тенденцию в подборе чиновников на новые места службы в изменяющийся аппарат управления Морским ведомством. Многие канцелярские чиновники этого времени переводились в основном из контрольных, реже — из хозяйственных подразделений военного управления. Проявившаяся и отслеживаемая через анализ служебных траекторий практика, по всей видимости, была частью общего стремления верховной власти заменить чиновников морского управления как виновников злоупотреблений на «проверенных» из Военного министерства. И для этих целей использовались не только служебная репутация и рекомендации военного начальства: пример Бахтина отразил и другие способы сбора сведений о кандидатах, подбираемых для решения специальных задач.

Н. И. Бахтин происходил из семьи действительного статского советника Ивана Ивановича Бахтина — поэта, Слободско-Украинского гражданского губернатора, управляющего Государственной экспедицией по ревизии счетов. Служба Николая Ивановича началась с подведомственного отцу Слободско-Украинского губернского правления (1812), затем он вместе с отцом переместился в Экспедицию по ревизии счетов (1815), а позже в еще довольно низком чине — на должность канцеляриста в Канцелярию статс-секретаря для принятия прошений, на высочайшее имя приносимых (1816). В этом качестве он прослужил несколько лет до своего перевода на должность правителя Канцелярии генерал-провиантмейстера (1825), а 9 августа 1827 г. Бахтин был переведен в Морское министерство.⁶ Из служебной переписки, сохранившейся в бумагах Меншикова, следует, что князь, с большой долей вероятности, сам был заинтересован в переходе к нему Бахтина и, по всей видимости, долго наблюдал за ним⁷. Вместе с ходатайством князя Меншикова к генерал-провиантмейстеру А. И. Абакумову о переводе Бахтина «для письмоводства»⁸ сохранился и отзыв Абакумова для будущего начальника: «я неоднократно (курсив мой — К. Д.) изъяснял Вам, милостивый [государь], на словах, что чиновник сей по личностным его способностям и усердию к службе всегда обращал на себя особенное внимание начальства»⁹. Помимо положительной служебной рекомендации, профессор Петербургского университета Н. И. Бутырский, аттестовавший чиновника, заключал, что Бахтин «был экзаменован и показал хорошие знания во всех областях знаний»¹⁰. Однако несмотря на все положительные характеристики, Меншиков все же основательно собирал сведения о благонадежности Бахтина: среди сохранившейся переписки с заверением всех взаимных чувств и расположений, все же встречается записка управляющего делами III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии фон Фока с общей оценкой годности Бахтина для службы, требующей кандидатуру, которой можно было бы доверять. На бумаге, не имеющей ни подписи, ни даты (отмечены Меншиковым), содержится запись о том, что «служащий в Провиантском департаменте при особе г. Абакумова, 8 класса Николай Иванович Бахтин... пользуется хорошей репутацией. Он был несколько времени за границею и в Париже¹¹ и возвратился сюда [далее неразб.] avec quelques idées de travers¹², впрочем, он ведет себя весьма скромно и имеет хорошие способности, кои под руководством Вашего Сиятельства, конечно, более получают развитие»¹³. В агентурной записке Ф. В. Булгарина за 1830 г.¹⁴

имеется также указание на то, что «князь Меншиков спрашивал в 1827 году у генерала Бенкендорфа о Бахтине (курсив мой — К. Д.). Тогда отвечали, что способен и ни в чем дурном не замечен...»¹⁵.

При переходе на службу в Морское ведомство Бахтин не получил конкретной должности: Меншиков переводил его *к себе*, в качестве чиновника, выполняющего писарскую работу, с сохранением жалованья Военного министерства¹⁶. Первую половину 1827 г. Меншиков занимался составлением положения о новом устройстве Морского министерства, привлекая к этой работе и Бахтина. Уже 3 декабря 1827 г. коллежский ассесор Бахтин вместе с перешедшим из Военного ведомства надворным советником Андреевым, писарями Просиным и Наумовым получил первое награждение: князь Меншиков представил их к поощрению «за то, что они занимались редакцией нового “Образования Морского министерства”»¹⁷. 4 декабря Бахтин был произведен в следующий чин надворного советника «за отличное исполнение особых поручений»¹⁸.

С началом Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Бахтин оставался при Меншикове на театре военных действий; впоследствии Меншиков в сопроводительном письме сообщал Бахтину, что по его докладу царь дозволил ему носить медаль за войну, «так как Вы были в действительных сражениях под Анапой и исправляли в делах противу неприятеля должность адъютанта при мне, во время командования моего сухопутными войсками, осаждавшими сию крепость»¹⁹. Со времени ранения Меншикова (произошло в августе 1828 г.) и его отсутствия в Петербурге до 1829 г., когда князь находился на лечении в своем имении, Бахтин по сути стал выполнять обязанности чиновника Канцелярии начальника Морского штаба, делая возможной коммуникацию между директором Канцелярии В. А. Перовским и князем Меншиковым, возглавившим созданный Штаб в марте 1828 г. Сохранившиеся в фонде Меншикова пересланные Бахтиным бумаги свидетельствуют о том, что в это время через его руки проходили важные, в том числе секретные бумаги, касающиеся Черноморского управления, вопросами которого князь занимался, находясь у себя в имении. Из переписки также следует, что Бахтин исполнял отчасти функцию казначея Канцелярии, сохраняя распределяемые Перовским деньги. «За отличное исполнение возложенной обязанности» в 1830 г. Бахтин был представлен Меншиковым к ордену Св. Владимира 3 степени²⁰.

В 1831 г., когда первый этап реформирования ведомства подошел к концу, Бахтин занял должность делопроизводителя возобновившего свои собрания Комитета образования флота, а также «сверх обязанностей по Морскому штабу» был назначен заведовать при князе «делами по части Финляндского генерал-губернаторства»²¹. Эти должности позволили Бахтину самостоятельно заниматься важнейшими вопросами морской администрации и приблизили его к пику своей карьеры как государственного деятеля.

Помимо координации работы Комитета образования флота, Бахтину была поручена подготовка систематизации морского законодательства. Создание Свода морских узаконений было направлено на учет и анализ всех законодательных актов, касавшихся флота, его управления, службы и хозяйства, результатом этого плана должно была стать ликвидация неупорядоченного, не согласованного в нормах морского законодательства. Запутанное и не систематизированное законодательство считалось одной из главных причин злоупотреблений. Проект по систематизации в этом случае предполагал устранение противоречий, а также выявление скрытых актов, на которых могли основываться не предусмотренные общим законом практики (в основном это касалось указной деятельности центральной структуры ведомства).

В личном фонде Бахтина сохранился одобренный Императором и Комитетом образования флота план работ по систематизации законодательства. Он включал в себя описание последовательности операций по кодификации, перечисление основных источников морского законодательства, оценку их состояния и пригодности для выявления и упорядочивания законодательных актов, делопроизводства. Методической основой и одним из основных источников для этой работы должен был стать Свод законов, сформированный под началом М. М. Сперанского. Причину того, что морские законы никогда не были систематизированы, Бахтин объяснял тем, что «без полного собрания всех вообще узаконений нельзя было и приступить к предположенному ныне своду»²². Как и в решении других вопросов о стандартизации и унификации управления в это время во флоте, в работе над Сводом морских постановлений учитывался опыт проведенной ранее кодификации военного законодательства: среди черновых бумаг Бахтина имеется переписанное им содержание, структура Свода военных постановлений²³.

Создание Свода морских узаконений велось на протяжении ряда лет под бессменным руководством Бахтина. Даже его переход на службу в Комитет министров не прервал этой работы. Этот Свод, однако, так и не был никогда опубликован, а проделанные сверки и упорядоченные документы применялись во внутренней работе министерства. Существенным ограничением выступало отсутствие целенаправленно выделяемых средств: по всей видимости, миновав острый период распада морских институтов и создав новые, царь не видел в этом первостепенной стратегической задачи. Ежегодные сборники актуального законодательства и иных актов («Собрание законов и постановлений, до части морского управления относящихся»), выпускавшиеся Инспекторским департаментом с момента вступления на престол Николая I, в условиях полного обновления центральной администрации, отчасти компенсировали недостаток кодифицированного свода. Образцом для этого издания стали выпускавшиеся Главным штабом сборники военных постановлений²⁴.

Служба у Меншикова в чиновниках по особым поручениям для Бахтина стала переломным этапом его служебного пути. Меншиков, выделяя Бахтина среди прочих чиновников, числившихся при нем и в Канцелярии, регулярно представлял его к наградам и следил за чинопроизводством. Счастливым карьерный случай — оказаться в реформируемом ведомстве с тем, кто готов щедро платить за хорошую службу и надежность — расценивался Бахтиным как тот самый повод для благодарности, который может рассматриваться как отношения покровительства, не выходящие за рамки формальных. Об этом свидетельствует общая тональность переписки, а также ее фрагменты, в которых встречаются выражения благодарности за благосклонность. 25 февраля 1829 г., когда Меншиков находился у себя в имении, Бахтин написал ему личное письмо, в котором выражалась признательность за его покровительственное отношение: «Позвольте присовокупить к оному (служебному донесению — прим. К. Д.) несколько слов благодарности за известие о состоянии ран Ваших. С прискорбием вижу, что я еще долго не буду иметь счастье лично изъявлять перед Вами мои чувства и потому надеюсь, что Ваша Светлость простите мне, если я не мог отказать себе в удовольствии напомнить Вам о себе не в одних сухих выражениях официальных донесений. Все благонамеренные люди желают Вам скорейшего выздоровления и ждут с нетерпением времени, когда слух государя снова приклонится к советам Вашим, и когда Вы, как член Комитета министров, будете участвовать мнением Вашим во всех делах государственных. Что же должны чувствовать те, кто имеет завидную честь быть под непосредственным Вашим руководством, и из них — я, которого Вы в короткое время обязали благодарностью?»²⁵. Это письмо вполне отражает ту общую

модель писем, которые получал Меншиков во время своей болезни от тех, кто был ему обязан лично. Еще более эмоциональное письмо Бахтина, к сожалению, не сохранившее точной датировки, но по состоянию почерка весьма близкое предыдущему, объясняет отчасти причины преданности: «В числе тех, кому я обязан за это вечной благодарностью, Ваша светлость занимает первое место, как человек, который начиная с 1827 года вывел меня на новую дорогу, помог мне сделать на ней много шагов, наконец, указал мне путь далее и далее. Все хорошее, что я достигну на этом пути, я в думе моей отнесу к Вашей Светлости. Поздравление Ваше меня искренне обрадовало, давши мне столь благоприятный случай еще прежде личного свидания изъяснить Вам мои чувства...»²⁶.

Представляется, что письмо относится ко времени перехода Бахтина на службу в Канцелярию Комитета министров в 1834 г. К тому времени Бахтин был одним из опорных чиновников Меншикова, и факт того, что председатель Комитета министров граф Н. Н. Новосильцов «спрашивал» Бахтина к себе, был отражен Меншиковым в дневнике за декабрь 1834 г.²⁷ Меншиков старался сохранить те связи, которые формировались постепенно и были его опорой на первом этапе реформ во флоте — в других учреждениях власти они продолжали «работать», сохраняясь длительное время. В марте 1835 г. Меншиков (по ходатайству ли Бахтина или самостоятельно, остается неизвестным), направил Новосильцову частное письмо, в котором просил главу Комитета министров проследить за своевременным чинопроизводством Бахтина, переход которого в другое место прерывал срок службы в одном чине. Меншиков сопроводил письмо похвалой Бахтина и теми «рекомендациями», которые были необходимы для того, чтобы быть «на хорошем счету» на новом месте: Бахтин «во все время служения своего под моим начальством не переставал обращать на себя внимание особенной деятельностью по службе и отличным исполнением всех своих обязанностей»²⁸. Такая практика покровительства карьере являлась, пожалуй, универсальной, широко распространенной как в дореформенной России, так и в пореформенную эпоху. С нашей точки зрения, ее нельзя признать полностью неформальной, то есть не соответствующей нормам закона. Для истории новой администрации во флоте факт чиновничьих протекций может служить источником для понимания того типа институциональной среды, которая формировалась внутри ближайших к главе учреждения подразделений. Существенное значение в этой среде играли персональные отношения, являвшиеся залогом гарантий успешной карьеры, с одной стороны, и нужных результатов службы, с другой. Однако ни случай Бахтина, ни случаи Жандра или Фишера нельзя отнести к неформальному патронату или покровительству: контекст подавления чиновных злоупотреблений в Морском ведомстве и «приведения его в порядок», олицетворяемый фигурой Меншикова, весьма влиял и на формирование его собственного стиля руководства, в котором факт протекции был весьма избирательным решением и более исключением, нежели практикой.

Примечания

¹ РГА ВМФ. Ф. 148. Оп. 1. Д. 445. Л. 183 об.

² Будущий глава морской гидрографической части.

³ Фишер К. И. Записки сенатора. М.: «Захаров», 2008. С. 45.

⁴ Изначально он состоял в ведении мужа родной сестры князя Меншикова князя А. П. Гагарина.

⁵ Фишер К. И. Указ. Соч. С. 45.

⁶ РГА ВМФ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 602. Л. 74–83.

⁷ Небеспристрастный в отношении Бахтина Фишер писал, что князю «он был рекомендован». Фишер К. И. Записки сенатора. С. 321.

⁸ РГА ВМФ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 602. Л. 1.

⁹ Там же. Л. 3.

¹⁰ Там же. Л. 10–10 об.

¹¹ Так в тексте.

¹² С некоторыми неверными идеями — пер. с фр. К. Д.

¹³ РГА ВМФ. Ф. 19. Оп. 2. Д. 17. Л. 24.

¹⁴ Датировка А. И. Рейтблата.

¹⁵ Булгарин Ф. В. Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение / подгот. [предисл. и коммент.] А. И. Рейтблат. М.: Новое литературное обозрение, 1998. С. 406. Эта записка была сформирована в ответ на требование одного из крупных сановников (Д. В. Дашкова, товарища министра юстиции) по составлению «мнений» о двух самых важных чиновниках меншиковского секретариата — Н. И. Бахтине и А. А. Жандре. Известно, что записке Булгарина Бахтин был описан как посредственный чиновник, малосведущий в законах, ищущий покровительства и готовый изменить долгу, если найдет его, «насмехающийся над своими благодетелями» и имевший на службе у Меншикова «более случаев выказать себя и обнаружить свой характер, многое открылось, чего прежде не знали». Там же.

¹⁶ РГА ВМФ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 602. Л. 1.

¹⁷ РГА ВМФ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 101. Л. 1.

¹⁸ РГА ВМФ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 602. Л. 74–83.

¹⁹ ОР РНБ. Ф. 682. Д. 541. Л. 1.

²⁰ РГА ВМФ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 602. Л. 82.

²¹ Там же. Л. 82 об.

²² ОР РНБ. Ф. 682. Д. 636. Л. 4.

²³ ОР РНБ. Ф. 682. Д. 638. Л. 1–25 об.

²⁴ РГА ВМФ. Ф. 19. Оп. 2–1. Д. 89. Л. 62 об.

²⁵ РГА ВМФ. Ф. 19. Оп. 2. Д. 17. Л. 12–13.

²⁶ Там же. Л. 14–15.

²⁷ РГА ВМФ. Ф. 19. Оп. 7. Д. 134. Л. 208.

²⁸ ОР РНБ. Ф. 682. Д. 540. Л. 5. При всем этом нельзя не привести версию Фишера, который весьма критически отзывался о Бахтине, признавая его личные качества и заслуги: мемуарист утверждал, что князь «уважал Бахтина, но не любил его»; по версии Фишера, Меншиков «выхлопотал» место статс-секретаря, «чтобы освободиться от неприятного ему сотрудника». Причиной такого отношения князь Фишер называет «узкий взгляд» Бахтина в вопросах, требовавших более живого участия. Фишер К. И. Указ. Соч. С. 321–322.

Список литературы

1. Анисимов Е. В. Государственность Петра Великого // Российская государственность: опыт 1150-летней истории: мат-лы междунар. науч. конф. (Москва, 4–5 декабря 2012 г.). М., 2013. С. 145–148.
2. Доник К. В. Комитет образования флота и его роль в подготовке реформы центральной морской администрации в 1825–1827 гг. // История российской государственности: доклады Междунар. науч. конф., посвященной 100-летию со дня рождения профессора Н. П. Ерошкина (Москва, 19 декабря 2020 г.) / Сост. Л. Д. Шаповалова. М.: РГГУ, 2021. С. 121–127.

3. Ерошкин Н. П. Министерства России первой половины XIX в. — фондообразователи центральных государственных архивов СССР // История государственных учреждений дореволюционной России: научно-педагогические труды. 5-е изд., доп. М.: РГГУ, 2008.
4. Тарле Е. В. Крымская война: в 2-т. СПб.: Наука, 2011. Т. 2.

References

1. Anisimov E. V. Gosudarstvennost' Petra Velikogo [Statehood of Peter the Great]. *Rossiiskaya gosudarstvennost': opyt 1150-letnei istorii* [Russian Statehood: the experience of 1150 years of history]. Moscow, 2013, pp. 145–148. (In Russ.).
2. Donik K. V. Komitet obrazovaniya flota i ego rol' v podgotovke reform tsentral'noi morskoi administratsii v 1825–1827 gg. [The Committee for the Education of the Fleet and its Role in Preparing the Reform of the Central Maritime Administration in 1825–1827]. *Istoriya rossiiskoi gosudarstvennosti* [History of Russian statehood]. Moscow, RGGU Publ., 2021, pp. 121–127. (In Russ.).
3. Eroshkin N. P. Ministerstva Rossii pervoi poloviny XIX v. — fondoobrazovateli tsentral'nykh gosudarstvennykh arkhivov SSSR [Ministries of Russia of the first half of the XIX century — fund-makers of the central state archives of the USSR]. *Istoriya gosudarstvennykh uchrezhdenii dorevolutsionnoi Rossii* [The history of state institutions in pre-revolutionary Russia]. Moscow, RGGU Publ., 2008. (In Russ.).
4. Tarle E. V. *Krymskaya voina* [Crimean War]. Saint-Petersburg, Nauka, 2011, vol. 2. (In Russ.).

Сведения об авторе

К. В. Дони́к — библиограф Российской национальной библиотеки, выпускник аспирантуры Санкт-Петербургского института истории РАН.

Information about the author

K. V. Donik — bibliographer of Russian National Library, graduate of the St. Petersburg Institute of History of RAS.

Статья поступила в редакцию 28.09.2021; одобрена после рецензирования 02.10.2021; принята к публикации 08.10.2021.

The article was submitted 28.09.2021; approved after reviewing 02.10.2021; accepted for publication 08.10.2021.

Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 21. 2021. Т. 12, № 4. С. 171–177.

Transactions of the Kola Science Centre. Humanitarian studies. Series 21. 2021. Vol. 12, no. 4. P. 171–177.

Научная статья

УДК 94(084.121)(470.21)"1919"

DOI: 10.37614/2307-5252.2021.4.21.013

БРИТАНСКИЕ СОЛДАТЫ НА СТАНЦИИ ИМАНДРА В 1919 Г.: ИСТОРИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ К ОДНОЙ ФОТОГРАФИИ

Евгений Олегович Сушко

Центр гуманитарных проблем Баренц региона ФИЦ КНЦ РАН, Апатиты, Россия

Eugene55611@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0262-4856>

Аннотация

Статья содержит интерпретацию одной фотографии британских интервентов из Государственного архива Мурманской области, сделанной в 1919 г. на станции Имандра. Исторический комментарий основывается на изучении широкого круга источников и включает характеристику британских солдат, их положение в иерархии британской армии на 1919 г., условия пребывания на Мурмане, описание обмундирования, а также сохранившегося до настоящего времени здания, около которого была сделана фотография. По мнению автора, станция Имандра является неотъемлемой частью Хибинского исторического ландшафта, связанного со временем Гражданской войны и интервенции.

Ключевые слова:

Имандра, британские военные, униформа, союзническая интервенция, Гражданская война

Финансирование

Статья выполнена по теме гос. задания ЦГП КНЦ РАН № 0226-2019-0066.

Для цитирования: Сушко Е. О. Британские солдаты на станции Имандра в 1919 г.: исторический комментарий к одной фотографии // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 21. 2021. Т. 12, № 4. С. 171–177. <http://dx/doi.org/10.37614/2307-5252.2021.4.21.013>.

Original article

BRITISH SOLDIERS AT IMANDRA STATION IN 1919: A HISTORICAL COMMENTARY ON ONE PHOTO

Eugene O. Sushko

Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre of RAS, Apatity, Russia

Eugene55611@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0262-4856>

Abstract

The article contains an interpretation of one photo of the British interventionists, taken in 1919 at the Imandra station, from the State Archive of the Murmansk region. The historical commentary is based on the study of a wide range of sources. It includes a description of the British soldiers, their position in the hierarchy of the British army in 1919, the conditions of their stay on Murman, a description of their uniforms, as well as the building near which the photo was taken, which has survived to the present time. According to the author, the Imandra station is an integral part of the Khibiny historical landscape associated with the time of the Civil War and the intervention.

Keywords:

Imandra, British troops, uniform, Allied Intervention, Russian Civil War

Funding

The article was made on the topic of the state assignment of the Barents Centre of the Humanities of KSC RAS No. 0226-2019-0066

For citation: Sushko E. O. British soldiers at Imandra station in 1919: a historical commentary on one photo // Transactions of the Kola Science Centre. Humanitarian studies. Series 21. 2021. Vol. 12, no. 4. P. 171–177. <http://dx/doi.org/10.37614/2307-5252.2021.4.21.013>.

Рассматривая Гражданскую войну на Мурмане, историки не всегда учитывают, что необходимо исследовать не только политическое развитие, социальные взаимодействия или же экономическое положение Мурманска в период 1917–1920 гг., но и те частности, в которых проявляются и конкретизируются крупные события. Микроистория, «сокращая масштаб исследования до локальных сообществ и отдельных личностей, позволяет осуществлять комплексный анализ социокультурных процессов в рамках современных тенденций гуманитарного образования» [1: 40]. Одним из важнейших источников микроистории являются фотографии, которые представляют визуальные образы региона, семьи или отдельного человека, а также содержат авторский взгляд на запечатленные объекты [2: 107]. Когда мы смотрим на изображение прошлого, то видим: а) прошлое глазами фотографа, б) прошлое нашими глазами, то есть с позиции сегодняшнего понимания фотографии, в) прошлое глазами людей с фотографии, когда на основе исторических материалов, пытаемся понять детали их жизни, состояние и представления.

В этом небольшом историческом исследовании рассматривается фотография британских интервентов на станции Имандра. Главной целью является возможно более полный комментарий фотографии с помощью информации, найденной в различных источниках.

Вначале следует обратиться к причинам пребывания иностранных войск на Мурмане. Англичане, американцы и французы официально обозначили свое присутствие на Кольской земле 2 марта 1918 г., когда при поддержке Советского правительства и народного комиссара иностранных дел Льва Троцкого¹ было заключено соглашение между Краевым советом и союзниками для защиты территории от германских войск². С июля 1918 г. союзники находились здесь в качестве поддержки для белых войск, заключив соглашения с уже самостоятельным, разорвавшим отношения с центром Мурманским советом.

Разумеется, союзнические войска находились не только в Мурманске, но и в других населенных пунктах. Они останавливались на различных станциях Мурманской железной дороги, построенной в 1914–1916 гг., так как контроль за железной дорогой был одной из главных задач иностранных солдат. Уже летом 1918 г. вооруженные отряды союзников заняли станции Кица, Лопарская, Шонгуй. Не стала исключением и станция Имандра [3: 105]. При этом надо учитывать, что в 1914–1916 гг. станция Имандра сыграла одну из главных ролей в строительстве Мурманской магистрали, став важным перевалочным пунктом около Хибин [4].

Фотография британских военнослужащих находится в Мурманском архиве под названием «Интервенты на ст. Имандра. 1919 г.»³. Скорее всего, данное фото было сделано самими союзниками, но оставлено ими в Мурманске или ином месте. На фотографии запечатлены шестеро мужчин. Они находятся в неофициальной обстановке и в достаточно спокойном расположении духа, судя по тому, что каждый занял свою индивидуальную позу для фотографирования: кто-то стоит, кто-то сидит. Некоторые солдаты просто улыбаются, пристально смотря в камеру. Это любительское фото, которое создает образ компании друзей-сослуживцев. По мнению исследователей визуальной культуры, «требование к любительским фотографиям — они должны представлять нечто приятное <...>. Соответственно, плохое настроение или самочувствие редко попадают в объектив фотоаппарата <...>. За фотоаппарат любителя также заставляет взяться и нечто преходящее, мгновенное, то, что скоро изменится» [5: 21]. И сам факт, что люди фотографируются, и обстановка на снимке указывают на сложившуюся ситуацию, которую стоит принять во внимание. Фото сделано на территории, где ведется война. В тот момент солдаты, явно, не ожидали какой-либо угрозы. На станции Имандра в 1919 г. отсутствовали полномасштабные

военные действия. Было все спокойно, хотя известную опасность представляли красные партизаны, занимавшиеся подрывом путей и иными акциями одиночного характера с целью срыва движения поездов [6: 126]. На полномасштабные столкновения у партизан в Хибинах не хватало сил, но нельзя отрицать случаи вооруженных стычек между ними и присутствующими союзными силами (рис. 1).

Рис. 1. «Интервенты на ст. Имандра 1919 г.» (ГОКУ ГАМО. Ф. Р-1310. Оп. 1. Д. 594)

Все шестеро британских военнослужащих носят однобортные саржевые кители (туники) с двумя нагрудными карманами, двумя карманами по бокам, пятью металлическими пуговицами и стандартные саржевые брюки на подтяжках⁴. На голове у каждого из них присутствует фуражка с подбородочным ремешком, находящимся ниже кокарды. Тулье фуражки придавал округлую форму специальный обруч, но если он вынимался, то фуражка становилась мягкой или сплюсненной [7: 49]. Вынутый обруч как раз заметен у двух солдат слева и особенно отчетливо у солдата, расположившегося внизу. Военнослужащие также облачены в так называемые походные ботинки⁵, изготавливаемые из кожи⁶. А выше ног они использовали обмотки (другое название — ленты)⁷, которые не следует путать с российскими портянками. Такое обмундирование было наиболее оптимальным для климатических условий Мурманской области, не считая зимы. У двух мужчин на их рукавах видны нашивки с двумя полосами, которые соответствуют званию капрала⁸ в системе британских войск [7: 47]. У одного из мужчин на рукавах нашивки с тремя полосами, соответствующими уже званию сержанта⁹ [7]. Остальные военнослужащие армии Его Королевского Величества, скорее всего, были рядовыми, так как на их форме нет каких-либо отличительных знаков. Вся форма военнослужащих носит традиционное британское название «повседневной формы»¹⁰.

Плохое качество черно-белой фотографии не позволяет узнать, какие кокарды закреплены на фуражках, так как в британской армии было чрезвычайно много различных видов кокард, соответствующих определенным полкам территориально [7: 50]. Однако имеющиеся очертания кокард на фуражках интервентов позволяют предположить, что все они относились к Королевским фузилерам (полк Лондонского Сити)¹¹, появившимся в 1891 г. Виднеющиеся на фотографии у каждого «имандровского британца» нижняя округлая часть кокарды и верхняя треугольная соответствуют униформе этого полка фузилеров: «Центром крутой части кокарды (то есть подвязки) стала роза Тюдоров с Викторианской короной между самой подвязкой и вытянутым пламенем. В 1901 г. пламя приобрело более треугольную форму, и корона приобрела такие же очертания, как у короля (Георга V)»¹².

В отличие от командования армии США, которое для своих экспедиционных войск на Русском Севере под названием «Полярные медведи» создало специальные знаки отличия для униформы (различные нашивки с белыми медведями [8], каски с надписью “Russia”¹³ и пр.), британское командование ничем подобным не занималось, оставив солдатам имеющиеся традиционные знаки отличия.

Возможности сфотографироваться где-либо в этих местах после 1919 г. у этих военнослужащих уже не было, так как последние британские офицеры ушли с Русского Севера 12 октября 1919 г.¹⁴ Эта акция, конечно же, избавила их от жалоб многих солдат на свое бедственное положение. В 1919 г. один солдат проклинал своих командиров за то, что они послали их на Север, даже не оценив физическое здоровье на медосмотре. Он называл свое питание по прибытии в январский Мурманск «рационом голодающего» и свидетельствовал, что видел попрошайничавших хлеб британских солдат¹⁵. Другой же солдат просто заявил в связи с ужасными условиями труда, что у него «нет никаких прав в этой стране»¹⁶.

Что касается самого здания, на входе у которого фотографировались группа из шести британских солдат, то оно сохранилось и до сегодняшнего времени. Можно предположить, что место, на котором сделан снимок, тоже имеет значение. Это крыльцо бревенчатого дома, и на нем видны детали северно-русского архитектурного декора. Для иностранцев эти детали являются знаком пребывания в «экзотическом» месте, на Севере России. «В объектив любительского фотоаппарата попадает все, что в жизни человека кажется ему необычным» [4: 19]. Это здание было запечатлено несколько лет назад, когда автор блога «Записки северного медведя» совершил путешествие в Имандру с целью фотографирования природы и окружения¹⁷. На одной из фотографий под номером 41 можно заметить строение, к которому блогер дает следующий комментарий: «Архитектура Мурманской магистрали пронизана псевдорусским стилем, который был характерен для начала XX века. В таком стиле строились и вокзалы. Правда, в войну от бомбежек большинство из них было разрушено»¹⁸ (рис. 2).

К сожалению, сфотографирована была лишь только верхняя часть дома, однако даже ее достаточно, чтобы сравнить фотографию 1919 и 2015 гг. На фотографии 2015 г. четко видно, что по бокам отсутствуют деревянные рушники с орнаментом, которые были на фото 1919 г. Однако точно такой же рушник с орнаментом расположен выше входа строения (он не запечатлен в 1919 г.). Есть здесь и аналогичные три «кисточки», которые венчают конец орнамента, сходство практически полное. В верхней части входа в здание, где заканчивается дверь, есть остекление, разделенное на три секции. На обеих фотографиях оно практически не различается, что говорит о сохранности общей композиции оформления, так как нельзя отрицать дальнейшую замену стекол. В то же время на фото 1919 г. присутствует остекление из шести прямоугольных частей с правой стороны здания позади сидящего на бревнах британца, а к 2015 г. это остекление уже заколочено.

Рис. 2. Верхняя часть здания (фото из блога «Записки северного медведя». URL: <https://nord-ursus.livejournal.com/146273.html> (дата обращения: 20.09.2021))

Здание, если судить по его основной — нижней части, в современном состоянии покрыто грунтом и краской, что отличается от его состояния в 1919 г., когда был виден «бревенчатый скелет». Однако если посмотреть фото под номером 39 (где оно сфотографировано полностью), то можно заметить никуда не исчезнувшие могучие бревна в углах рассматриваемого строения¹⁹ (рис. 3).

Рис. 3. Все здание на отдаленном расстоянии (фото из блога «Записки северного медведя». URL: <https://nord-ursus.livejournal.com/146273.html> (дата обращения: 20.09.2021))

В целом, фотография позволила увидеть и понять некоторые моменты, связанные с пребыванием британских военнослужащих на станции Имандра, их положением и состоянием, уточнить детали (звание, униформа, вероятная принадлежность к полку). Здание, у которого они фотографировались, можно считать историческим. Такие «микроисследования» позволяют приблизиться к пониманию времени Гражданской войны и интервенции на Мурмане, в частности, в Хибинах. Станция Имандра, безусловно, является неотъемлемой частью Хибинского исторического ландшафта.

Примечания

¹ Борьба за установление и упрочение Советской власти на Мурмане: сборник документов и материалов // Партийн. арх. Мурман. обкома КПСС, Арх. отд. Мурман. облисполкома, Гос. арх. Мурман. обл. / сост. А. С. Мошкин (ред.) [и др.]. Мурманск: Кн. изд-во, 1960. С. 146–147.

² Там же. С. 147–148.

³ ГОКУ ГАМО. Ф. Р-1310. Оп. 1. Д. 594.

⁴ British Army uniform and equipment in World War I // Wikipedia, the free encyclopedia. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/British_Army_uniform_and_equipment_in_World_War_I (дата обращения: 20.09.2021).

⁵ Англ.: “ammunition boots”.

⁶ Обувь первой мировой — сапоги, портянки, обмотки. URL: <https://redtent.ru/imperium/puttees> (дата обращения: 20.09.2021).

⁷ Этот элемент обмундирования англичане заимствовали у индийцев, потому что считали такую ткань наиболее удобной для использования вместе с кожаными ботинками в сложных климатических условиях вместо тяжеловесных сапог. На санскрите читается как “patta”, на хинди “patti”, а в английском название изменилось до “puttee”.

⁸ Англ.: “corporal”.

⁹ Англ.: “sergeant”

¹⁰ В Великобритании это звучит как “service dress”, но не стоит путать с парадной формой — “full dress uniform”, не использовавшейся британцами в годы Первой Мировой войны.

¹¹ Оригинальное название полка на английском “The Royal Fusiliers (City of London Regiment)”.

¹² Badge, headdress, British, The Royal Fusiliers (City of London Regt.). URL: <https://www.iwm.org.uk/collections/item/object/30076128> (дата обращения: 20.09.2021).

¹³ WWI Polar Bear Regiment featured at LP Museum dinner / Times-Herald and Sunday Times Newspapers. 3-rd May, 2019. URL: <https://www.downriversundaytimes.com/2019/05/03/wwi-polar-bear-regiment-featured-at-lp-museum-dinner/> (дата обращения: 20.09.2021).

¹⁴ Great Britain. War Office Army. The evacuation of North Russia. 1919, 1920. P. 45.

¹⁵ British Soldiers in Russia: The two letters ... are from a soldier in the British North Russian Expeditionary force... // Warwick Digital Collections, 1919. P. 1–2. URL: <https://wdc.contentdm.oclc.org/digital/collection/russian/id/1146> (дата обращения: 20.09.2021).

¹⁶ Ibid. P. 3.

¹⁷ Имандра. Станция и поселок / Интернет-площадка «Живой Журнал». 12 февр., 2015. URL: <https://nord-ursus.livejournal.com/146273.html> (дата обращения: 20.09.2021).

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

Список литературы

1. Арсентьев Н. М., Руськин, А. Н. Интеграционные процессы среди европейских школ микроистории (теоретико-методологический аспект) // Интеграция образования. 2010. № 4. С. 40–44.
2. Чернова И. В. Отражение истории и культуры восточнославянского населения среднего Прииртышья в фотоматериалах этнографических экспедиций Омского государственного университета 2006–2011 гг. // Вестн. Томского гос. ун-та. История. 2013. № 4 (24). С. 107–111.
3. Ушаков И. Ф., Дащинский С. Н. Кола. Мурманск: Мурманское кн. изд-во, 1983. 193 с.
4. Скуфьин П. К. Станция Имандра — забытая страница русской славы // Газета «Дважды два». 2015. 19 сент. URL: <http://gazeta2x2.ru/?p=62014> (дата обращения: 20.09.2021).

5. Бойцова О. Ю. Любительские фото: визуальная культура повседневности. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в С.-Петербурге, 2013. 266 с.
6. Павлов Я. С. В. И. Ленин и партизанское движение. Минск: «Беларусь», 1975. 544 с.
7. Норт Дж. Солдаты Первой мировой войны 1914–1918. Униформа, знаки различия, снаряжение и вооружение / [пер. с англ. М. Витебского] М.: Эксмо, 2015. 256 с.
8. Ciaramitaro L. Polar Bears Centennial Symposium Honors World War I U. S. Army Troops / MI Blues Perspectives. 11-th September, 2018. URL: <https://www.mibluesperspectives.com/2018/09/07/polar-bears-centennial-symposium-honors-world-war-i-u-s-army-troops-gallery/> (дата обращения: 20.09.2021).

References

1. Arsentiev N. M., Ruskin A. N. Integracionnye processy sredi evropejskikh shkol mikroistorii (teoretiko-metodologicheskij aspekt) [Integration processes among European schools of microhistory (theoretical and methodological aspect)]. *Integraciya obrazovaniya* [Integration of education], 2010, no. 4, pp. 40–44 (In Russ.).
2. Chernova I. V. Otrazhenie istorii i kultury vostochnoslavyanskogo naseleniya srednego Priirtyshya v fotomaterialah etnograficheskikh ekspeditsij Omskogo gosudarstvennogo universiteta 2006–2011 gg. [Reflection of the history and culture of the East Slavic population of the Middle Irtysh region in photographic materials of the ethnographic expeditions of Omsk State University 2006–2011]. *Vestn. Tomskogo gos. un-ta. Istoriya* [Bulletin of the Tomsk State University. History], 2013, no. 4 (24), pp. 107–111. (In Russ.).
3. Ushakov I. F., Dashchinskij S. N. *Kola* [Kola]. Murmansk, Murmanskoe kn. izd-vo, 1983, 193 p. (In Russ.).
4. Skufin P. K. Stanciya Imandra — zabytaya stranica russkoj slavy [Station Imandra is a forgotten page of Russian glory]. *Dvazhdy dva* [Dvazhdy dva], 2015, 19-th september. (In Russ.). Available at: <http://gazeta2x2.ru/?p=62014> (accessed 25.09.2021).
5. Bojцова О. Ю. *Lyubitelskie foto: vizualnaya kultura povsednevnosti* [Amateur photos: visual culture of everyday life]. Saint-Petersburg, Izd-vo Evropejskogo un-ta v S.-Peterburge, 2013, 266 p. (In Russ.).
6. Pavlov Ya. S. *V. I. Lenin i partizanskoe dvizhenie* [Lenin and the Partisan movement]. Минск, “Belarus”, 1975, 544 p. (In Russ.).
7. North J. Soldaty Pervoj mirovoj vojny 1914–1918. Uniforma, znaki razlichiya, snaryazhenie i vooruzhenie [Soldiers of the First World War 1914–1918. Uniforms, insignia, equipment and weapons]. Moscow, Eksmo, 2015, 256 p. (In Russ.).
8. Ciaramitaro L. Polar Bears Centennial Symposium Honors World War I U. S. Army Troops. MI Blues Perspectives, 11-th september, 2018. Available at: <https://www.mibluesperspectives.com/2018/09/07/polar-bears-centennial-symposium-honors-world-war-i-u-s-army-troops-gallery/> (accessed 25.09.2021).

Сведения об авторе

Е. О. Сушко — аспирант ФИЦ КНЦ РАН, старший лаборант сектора формирования и хранения цифровой информации ЦГП КНЦ РАН.

Information about the author

E. O. Sushko — Postgraduate of the Kola Science Centre of RAS, Senior Laboratory of Sector of Assistant, Formation and Storage of Digital Information of the Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre of RAS.

Статья поступила в редакцию 25.09.2021; одобрена после рецензирования 05.10.2021; принята к публикации 08.10.2021.

The article was submitted 25.09.2021; approved after reviewing 05.10.2021; accepted for publication 08.10.2021.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ SCIENTIFIC LIFE

Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 21. 2021. Т. 12, № 4. С. 178–182.

Transactions of the Kola Science Centre. Humanitarian studies. Series 21. 2021. Vol. 12, no. 4. P. 178–182.

Научная статья

УДК 75.03(470.21)

DOI: 10.37614/2307-5252.2021.4.21.014

МУРМАНСКИЙ ХУДОЖНИК ШЕВНИН АНАТОЛИЙ НИКОЛАЕВИЧ. К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Ольга Вячеславовна Шабалина✉

Центр гуманитарных проблем Баренц региона ФИЦ КНЦ РАН, Апатиты, Россия

o.shabalina@ksc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0711-1913>

Аннотация

Публикация посвящена юбилейной выставке художественных работ мурманского художника Анатолия Шевнина, организованной в Музее-архиве истории изучения и освоения Европейского Севера Центра гуманитарных проблем КНЦ РАН. Приводятся биографические данные о художнике и описание его творческого пути.

Ключевые слова:

выставка, Анатолий Шевнин, юбилей, Музей-архив истории изучения и освоения Европейского Севера, Центр гуманитарных проблем КНЦ РАН

Финансирование

Работа выполнена в рамках выполнения госзадания по теме НИР № 0226-2019-0066.

Для цитирования: Шабалина О. В. Мурманский художник Шевнин Анатолий Николаевич. К 70-летию со дня рождения // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 21. 2021. Т. 12, № 4. С. 178–182. <http://dx.doi.org/10.37614/2307-5252.2021.4.21.014>.

Original article

MURMANSK PAINTER SHEVNIN ANATOLY NIKOLAEVICH. TO THE 70TH ANNIVERSARY OF HIS BIRTH

Olga V. Shabalina✉

Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre of RAS, Apatity, Russia

o.shabalina@ksc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0711-1913>

Abstract

The publication is dedicated to the anniversary exhibition of art works by Murmansk painter Anatoly Shevnin, organized in the Museum-Archive of the History of Study and Development of the European North of the Barents Centre of Humanities of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences. Biographical information about the artist and description of his creative career are given.

Key words:

exhibition, Anatoly Shevnin, anniversary, Museum-Archive of the History of Study and Development of the European North, Barents Centre of Humanities of the Kola Science Centre of RAS

Funding

The article was supported by the federal budget to carry out the state task of the FRC KSC RAS No. 0226-2019-0066.

For citation: Shabalina O. V. Murmansk painter Shevnin Anatoly Nikolaevich. To the 70th anniversary of his birth // Transactions of the Kola Science Centre. Humanitarian studies. Series 21. 2021. Vol. 12, no. 4. P. 178–182. <http://dx.doi.org/10.37614/2307-5252.2021.4.21.014>.

Музей-архив истории изучения и освоения Европейского Севера ЦГП КНЦ РАН в рамках плановой работы по изучению и сохранению культурного наследия региона подготовил выставку работ из собственных фондов и частных собраний мурманского живописца, графика и плакатиста члена Союза художников России Анатолия Николаевича Шевнина (1951–2012(?)), посвященную 70-летию со дня рождения автора (рис. 1–3).

Анатолий Николаевич Шевнин родился 28 августа 1951 г. в г. Мончегорске Мурманской области. Специальность «дизайнер» он получил, окончив Чебоксарское художественное училище (1968) и Ленинградское высшее художественно-производственное училище имени В. И. Мухомовой (1979). Жил и творил в Мурманской области [1]. Долгое время проработал художником-оформителем на комбинате «Североникель» в г. Мончегорске, затем — художником-проектировщиком Мурманских художественно-производственных мастерских Художественного Фонда РСФСР (с 1980-х). Искал творческое самовыражение в разных жанрах и техниках: политический плакат, скульптура, батик, монументальная живопись, корпусная (пастозная) живопись, проекты оформления интерьеров и памятных досок. Занимался промышленной графикой. В 1996 г. был принят в Мурманское отделение Союза художников России [2].

В 1998 г. А. Н. Шевнин создал проект оформления нового экспозиционного пространства Музея-архива истории изучения и освоения Европейского Севера ЦГП КНЦ РАН и собственноручно воплотил его в жизнь. Посетители музея отмечают лаконично-академическую, невероятно точно передающую эстетику драматичной и одновременно романтической эпохи освоения Арктики стилистику репрезентации музейного материала в залах экспозиции. В 2005 г. Анатолий Николаевич снова был приглашен руководством ЦГП КНЦ РАН для разработки концепции постоянно действующей выставки, посвященной истории организации и развития Кольского научного центра РАН. На выставке представлены авторские проектные макеты и эскизы оформления экспозиций Музея-архива ЦГП КНЦ РАН разных лет (рис. 4).

Рис. 1. А. Н. Шевнин в своей лесной мастерской. 1990-е гг. Фото из архива семьи художника

Рис. 2. Избушка, в которой располагалась лесная мастерская А. Н. Шевнина. 1990-е гг. Фото из архива семьи художника

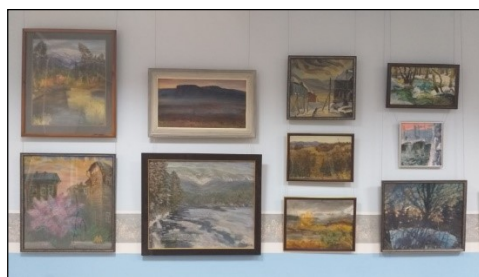

Рис. 3. Фрагмент выставки работ А. Н. Шевнина в ЦГП КНЦ РАН. Октябрь, 2021 г.

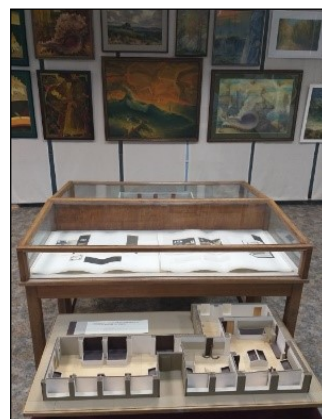

Рис. 4. А. Н. Шевнин. Макет экспозиционного пространства Музея-архива ЦГП КНЦ РАН. 1998. Из фондов Музея-архива ЦГП КНЦ РАН

Анатолий Николаевич Шевнин — мастер живописного и графического пейзажа, политического плаката, портрета. Опыт создания политических плакатов был трансформирован А. Н. Шевниным и перенесен на живописные полотна, которые возбуждают у зрителя эмоциональные состояния сродни «чувствам высшего порядка», связанным с социально-политическими и идейными взглядами автора визуального высказывания (рис. 5, 6).

Рис. 5. А. Н. Шевнин. «Весь мир насилия мы разрушим...». 2008. Холст, масло. Из частной коллекции

Рис. 6. А. Н. Шевнин. «Триумф демократии на фоне столичного юбилея». 1997. ДВП, масло. Из частной коллекции

Будучи православным человеком, Анатолий Николаевич в своем творчестве неоднократно обращался к библейским сюжетам и образам, бережно интерпретируя их в манере, стремящейся к канонической (рис. 7, 8). Им также было создано множество ярких образов современников — жителей Мурманской области (рис. 9, 10). В 2004 г. автор серии работ «Север» А. Н. Шевнин был удостоен премии Губернатора Мурманской области за особый вклад в развитие культуры и искусства и за достижения в области профессионального мастерства.

Рис. 7. А. Н. Шевнин. «Архангел». 1997. Холст, масло. Из частной коллекции

Рис. 8. А. Н. Шевнин. «Поминальная свеча». 1999. Холст, масло. Из частной коллекции

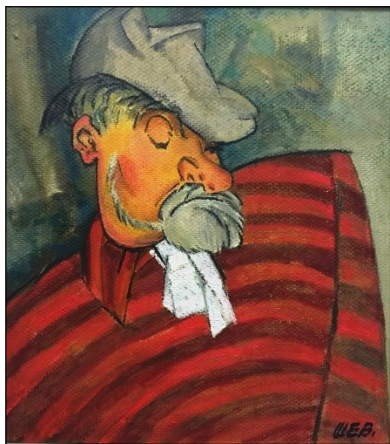

Рис. 9. А. Н. Шевнин. Портрет художника Герасимова. 2010. Холст, масло. Из фондов Музея-архива ЦГП КНЦ РАН

Рис. 10. А. Н. Шевнин. Директор ПГИ КФАН СССР С. И. Исаев. Холст, масло. Из частной коллекции

Произведения Анатолия Николаевича Шевнина с успехом экспонировались на международных и отечественных выставках различных уровней: международном конкурсе «Плакат в борьбе за мир», 1982, г. Москва; VI Международная биеннале плаката, 1985, г. Лаhti, Финляндия; Международная биеннале плаката, 1990, г. Мехико, Мексика; областных выставках разных лет в г. Мурманск; региональных «Художники Севера», 1989, г. Мурманск; «Российский Север», 2003, г. Вологда; персональной выставке, 2011, г. Мурманск [1].

А. Н. Шевнин был преданным ценителем северной природы, путешественником и охотником. Он надолго уединялся в своих «лесных владениях», где обустроил небольшое зимовье-мастерскую. Вдали от назойливой цивилизации он восполнял творческую энергию и писал с натуры свои «места силы». Они неоднократно были воплощены автором в разных художественных техниках (рис. 11, 12). В августе 2012 г. Анатолий Николаевич Шевнин не вернулся из одного из своих походов.

Рис. 11. А. Н. Шевнин. «Прибой». 2011. Холст, масло. Из частной коллекции

Рис. 12. Шевнин А.Н. «Ледостав». 2005. Холст, масло. Из частной коллекции

Список литературы

1. Художники Мурмана, 1965–2005: к 40-летию Мурм. обл. обществ. орг. Всерос. творч. обществ. орг. «Союз художников России»: иллюстрир. ист.-биогр. справ. / [ред. совет: М. В. Шевах (пред.) и др.; авт. текста и сост. Е. В. Иванова, Т. М. Рыжкова; сост. библиогр. указ. С. А. Дячок]. Мурманск: Север, 2005. 87 с.
2. Измайлова Н. «Стараюсь на себя не наступать» // Мурманский вестник. 1996. 23 марта.

References

1. *Khudozhniki Murmana, 1965–2005: k 40-letiyu Murm. obl. obshchestv. org. Vseros. tvorch. obshchestv. org. "Soyuz khudozhnikov Rossii": illyustrirovannyi istoriko-biograficheskiy spravochnik* [Artists of Murman, 1965–2005: to the 40th anniversary of Murm. region societies. org. Vseros. creative societies. org. "Union of Artists of Russia": illustrated historical and biographical reference book]. Murmansk, Sever, 2005, 87 p. (In Russ.).
2. Izmaylova N. "Starayus' na sebya ne nastupat'" ["I try not to step on myself"] *Murmanskiy vestnik* [Murmanskiy vestnik], 1996, 23 March. (In Russ.).

Сведения об авторе

О. В. Шабалина — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник ЦГП КНЦ РАН.

Information about the author

O. V. Shabalina — PhD (History), Leading Research Fellow of the Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre of RAS.

Статья поступила в редакцию 27.09.2021; одобрена после рецензирования 30.09.2021; принята к публикации 08.10.2021.

The article was submitted 27.09.2021; approved after reviewing 30.09.2021; accepted for publication 08.10.2021.

Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 21. 2021. Т. 12, № 4. С. 183–189.

Transactions of the Kola Science Centre. Humanitarian studies. Series 21. 2021. Vol. 12, no. 4. P. 183–189.

Научная статья

УДК 394.21(=511.12)(470.21)

DOI: 10.37614/2307-5252.2021.4.21.015

О МЕЖДУНАРОДНОЙ КОРЕЙСКО-РОССИЙСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ТРАДИЦИИ И АКТУАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ РОССИИ» И СОВРЕМЕННЫХ ПРАЗДНИКАХ КОЛЬСКИХ СААМОВ

Ольга Александровна Бодрова✉

*Центр гуманитарных проблем Баренц региона ФИЦ КНЦ РАН, Апатиты, Россия
o.bodrova@ksc.ru*✉, <https://orcid.org/0000-0001-5312-6692>

Аннотация

В публикации раскрывается содержание доклада, посвященного современным праздникам кольских саамов на международной корейско-русской конференции. Саамские праздники рассматриваются в аспекте их особого значения как средства сохранения культурного наследия саамского народа и как узнаваемого регионального бренда. Приводится предварительная классификация саамских современных праздников, дается их краткая характеристика.

Ключевые слова:

саамы, Кольский полуостров, Мурманская область, традиционные праздники, современные праздники, культурно-массовые мероприятия

Финансирование

Работа выполнена в рамках выполнения госзадания по теме НИР № 0226-2019-0066 и профинансирована из федерального бюджета.

Для цитирования: Бодрова О. А. О Международной корейско-русской конференции «Традиции и актуальное состояние малочисленных народов Арктической зоны России» и современных праздниках кольских саамов // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 21. 2021. Т. 12, № 4. С. 183–189. <http://dx.doi.org/10.37614/2307-5252.2021.4.21.015>.

Original article

CONCERNING THE INTERNATIONAL KOREAN-RUSSIAN CONFERENCE “TRADITIONS AND PRESENT OF ETHNIC MINORITIES IN THE ARCTIC ZONE OF RUSSIA” AND MODERN FESTIVALS OF THE KOLA SAMI

Olga A. Bodrova✉

*Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre of RAS, Apatity, Russia
o.bodrova@ksc.ru*✉, <https://orcid.org/0000-0001-5312-6692>

Abstract

The paper reveals the content of the report concerning modern and traditional festivals of the Kola Sami, which was presented at the International Korean-Russian conference. The Sami festivals are of special importance as a means of preservation of the cultural heritage of the Sami people and as a recognizable regional brand. There is a provisional classification and summary of some modern festivals of the Kola Sami.

Keywords:

Sami people, Kola Peninsula, the Murmansk region, traditional festivals, modern festivals, cultural and recreational activities

Funding

The article was supported by the federal budget to carry out the state task of the FRC KSC RAS No. 0226-2019-0066.

For citation: Bodrova O. A. Concerning the international Korean-Russian conference “Traditions and Present of Ethnic Minorities in the Arctic Zone of Russia” and modern festivals of the Kola Sami // Transactions of the Kola Science Centre. Humanitarian studies. Series 21. 2021. Vol. 12, no. 4. P. 183–189. <http://dx.doi.org/10.37614/2307-5252.2021.4.21.015>.

2 октября 2021 г. состоялась I Международная корейско-российская конференция «Традиции и актуальное состояние малочисленных народов Арктической зоны России», организованная Институтом малочисленных народов университета «Пэчже» при поддержке Корейского национального исследовательского фонда. Мероприятие прошло на базе Исторического музея университета «Пэчже» (Ю. Корея, г. Сеул, Джонг-дон) в формате онлайн (рис.). В работе конференции приняли участие дирекция и сотрудники Института малочисленных народов университета «Пэчже», ведущий научный сотрудник сектора этнологии Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, доктор исторических наук И. Ю. Винокурова (г. Петрозаводск) и старший научный сотрудник Центра гуманитарных проблем Баренц региона ФИЦ КНЦ РАН, кандидат исторических наук О. А. Бодрова. Были представлены такие темы, как традиционные верования и ритуалы кетов, ритуалы по излечению болезней и воззрения на душу удэгейцев Дальнего Востока, туристический потенциал регионов проживания малочисленных народов России с точки зрения культурного туризма, современные местные праздники вепсов и кольских саамов. По материалам мероприятия выпущен сборник докладов (приветственное слово — И. Ю. Винокуровой) [1].

Рис. Обложка сборника материалов I Международной корейско-российской конференции «Традиции и актуальное состояние малочисленных народов Арктической зоны России»

Докладам представителей российских научных организаций была отведена третья секция конференции. Согласно традициям научных мероприятий принимающей стороны после презентаций и сообщений исследователей с комментариями и вопросами выступили официальные оппоненты докладчиков — А. Э. Кулик (Университет «Кенг Ги», г. Сеул) и Д. И. Капарушкина (Университет «Сон Мун», г. Асан). Затем следовали обсуждения докладов и общая дискуссия. Примечательно, что рабочим языком третьей секции был русский, и большинство вопросов задавалось на русском языке. Выступления южнокорейских ученых на русский язык переводила

координатор мероприятия Диана Чанг. Было отмечено, что в дальнейшем предполагается расширить географию участников будущих совместных конференций за счет привлечения российских ученых из других арктических регионов. В настоящее время сотрудники Института малочисленных народов университета «Пэчже» планируют рабочие визиты в Карелию и на Кольский полуостров, а также живое знакомство с культурами представителей коренных малочисленных народов Европейского Севера.

Остановившись подробнее на одной из ключевых тем корейско-российской конференции — праздниках коренных малочисленных народов Европейской части АЗРФ — нельзя не отметить их значение в аспекте сохранения культурного наследия и возрождения этнических традиций. Кроме того, изучение современных и традиционных праздников коренного населения, (например, группы кольских саамов) перспективно как в контексте территориального брендинга, так и развития этнографического туризма в регионе. Именно современной праздничной культуре саамов был посвящен доклад О. А. Бодровой «Современные и традиционные праздники кольских саамов в культурно-массовых практиках Мурманской области».

Как известно, саамская культура, несмотря на то, что доля саамов от общего количества всех жителей Мурманской области составляет лишь 0,2 % или 1599 чел. (по данным на 2010 г.)¹, является одним из основных культурных символов региона. По заявлению губернатора, высказавшегося накануне Международного дня саамов в связи с развитием этнографического туризма в области: «Кольский полуостров должен ассоциироваться с уникальными традициями саамского народа»². Сохранению материальной и духовной культуры кольских саамов способствует проведение в Мурманской области большого количества культурно-массовых мероприятий, тем или иным образом связанных с традиционными и национальными праздниками саамского населения: различные праздники, фестивали, выставки и пр. Одновременно большинство этих праздников и фестивалей являются и событийными мероприятиями, популярными среди туристов и местных жителей. Объектом исследования в названном докладе являлись современные саамские праздники, которые в своем большинстве происходят от традиционных этнических праздников или ритуальных действий, претерпевших ряд трансформаций и адаптированных к реалиям нашего времени. На конференции не были представлены церковные и семейные саамские праздники.

В условной классификации современных саамских праздников автор доклада предложила выделять: 1) национальные; 2) спортивно-досуговые; 3) этнические; 4) событийно-развлекательные. Практически все эти праздники и другие культурно-массовые мероприятия, связанные с саамской культурой, отражаются в календарном плане мероприятий, составленном при Правительстве Мурманской области. В 2020–2021 гг. в связи с пандемией проведение таких мероприятий резко сократилось, поэтому для представления о количестве и своеобразии саамских праздников можно обратиться к документу «Календарный план мероприятий государственного областного бюджетного учреждения “Мурманский областной центр коренных малочисленных народов Севера”» от 2019 г.³

Национальные праздники

Национальные праздники кольских саамов связаны прежде всего с публичным уровнем проявления их этнической идентичности и направлены на «пропаганду» национальной саамской культуры. При этом основные саамские национальные праздники являются единственными для саамов всех четырех государств: Норвегии, Швеции, Финляндии, России — и были определены на первом саамском собрании в Тронхейме (Норвегия) 6 февраля 1917 г. Начиная с этого дня, именно 6 февраля саамы ежегодно

отмечают свой главный национальный праздник — Международный день саамов. В России кольские саамы впервые отметили его в 1922 г. С тех пор в начале февраля в рамках празднования Международного дня саамов во многих городах и поселках Мурманской области открываются выставки, проходят праздничные концерты, тематические уроки, вечера, конкурсы, информационные часы, виртуальные экскурсии, тематические презентации и многие другие мероприятия, которые знакомят посетителей с культурой саамов [2: 87]. В г. Мурманске и в с. Ловозеро обязательно поднимается саамский национальный флаг.

15 августа отмечается как День принятия саамского флага, который был утвержден на XIII Саамской конференции 15 августа 1986 г. в Оре (Швеция). Художник флага — Астрид Боль. У саамов есть и свой гимн (автор текста — Исаак Саба). Саамы отмечают также День учреждения Союза саамов. Это событие произошло на II Саамской конференции 18 августа 1956 г. в Карасйоке (Норвегия).

Помимо общесаамских национальных праздников, кольские саамы отмечают День саамского слова, который с 1989 г. проводится в рамках Дней славянской письменности и культуры, а с 1996 г. проходит в г. Оленегорске как Фестиваль саамской музыки.

Всего у саамов насчитывается 11 собственных официальных праздников, которые были утверждены на XV Саамской конференции в Хельсинки (1992) и на XVI Саамской конференции в Мурманске (1996) [2: 86].

Спортивно-досуговые праздники

Центральным праздником этой группы является Праздник Севера, который проходит в начале весны в г. Мурманске и в с. Ловозеро Мурманской области. Праздник Севера (неофициальное название этого мероприятия в Мурманске — Полярная Олимпиада) — это ежегодное культурно-массовое мероприятие, связанное с проведением спортивных соревнований по зимним видам спорта [3: 42]. А Праздник Севера, который проходит в Ловозеро, традиционно в советских публикациях называли районным.

В 1928 г. впервые в с. Ловозеро были устроены оленьи бега, в которых участвовало 14 упряжек. А 10 марта 1929 г. состоялись первые соревнования оленьих упряжек в Мурманске: всего 26 нарт, 80 оленей. Затем инициативная группа мурманских спортсменов-энтузиастов добилась проведения областного лыжного праздника. Так возникли традиции Полярной Олимпиады. В 1934 г. ловозерцы подхватили инициативу мурманчан и стали проводить свой Праздник Севера, но с этническим колоритом — на оленьих упряжках, которыми правили саамские оленеводы. Мурманчане также решили приглашать на областной праздник оленеводов-спортсменов.

Сейчас Праздник Севера, особенно в с. Ловозеро, пользуется необыкновенной популярностью у туристов со всей страны и из-за рубежа, а также у местного населения. Традиционно это культурно-массовое мероприятие включает концертные программы национальных коллективов района и области, соревнования по национальным видам спорта (гонки на оленьих упряжках, лыжные гонки, стрельба из арбалета и лука, метание аркана и копья), работу ярмарки, на которой можно приобрести саамские изделия прикладного творчества, саамскую кухню. В оленьих гонках участвуют как мужчины, так и женщины. Дистанции составляют обычно 1600 и 3200 м.

По масштабности Праздник Севера очень близок национальным саамским праздникам. В Ловозере на открытии мероприятия так же поднимают национальный саамский флаг, как и в дни национальных саамских праздников.

Другим популярным спортивным праздником кольских саамов являются Летние саамские игры — народное гулянье на оз. Поповское недалеко от с. Ловозеро. Летние саамские игры проводятся с 1985 г. и возникли благодаря инициативе саамской писательницы и исследователя саамского фольклора Александры Андреевны Антоновой, которая составила и программу праздника с учетом особенностей традиционных саамских промыслов — оленеводства, рыболовства и охоты. На Летних саамских играх проходят выступления саамских этнографических коллективов, проводятся соревнования по стрельбе из арбалета, прыжкам через нарты, гребле на лодках, саамский футбол с участием главным образом женских команд. Работают мастер-классы по декоративно-прикладным ремеслам.

Этнические праздники

Среди этнических традиционных праздников кольских саамов, которые были частично восстановлены и переосмыслены в наши дни, можно особенно отметить календарные и обрядовые праздники, а также охотничьи обряды. Полнее всего игровые обрядовые элементы саамского праздника отразились в Медвежьих игрищах, реконструирующих древний культовый Медвежий праздник, описанный в конце XIX в. Н.Н. Харузиным [4].

Медвежьи игрища (Талл пеййв) связаны с культом медведя, следы которого можно встретить в фольклорных произведениях кольских саамов. Праздник был возрожден в декабре 1995 г. Национальным культурным центром с. Ловозеро. Фольклорные коллективы попытались воспроизвести обрядовые действия, сопровождавшие удачную охоту на медведя. В сценарий праздника были введены также спортивные состязания — собственно игрища, во время которых женщины и дети стреляли с завязанными глазами из арбалета в шкуру медведя, прыгали через нее, метали копыя и камни. Мужчины состязались за титул самого ловкого «мужчины-медведя», то есть равного по силе медведю, в саамской борьбе, заарканивании оленей, в поднятии тяжестей, в стрельбе из арбалета. Затем все чествовали победителя, как и в старину чествовали охотника, которому удалось обнаружить логово медведя [5: 395].

Состязания являются обязательным элементом современных праздников, восходящих корнями к традиционным этническим праздникам кольских саамов, а также спортивных культурно-массовых мероприятий. Центральным образом всех саамских праздников является северный олень, с одной стороны, как символ жертвы (саамы приносили оленей в жертву как языческим божествам, так и в канун православных праздников), другой стороны, северный олень неразрывно связан с фигурой Мяндаша — тотемного предка кольских саамов. Северный олень выступает атрибутом саамской культуры как символ материальной основы жизнедеятельности и тотемный образ, закрепленный в фольклорной традиции и обрядовой культуре. Образ оленя используется на мероприятиях в виде элементов визуального оформления, экспонатов, персонажей действия, что не исключает реального участия животных в анимации (например, в катаниях на оленях) или в традиционных спортивных соревнованиях.

Событийно-развлекательные праздники

Эти культурно-массовые мероприятия направлены не на проявление саамской этничности, а на привлечение внимания широкой общественности и увеличение туристского потока в Мурманскую область. Строго говоря, подобные праздники вообще не инициированы саамским населением, а только заимствуют отдельные элементы саамской культуры и мотивы саамского фольклора.

Самым ярким праздником этой группы можно считать недавно возникшее мероприятие событийного туризма Гиперборейский новый год, который теперь ежегодно отмечается в г. Ковдоре и является частью популярного регионального бренда «Ковдор — столица Гипербореи». Одним из главных персонажей праздника является змей Куввт (что в переводе с кильдинского диалекта саамского языка означает «змея»). Гиперборейский новый год, который отмечается 22 декабря, обыгрывает происхождение названия г. Ковдора от топонима «койвт» (от существительного «змея» на бабинском диалекте саамского языка, распространенном в данном районе) и историю древнего саамского праздника, приуроченного ко дню зимнего солнцестояния, наподобие древнегерманского праздника Йоль [6: 98].

Введение саамской этнической символики в структуру культурно-массовых мероприятий событийного туризма (фестивалей, городских праздников, спортивных соревнований) сближает их с традиционными народными праздниками и ритуальными состязательными обрядами кольских саамов, превращая этнический праздник в феномен современной массовой культуры.

Примечания

¹ Всероссийская перепись населения 2010 года: в 11 т. Т. 1: Численность и размещение населения. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 15.09.2021).

² Кольский полуостров должен ассоциироваться с уникальными традициями саамского народа: в Мурманской области развивают этнический туризм // Правительство Мурманской области. URL: <https://gov-murman.ru/info/news/394419/> (дата обращения: 05.04.2021).

³ Календарный план мероприятий государственного областного бюджетного учреждения «Мурманский областной центр коренных малочисленных народов Севера» на 2019 год // Правительство Мурманской области. URL: <https://gov-murman.ru/region/saami/calendar/plan-2019.pdf> (дата обращения: 15.09.2021).

Список литературы

1. Совместная корейско-российская конференция Института малочисленных народов университета «Пэчже» 2021 «Традиции и актуальное состояние малочисленных народов Арктической зоны России» (Сеул, 2 октября 2021 г.). Сеул: Университет «Пэчже», 2021.
2. Сулейманова О. А., Бодрова О. А. «Саами приглашают»: культурно-массовые мероприятия как форма сохранения культурного наследия коренного населения Кольского Севера // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2017. № 4 (11). С. 83–96.
3. Сулейманова О. А. «Праздник Севера и традиционный день оленевода»: к проблеме изучения культурно-массовой деятельности как формы актуализации этнокультурных традиций аборигенного населения Мурманской области // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2018. № 11 (15). С. 42–52.

4. Харузин Н. Н. «Медвежья присяга» и тотемические основы культа медведя у остяков и вогулов // Этнографическое обозрение. 1898. № 3. С. 1–36; № 4. С. 1–37.
5. Большакова Н. П. Жизнь, обычаи и мифы кольских саамов в прошлом и настоящем. Мурманск: Книжное издательство, 2005. 416 с.
6. Бодрова О. А. Образ змеи в фольклоре, обрядах и современных практиках населения Мурманской области // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42, № 5. С. 95–99.

References

1. *Sovmestnaja korejsko-rossijskaja konferencija Instituta malochislennyh narodov universiteta "Pjeczhe" 2021 "Tradicii i aktual'noe sostojanie malochislennyh narodov Arkticheskoj zony Rossii" (Seul, 2 oktjabrja 2021 g.)* [Joint Korea-Russian conference of the Institute of indigenous peoples and minorities of the University "Pjeczhe" 2021 "Traditions and Present of Ethnic Minorities in the Arctic Zone of Russia"]. Seoul, University "Pjeczhe", 2021, 89 p. (In Kor. and Russ.).
2. Sulejmanova O. A., Bodrova O. A. "Saami priglashajut": kul'turno-massovye meroprijatija kak forma sohraneniya kul'turnogo nasledija korennoho naselenija Kol'skogo Severa ["Saami invite": cultural and mass activities as a form of conservation of the cultural heritage of the indigenous people of the Kola North]. *Trudy Kol'skogo nauchnogo centra RAN. Gumanitarnye issledovanija* [Transactions of the Kola Science Centre. Humanitarian Studies], 2017, no. 4 (11), pp. 83–96 (In Russ.).
3. Sulejmanova O. A. "Prazdnik Severa i tradicionnyj den' olenevoda": k probleme izuchenija kul'turno-massovoj dejatel'nosti kak formy aktualizacii jetnokul'turnyh tradicij aborigennogo naselenija Murmanskoi oblasti ["The Holiday of the North and the Traditional day of the Reindeer": to the problem of studying cultural and mass activities as a form of actualization of ethnocultural traditions of the aborigines of the Murmansk region]. *Trudy Kol'skogo nauchnogo centra RAN. Gumanitarnye issledovanija* [Transactions of the Kola Science Centre. Humanitarian Studies], 2018, no. 11 (15), pp. 42–52 (In Russ.).
4. Haruzin N. N. "Medvezh'ja prisjaga" i totemicheskie osnovy kul'ta medvedja u ostjakov i vogulov ["Bear Oath" and the totemic foundations of the bear cult among the Ostyaks and Voguls]. *Jetnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], 1898, no. 3, pp. 1–36; no. 4, pp. 1–37 (In Russ.).
5. Bol'shakova N. P. *Zhizn', obychai i mify kol'skih saamov v proshlom i nastojashhem* [Life, customs and myths of the Kola Sami in the past and present]. Murmansk, Book publ., 2005, 416 p. (In Russ.)
6. Bodrova O. A. *Obraz zmei v fol'klоре, obrjadah i sovremennyh praktikah naselenija Murmanskoi oblasti* [The snake image in folklore, rites and contemporary practices of the peoples of the Murmansk region]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of the Petrozavodsk State University], 2020, vol. 42, no. 5, pp. 95–99 (In Russ.).

Сведения об авторе

О. А. Бодрова — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ЦГП КНЦ РАН.

Information about the author

O. A. Bodrova — PhD (History), Senior Research Fellow of the Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre of RAS.

Статья поступила в редакцию 28.09.2021; одобрена после рецензирования 04.10.2021; принята к публикации 08.10.2021.

The article was submitted 28.09.2021; approved after reviewing 04.10.2021; accepted for publication 08.10.2021.

Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 21. 2021. Т. 12, № 4. С. 190–197.

Transactions of the Kola Science Centre. Humanitarian studies. Series 21. 2021. Vol. 12, no. 4. P. 190–197.

Научная статья

УДК 001(06)

DOI: 10.37614/2307-5252.2021.4.21.016

**О XLII МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ ГОДИЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«НАУКА И ТЕХНИКА В ГОДЫ БУРЬ И ПОТряСЕНИЙ
(К ЮБИЛЕЯМ А. П. КАРПИНСКОГО И Л. С. БЕРГА)»**

Ксения Сергеевна Казакова

*Центр гуманитарных проблем Баренц региона ФИЦ КНЦ РАН, Апатиты, Россия
k.kazakova@ksc.ru , <https://orcid.org/0000-0002-5071-4947>*

Аннотация

Публикация посвящена международной конференции, которая ежегодно проводится в Санкт-Петербургском филиале Института истории естествознания и техники имени Вавилова РАН (СПбФ ИИЕТ РАН). В 2021 г. конференция приурочена к юбилеям А. П. Карпинского и Л. С. Берга. Традиционно в рамках конференции Санкт-Петербургский Филиал Архива РАН (СПбФ АРАН) организовал заседание секции «История архивного дела, архивных фондов и коллекций», на котором обсуждался широкий круг вопросов, связанных с особенностями формирования и использования архивных документов и коллекций.

Ключевые слова:

конференция, СПбФ ИИЕТ РАН, история науки, А. П. Карпинский, Л. С. Берг, архив, архивные коллекции

Финансирование

Работа выполнена в рамках выполнения госзадания по теме НИР № 0226-2019-0066.

Для цитирования: Казакова К. С. О XLII Международной научной годичной конференции «Наука и техника в годы бурь и потрясений (к юбилеям А. П. Карпинского и Л. С. Берга)» // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 21. 2021. Т. 00, № 0. С. 190–197. <http://dx/doi.org/10.37614/2307-5252.2021.4.21.016>.

Original article

**CONCERNING THE INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE
“SCIENCE AND TECHNOLOGY IN THE YEARS OF STORM AND SHOCK
(TO ANNIVERSARIES OF A. P. KARPINSKY AND L. S. BERG)”**

Ksenia S. Kazakova

*Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre of RAS, Apatity, Russia
k.kazakova@ksc.ru , <https://orcid.org/0000-0002-5071-4947>*

Abstract

The publication is devoted to the international conference, which is held annually at the S. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of RAS in Saint-Peterburg. In 2021, the conference is dedicated to the anniversaries of A. P. Karpinsky and L. S. Berg. Within the framework of the conference, the St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences (SPbF ARAN) traditionally organized scientific session “History of archival affairs, archival funds and collections”, the participants of which discussed a wide range of issues related to the peculiarities of the formation and use of archival documents and collections.

Keywords:

conference, S. Vavilov Institute for the History of Science and Technology, RAS, history of science, A. P. Karpinsky, L. S. Berg, archive, archival collections

Funding

The article was supported by the federal budget to carry out the state task of the FRC KSC RAS No. 0226-2019-0066.

For citation: Kazakova K. S. Concerning the international scientific conference “Science and technology in the years of storm and shock (to anniversaries of A. P. Karpinsky and L. S. Berg)” // Transactions of the Kola Science Centre. Humanitarian studies. Series 21. 2021. Vol. 12, no. 4. P. 190–197. <http://dx/doi.org/10.37614/2307-5252.2021.4.21.016>.

В 2021 г. научное сообщество отмечает юбилеи двух выдающихся российских ученых: 175-летие со дня рождения геолога и горного инженера, первого выборного президента Российской академии наук (1917) Александра Петровича Карпинского (1846–1936) и 145-летие со дня рождения зоолога, эволюциониста, географа, историка науки, президента Русского географического общества, академика Льва Семеновича Берга (1876–1950). К юбилеям выдающихся ученых была приурочена XLII Международная научная годичная конференция (конференция проводится в Ленинграде (Санкт-Петербурге) с 1966 г. на базе Санкт-Петербургского филиала Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института истории естествознания и техники имени С. И. Вавилова Российской академии наук) «Наука и техника в годы бурь и потрясений (к юбилеям А. П. Карпинского и Л. С. Берга)» (рис. 1). На конференции предметом обсуждения стал широкий спектр тем, например, таких, как: деятельность ученых в годы социальных катаклизмов, специфика организации научных исследований в трудные периоды истории, проблемы взаимодействия науки и власти, формирование и развитие советского научно-образовательного пространства.

Рис. 1. Обложка программы конференции

Организатором конференции является Санкт-Петербургское отделение Российского национального комитета по истории и философии науки и техники, а соорганизаторами выступили Санкт-Петербургский горный университет, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I, Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук и др.

Пленарное заседание состоялось 25 октября в конференц-зале Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники имени С. И. Вавилова РАН (СПбФ ИИЕТ РАН). Директор СПбФ ИИЕТ РАН к. соц. н. Надежда Алексеевна Ащеулова открыла заседание, представив участникам мероприятия историю первой учредительной конференции Советского национального объединения историков естествознания и техников, его Ленинградского отделения, а также отметила, что конференция проводится в Санкт-Петербурге в 42 раз, и в 2021 г. печатному изданию конференции — сборнику материалов «Наука и техника. Вопросы истории и теории» исполняется 50 лет. Председатель Комитета по науке и высшей школе Правительства Санкт-Петербурга Андрей Станиславович Максимов подчеркнул в приветствии, что в год науки и технологий очень важна память имен и наследия выдающихся ученых, внесших вклад не только в развитие отечественной и мировой науки, но и формирование петербургских исследовательских традиций. Санкт-Петербург помнит и чтит этот вклад. В числе первых из шести премий Правительства Санкт-Петербурга, учрежденных более 20 лет назад, была премия имени А. П. Карпинского. Сегодня уже 20 лауреатов отмечены за заслуги в области геологических, геофизических наук и горного дела¹.

С приветствием от имени Института истории естествознания и техники имени С. И. Вавилова РАН (ИИЕТ РАН) участников конференции выступил чл.-корр. РАН, д. ю. н, проф., главный научный сотрудник ИИЕТ РАН Юрий Михайлович Батурин, он пожелал конференции успешной работы, творческого взаимодействия с коллегами-участниками мероприятия и приятного чувства нового продвижения вперед в области изучения истории и философии науки и техники.

От имени Всероссийского научно-исследовательского геологического института имени А. П. Карпинского (ВСЕГЕИ) приветствовал участников мероприятия чл.-корр. РАН, д. экон. н., д. геол.-минерал. н. Олег Владимирович Петров, в своем выступлении он отметил, что А. П. Карпинского называют отцом русской геологии, так как он заложил основы российской научной школы геологической картографии и руководил геологической службой России с 1884–1903 г. (почти 19 лет). ВСЕГЕИ внес свой вклад в сохранении памяти А. П. Карпинского: в 2010 г. установлен памятник выдающемуся ученому у входа в институт.

На пленарном и секционных заседаниях конференции представлены доклады, отражающие различные аспекты истории науки и техники XVIII–XXI вв. в широком социокультурном контексте.

На пленарном заседании с докладами выступили: главный научный сотрудник СПбФ ИИЕТ РАН, д. и. н. В. С. Соболев «А.П. Карпинский — президент российской академии наук (к 175-летию со дня рождения)» (рис. 2); заведующая отделом публикаций и выставочной деятельности СПбФ АРАН, д. и. н. Е. Ю. Басаргина и научный сотрудник СПбФ ИИЕТ РАН, к. фил. н. С. И. Зенкевич сделали доклад «Дары академику А. П. Карпинскому в СПбФ АРАН», в рамках которого впервые прозвучал «Ноктюрн», написанный в 1927 г. британским консулом в Ленинграде Томасом Хильдебрандом Престоном для А. П. Карпинского, в ознаменование 10-летнего пребывания академика на посту президента Академии наук (рис. 3); старший научный сотрудник СПбФ АРАН, к. и. н. Е. Н. Груздева («М. М. Иванова-Берг: педагог, ученый, жена»); старший научный сотрудник СПбФ ИИЕТ РАН, к. б. н. А. Л. Рижинашвили («Вклад Л. С. Берга в изучение водоемов Российской Империи – СССР»); главный научный сотрудник ИИЕТ РАН, чл.-корр. РАН, д. ю. н, проф. Ю. М. Батурин (Москва) («Информационно-технологический вызов человечеству»); директор Института истории науки Национальной академии наук Азербайджана, д. и. н. М. Г. Сеидбейли (Баку, Азербайджан) («Страницы жизни

и творчества средневекового азербайджанского ученого Насир ад-дина ат-Туси»). Кроме того, состоялась презентация книги: Сеидбейли Мариам Гасан кызы «Рукописное наследие азербайджанского ученого Насир ад-дина ат-Туси» [1].

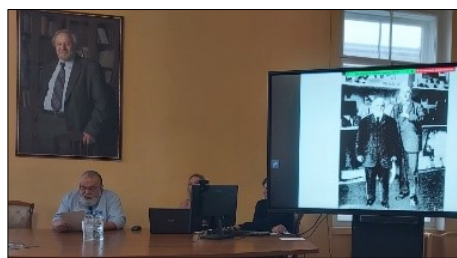

Рис. 2. Выступление д. и. н. В. С. Соболева на пленарном заседании

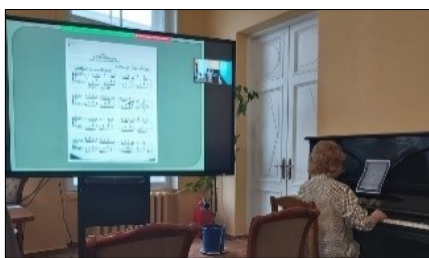

Рис. 3. к. фил. н. С. И. Зенкевич исполняет «Ноктюрн» Т. Престона

В рамках конференции было организовано 17 секций. Перечислим лишь некоторые из них: «История транспорта», «История математики и механики», «История архивного дела, архивных фондов и коллекций», «История биологии», «История судостроения», «История античной науки», «История авиации и космонавтики», «История медицины», «История электроники, информатики и связи», «История астрономии», «История технических наук и инженерной деятельности», «История военной науки и техники и образования», «История Академии наук и научных учреждений», «Социологические проблемы науки», «История геологии». Также был организован круглый стол по экологической истории, организованный совместно с Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики». В конференции принимали участие ученые из Санкт-Петербурга, Апатитов, Белгорода, Владивостока, Казани, Листвянки, Москвы, Московской области, Новосибирска, Сортавалы, Сыктывкара и ряда зарубежных стран — Азербайджана, Беларуси, Латвии, Франции, Украины.

Впервые в рамках работы ежегодной научной конференции ИИЕТ РАН была организована секция «История архивного дела, архивных фондов и коллекций», модератором которой выступила к. и. н., научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН Татьяна Владимировна Костина. Ранее архивной тематике на этой конференции были посвящены круглые столы: в 2018 г. — «Международные академические сети прошлого: проблемы архивирования, реконструкции и критики исторических источников», в 2019 г. — «Академические архивы и проблемы современного источниковедения», а в 2020 г. — «Влияние эпохи на комплектование, сохранность и состав архивных фондов ученых и научных учреждений». В этом году в ходе работы секции были рассмотрены вопросы по истории формирования личных фондов ученых, представленных в различных архивохранилищах, проблемы сохранности и ввода в научный оборот семейных архивов и коллекций, видовые особенности ведомственных архивных фондов, научный потенциал личной переписки как исторического источника и др.

Ученый секретарь СПбФ АРАН, к. и. н. Л. Д. Бондарь представила доклад «Фонд Т. Б. Форш и В. В. Меншуткина (№ 1151) в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН: особенности и история формирования». Она рассказала о том, что с 2015 г. в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН реализуется проект, направленный на изучение документов по персональному составу академических учреждений XVIII – первой трети XX в., что стало ответом на привлекающую все большее внимание проблему «Personalia в науке» [2]. Как отметила Лариса Дмитриевна, в научно-справочном аппарате архива лучше представлены материалы

к научным биографиям «высшего академического эшелона». Между тем объективное воссоздание институциональной истории науки невозможно без полноценной реконструкции контекста академических исследований и всей полноты персонального состава научных учреждений, в который входят также рядовые научные сотрудники, научно-технический персонал, ученики (аспиранты) и служащие. Доклад был посвящен домашнему архиву ученых, который был принят в 2018 г. в СПбФ АРАН, сформировав фонд № 1151 — «Т. Б. Форш, В. В. Меншуткин». В этот разноплановый фонд включены материалы семьи петербургских лимнологов и зоологов, в том числе связанных с Байкальской лимнологической станцией Академии наук.

Доклад Н. А. Горяшко² «Семейные архивы в исследовании истории северных биологических стационаров: чудесные находки и горькие потери» был посвящен потенциалу семейных архивов в изучении истории биологических стационаров Белого и Баренцева моря. Особенности расшифровки и ввода в научный оборот семейных документов были раскрыты на примере фотоархива И. Н. Лашкевич, участницы беломорской экспедиции К. К. Сент-Илера 1914 г., полученного от ее внука И. И. Козловского; семейного архива М. И. Некрасова, участника биологических работ в Соловецком лагере особого назначения в 1923–1926 гг., фотоархива семьи Танасийчук о работе на Мурманской биологической станции в 1926–1933 г. и др.

Научный сотрудник СПбФ ИИЕТ, к. б. н. Е. Ю. Жарова рассказала об особенностях корпуса документов Фонда Министерства народного просвещения (Ф. 733) в Российском государственном историческом архиве (РГИА). Наибольшее внимание Екатерина Юрьевна уделила документам Министерства народного просвещения, касающихся особенностям формирования и функционирования естественнонаучных лабораторий в русских университетах второй половины XIX в.

Научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, к. и. н. Т. В. Костина представила доклад «Переписка членов семьи академика Н. П. Лихачева в архиве О. П. Лихачевой». Татьяна Владимировна рассказала о том, что личный фонд Н. П. Лихачева, куда вошла большая часть его переписки, хранится в СПбФ АРАН, однако в фонде О. П. Лихачевой (1937–2003), его внуки, в Санкт-Петербургском институте истории РАН (СПБИИ РАН) сохранились письма членов семьи академика за 1900–1970-е гг. Наиболее трудными для расшифровки, как отметил докладчик, являются письма, написанные в сложных обстоятельствах арестов 1930-х и блокады Ленинграда, так как изобилуют сокращениями, написаны выцветавшим карандашом. Автор доклада пояснила, что письма намеренно написаны так, чтобы быть понятыми лишь адресатам и самым близким людям, и потому требуют отдельных исследований, глубоких знаний контекста.

Большой интерес у присутствующих вызвал доклад сотрудника СПбФ АРАН, к. и. н. Н. В. Крапошиной, темой которого стала «Картотека по личному составу Управления делами (1927–1934) — Административно-хозяйственного управления ленинградских учреждений АН СССР (1934–1978)». Наталья Валентиновна рассказала об особенностях формирования в составе СПбФ АРАН Ф. 4. Оп. 4а, который включает в себя более 12 тыс. карточек по личному составу Академии наук за период с 1925 по 1941 гг. Среди них можно выделить отдельную группу учетных карточек «Культурные кадры». Так осуществлялся учет научных сотрудников, чаще всего окончивших до революции гимназию, далее Ленинградский (Петроградский) государственный университет, занимавшихся активной научной и общественной работой, владевших несколькими иностранными языками, имевших дворянское происхождение. Также в составе фонда выделена отдельная группа личных карточек на сотрудников Академии наук, подвергшихся репрессиям и уволенных в связи с арестом.

Доклад заведующей Научным архивом ФИЦ КНЦ РАН, к. и. н. Е. И. Макаровой был посвящен особенностям документального фонда Научного архива ФИЦ КНЦ РАН и публикационной деятельности ФИЦ КНЦ РАН по введению в научный оборот архивных документов. В качестве примера публикаций, основанных на материалах Научного архива ФИЦ КНЦ РАН, Елена Ивановна привела такие издания, как: Материалы Первой Полярной конференции (1932) [3]; «Ученые Кольского научного центра» (2010) [4]; юбилейное издание «Кольский научный центр. Летопись. 1930–2010» [5].

Участники круглого стола обсудили проблемы технического оформления фондов и их реставрации, которая была затронута в докладе к. и. н. А. В. Малининой (СПБФ АРАН) «Некоторые аспекты технического оформления фонда Е. Г. Пчелиной».

Оживленную дискуссию вызвали доклады сотрудников СПБФ АРАН к. и. н. М. В. Мандрик «Л. С. Берг и Географическое общество: к истории взаимоотношений» и В. В. Онощенко «О некоторых проблемах социальных запросов на примере комплекса фондов “Ленакадемстрой”, хранящихся в архиве Академии наук».

Доклад сотрудников Центра гуманитарных проблем Баренц региона КНЦ РАН к. и. н. О. В. Шабалиной и к. и. н. К. С. Казаковой «История формирования Музея-архива ЦГП КНЦ РАН на примере комплектования фондов полярных исследователей» был посвящен проблеме формирования документально-предметных фондов и библиотеки Музея-архива, которое происходило за счет инициативного комплектования, пополняясь из семейных архивов, собраний и коллекций фондообразователей. В докладе было отмечено, что среди разнообразных источников по истории освоения Арктики [6], особую группу источников образуют дневники и личные документы. Содержание фондов полярных исследователей А. Ф. Трешникова, В. П. Кальянова и И. С. Песчанского [7] позволяют проследить процесс внутрисемейной экспертизы ценностей документов членами семей фондообразователей до момента передачи их на хранение.

Участники секции «История архивного дела, архивных фондов и коллекций» отметили продуктивность обсуждения проблем архивистов и выразили надежду на проведение архивоведческой секции в следующем году.

В целом, в рамках конференции было представлено более 170 докладов. Тезисы участников мероприятия напечатаны в сборнике «Наука и техника: вопросы истории и теории. Материалы XLII Международной годичной научной конференции Санкт-Петербургского отделения Российского национального комитета по истории и философии науки и техники Российской академии наук «Наука и техника в годы бурь и потрясений (к юбилеям А. П. Карпинского и Л. С. Берга)» (25–29 октября 2021 г.)» [8].

Примечания

¹ Сайт Комитета по науке и высшей школе Правительства Санкт-Петербурга. URL: <http://knvsh.gov.spb.ru/news/view/3403/> (дата обращения: 28.10.2021).

² Персональный сайт автора. URL: <https://www.alexandra-goryashko.net/> (дата обращения: 28.10.2021).

Список литературы

1. Сеидбейли Мариам Гасан кызы. Рукописное наследие азербайджанского ученого Насир ад-дина ат-Туси. СПб.: Скифия-принт, 2021. 410 с.
2. Бондарь Л. Д., Крапошина Н. В., Анненкова Е. А., Онощенко В. В., Прохоренко Н. С., Шишкина К. Г. Основные формы кадрового учета в Императорской Санкт-Петербургской – Российской – Всесоюзной академии наук (середина XVIII – середина XX в.). URL: <http://ranar.spb.ru/files/visual/Staff%20documentation.pdf> (дата обращения: 28.10.2021).

3. Первая Полярная конференция по вопросам комплексного использования Хибинской апатито-нефелиновой породы (9–12 апреля 1932 г., г. Хибиногорск). Апатиты: Изд-во КНЦ РАН, 2009. 324 с.
4. Ученые Кольского научного центра. 1930–2005: энциклопедия. Апатиты: Изд-во КНЦ РАН, 2006. 400 с.
5. Петров В. П., Макарова Е. И., Саморукова А. Г., Токарев А. Д., Усов А. Ф. Кольский научный центр. Летопись 1930–2010. Апатиты: КНЦ РАН, 2011. 320 с.
6. Иванова М. В., Казакова К. С., Шабалина О. В. Опыт социо-экономического и культурного развития Арктической зоны РФ в XVIII – начале XX вв.: к разработке источниковой базы исследования // Труды Кольского научного центра РАН. 2017. Т. 8, № 9–12. С. 61–76.
7. Шабалина О. В. Материалы персональных фондов А. Ф. Трешникова, В. П. Кальянова и И. С. Песчанского Музея-архива ЦГП КНЦ РАН как источники по истории изучения и освоения Арктики // Труды Кольского научного центра РАН. 2016. № 8–10 (42). С. 73–88.
8. Наука и техника: вопросы истории и теории // Материалы XLII Международной годичной научной конференции Санкт-Петербургского отделения Российского национального комитета по истории и философии науки и техники Российской академии наук «Наука и техника в годы бурь и потрясений (к юбилеям А. П. Карпинского и Л. С. Берга)» (25–29 октября 2021 г.). СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН, 2021 Вып. XXXVII. 292 с.

References

1. Seidbeyli Mariam Gasan kyzy *Rukopisnoye naslediye azerbaydzhanskogo uchenogo Nasir ad-dina at-Tusi* [The manuscript heritage of the Azerbaijani scientist Nasir ad-din at-Tusi]. Saint-Petersburg, Skifiya-print, 2021, 410 p. (In Russ.).
2. Bondar' L. D., Kraposhina N. V., Annenkova Ye. A., Onoshchenko V. V., Prokhorenko N. S., Shishkina K. G. *Osnovnyye formy kadrovogo ucheta v Imperatorskoy Sankt-Peterburgskoy – Rossiyskoy – Vsesoyuznoy akademii nauk (seredina XVIII – seredina KHKH v.)* [The main forms of personnel accounting in the Imperial St. Petersburg – Russian – All-Union Academy of Sciences (mid-18th – mid-20th century)]. Available at: <http://ranar.spb.ru/files/visual/Staff%20documentation.pdf> (accessed 28.10.2021) (In Russ.).
3. *Pervaya Polyarnaya konferentsiya po voprosam kompleksnogo ispol'zovaniya Khibinskoy apatito-nefelinovoy porody (9–12 aprelya 1932 g., g. Khibinogorsk)* [The first Polar conference on the complex use of the Khibiny apatite-nepheline rock (April 9–12, 1932, Khibinogorsk)]. Apatity, KSC RAS, 2009. 324 p. (In Russ.).
4. *Uchenyye Kol'skogo nauchnogo tsentra. 1930–2005: entsiklopediya* [Scientists of the Kola Science Center. 1930–2005: encyclopedia]. Apatity, KSC RAS, 2006, 400 p. (In Russ.).
5. Petrov V. P., Makarova Ye. I., Samorukova A. G., Tokarev A. D., Usov A. F. *Kol'skiy nauchnyy tsentr. Letopis' 1930–2010* [Kola Science Center. Chronicle 1930–2010]. Apatity, KSC RAS, 2011, 320 p. (In Russ.).
6. Ivanova M. V., Kazakova K. S., Shabalina O. V. Opyt sotsio-ekonomicheskogo i kul'turnogo razvitiya Arkticheskoy zony RF v XVIII – nachale KHKH vv.: k razrabotke istochnikovoy bazy issledovaniya [Experience of socio-economic and cultural development of the Arctic zone of the Russian Federation in the 19th — the early 20th cent.: considering the source base of the study]. *Trudy Kol'skogo nauchnogo tsentra RAN* [Transactions of the Kola Science Centre of RAS], 2017, vol. 8, no 9–12, pp. 61–76. (In Russ.).

7. Shabalina O.V. Materialy personal'nykh fondov A. F. Treshnikova, V. P. Kal'yanova i I. S. Peschanskogo Muzeya-arkhiva TSGP KNTS RAN kak istochniki po istorii izucheniya i osvoyeniya Arktiki [Materials of A. F. Treshnikov's, V. P. Kalyanov's and I. S. Peschanskiy's personal funds of the Museum-archive of the BCH KSC RAS as sources on the history of the Arctic investigation and exploration]. *Trudy Kol'skogo nauchnogo tsentra RAN* [Transactions of the Kola Science Centre of RAS], 2016, no. 8–10 (42), pp. 73–88. (In Russ.).
8. *Nauka i tekhnika: Voprosy istorii i teorii*. Materialy XLII Mezhdunarodnoy godichnoy nauchnoy konferentsii Sankt-Peterburgskogo otdeleniya Rossiyskogo natsional'nogo komiteta po istorii i filosofii nauki i tekhniki Rossiyskoy akademii nauk “Nauka i tekhnika v gody bur' i potryaseniya (k yubileyam A. P. Karpinskogo i L. S. Berga)” (25–29 oktyabrya 2021 g.) [Science and technology: Questions of history and theory. Proceedings of the XLII International Annual Scientific Conference of the St. Petersburg Branch of the Russian National Committee on the History and Philosophy of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences “Science and technology in the years of storms and shocks (to the anniversaries of A. P. Karpinsky and L. S. Berg)” (25–29 October, 2021)]. Saint-Petersburg, SPbF IYET RAN, 2021, issue XXXVII, 292 p. (In Russ.).

Сведения об авторе

К. С. Казакова — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ЦП КНЦ РАН.

Information about the author

K. S. Kazakova — PhD (History), Senior Research Fellow of the Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre of RAS.

Статья поступила в редакцию 28.10.2021; одобрена после рецензирования 29.10.2021; принята к публикации 30.10.2021.

The article was submitted 28.10.2021; approved after reviewing 29.10.2021; accepted for publication 30.10.2021.

